

СМЕНА

№8 АВГУСТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2018

Еще шагать далеко,
надо взять
не одну стену!

Будь готов
сменить стариков,
читай журнал
«Смену»!

Л. Маяковский

О жизни и творчестве художника Хосе Риберы, о судьбе бородатой женщины Магдалены Вентуры читайте на странице 74.

Неизвестное об известном

- Юрий Осипов* «Становясь на горло
собственной песне...» 4

Замечательные современники

- Светлана Бестужева-Лада* «Бессмертный лебедь» 23
- Елена Воробьева* **Георгий Ковалев:**
**«Настоящий театр делает мир
и каждого из нас лучше!»** 51
- Виктор Ом* «Человек Играющий» —
клоун и живописец 65

Рассказ

- Светлана Савицкая* **Телегония**
расцветшего лотоса 36
- Анатолий Крищенко* **Партизан и «Горюшко»** 57

Это интересно

- Ирина Опимах* **Несчастливая судьба**
Магдалены Вентуры.
«Портрет бородатой женщины»
Хосе Риберы 74
- Евгения Гордиенко* **Иван Цветаев.**
Отец Марины и Музея 84

Житейские истории

- Ольга Онуфриева* **Розовый телефон** 92

Из российской истории

- Денис Логинов* **Непростительный грех** 98

Остросюжетный роман

- Андрей Быстров* **Зеркальная угроза** 114

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Владимир Маяковский
для журнала «Смена». 1924 год

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 7800

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.07.2018

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

«Свой первый сборник стихов «Лирический пантеон» Афанасий Фет выпустил, еще учась в университете. А после выхода второго сборника критики не поспешили на похвалы, и Фет был признан одним из лучших современных поэтов. Но судьба была к нему настолько неласкова, что он почти на двадцать лет перестал писать и вернулся к поэзии лишь после того, как ему были возвращены фамилия отчима и дворянские привилегии. Фет был сторонником «чистых идей» и воспевал «абсолютную красоту». Природа и любовь — вот главные темы его стихотворений, в которых талант поэта проявился с огромным блеском.

Юрий **Осипов** «Зажги свой факел вдохновенный»

«Михаила Ивановича Глинку называли «русским Моцартом» и утверждали, что для русской музыки он сделал не меньше, чем Пушкин для русской словесности. Правда, некоторые считали его дилетантом, ссылаясь на небольшое количество созданных им произведений. И в самом деле — всего две оперы, музыка к одной драме, три оркестровые фантазии, несколько десятков романсов — вот практически и все, что завещал он музыкальному потомству. Но это количество никак не может отменить тот факт, что «дилетант» Глинка, проявляя истинную гениальность, надолго определил путь русской музыки...

Алла **Зубкова** «Отец Руслана и Людмилы»

«Жители современной Москвы даже не задумываются, откуда в их домах берется вода — холодная и горячая, в любое время суток. То, что когда-то казалось смелой и несбыточной мечтой, стало обыденной реальностью нашей жизни. Сегодня трудно представить, что всего лишь сто с небольшим лет назад жители центра Москвы брали воду из городских водоразборных фонтанов и несли ее домой в кадках и ведрах, а те, кто побогаче, пользовались услугами водовозов. И вот, летом 1779 года Екатерина Великая поручила генерал-поручику Бауеру «произвести в действо водяные работы для пользы престольного нашего города Москвы». Бауер взялся за дело основательно и вскоре представил императрице проект Мытищинского водопровода и моста через Яузу. В официальных документах этот мост именовался «Ростокинским акведуком», а в народе бытовало другое название — Миллионный мост, так как на его строительство ушло 1 миллион 648 тысяч рублей (астрономическая по тем временам цифра)! Увидеть свое детище Екатерина II не успела, открытие водопровода и моста пришлось на правление ее внука Александра I...

Дмитрий **Зелов** «Ростокинский акведук»

«Детектив Андрея **Дышева** «Одноклассники»

«Становясь собственной

на горло
песне...»

После его самоубийства Сталин произнес крылатую фразу: *«Маяковский был и остается талантливейшим поэтом нашей эпохи»*. И — долго держал под спудом его главные произведения.

Маяковского также называли «глашатаем и певцом революции». Стихи он обыкновенно сочинял на ходу и порой нахаживал по 15–20 километров, пока не находил нужной рифмы. Он изобрел запись стиха «лесенкой» в два-три слова, ставшей его «визитной поэтической карточкой», беря гонорар, как было положено, за каждую строку, чем вызывал злобную зависть коллег.

Широкоплечий и громогласный, ростом под два метра, с неизменной папиросой в углу красиво очерченных губ, обыгрывавший мужественную грубоватость своего лица (и даже сыгравший в кино «хулигана»), Владимир Владимирович носил в кармане мыльницу и постоянно мыл руки, боясь подхватить инфекцию по примеру отца. Тот умер от заражения крови, уколовшись иголкой, когда сшивал бумаги, и с тех пор будущий поэт терпеть не мог иголок, булавок, заколок, всю жизнь страдая бактериофобией.

Характер у него был тяжелый и мнительный, обиды долго не забывал, но при этом под нарочито грубой оболочкой скрывалась очень ранимая, одинокая душа. С открытой теплотой он относился только к старикам и собакам. Старикам всегда помогал материально.

Любимых женщин изводил комплексами и ревностью. Страдал от неразделенной любви к жившей в Париже русской эмигрантке Татьяне Яковлевой. Выносить его могла одна лишь Лиля Брик, которую он безропотно делил с ее мужем. Они жили совместно в квартире Бриков, и Лиля не стеснялась выпрашивать у него дорогие подарки и носила подаренное им кольцо с гравировкой «Люб» («люблю»). Брикам Маяковский завещал все свои рукописи, оставил в наследство деньги и кооперативную квартиру.

Свидетельницей его самоубийства оказалась последняя любовь поэта, молодая актриса Вероника Полонская, которую долгое время считали виновницей смерти Маяковского.

К самоубийству Владимир Владимирович тщательно готовился и за два дня до того, как застрелился, оставил на столе знаменитую стихотворную предсмертную записку: *«Как говорят, — \инцидент исперчен». \Любовная лодка \разбилась о быт. \Я с жизнью в расчете \и не к чему перечень \взаимных болей, \бед \и обид. \Счастливо оставаться. \Владимир Маяковский 12\IV–30 г.»*

Один из крупнейших поэтов XX века, революционер в поэзии и новатор стиха, драматург, киносценарист, кинорежиссер, киноактер, художник-плакатист, редактор журналов, Владимир Маяковский родился 7 (19) июля 1893 года в грузинском селе Багдади Кутаисской губернии, где его отец Владимир Константинович служил лесничим. Мать поэта, Александра Алексеевна Павленко, происходила из старого рода кубан-

ских казаков и родилась в станице Терская. В поэме «Владикавказ-Тифлис» (1924) Маяковский называет себя грузином.

Грузин не грузин, но в гимназии он овладел грузинским языком, читал агитационные брошюры и участвовал в революционной демонстрации. Возможно, именно щедрая земля Грузии сформировала его характер, взрывной и страстный, широкий и гордый, открытый и чувствительный.

С Грузией пришлось расстаться в 1906 году, после смерти отца. В июле того же года мать с сыном и двумя дочерьми переехала в Москву, где Володя пошел в 4-й класс V-й классической гимназии на Поварской улице. Семья жила настолько бедно, что мальчика исключили из 5-го класса по причине неуплаты за обучение. Так он и остался «недоучкой», хотя при этом уже начал писать стихи.

рога. За недостатком улик юношу всякий раз освобождали, передавая под надзор родителей.

Дольше всего он просидел в Бутырке — целых 11 месяцев, причем в одиночке. А после освобождения в январе 1910 года вышел из партии, оставшись, подобно Валерию Брюсову «поэтом-коммунистом».

В тюрьме Маяковский продолжал сочинять стихи. И хотя сам оставался

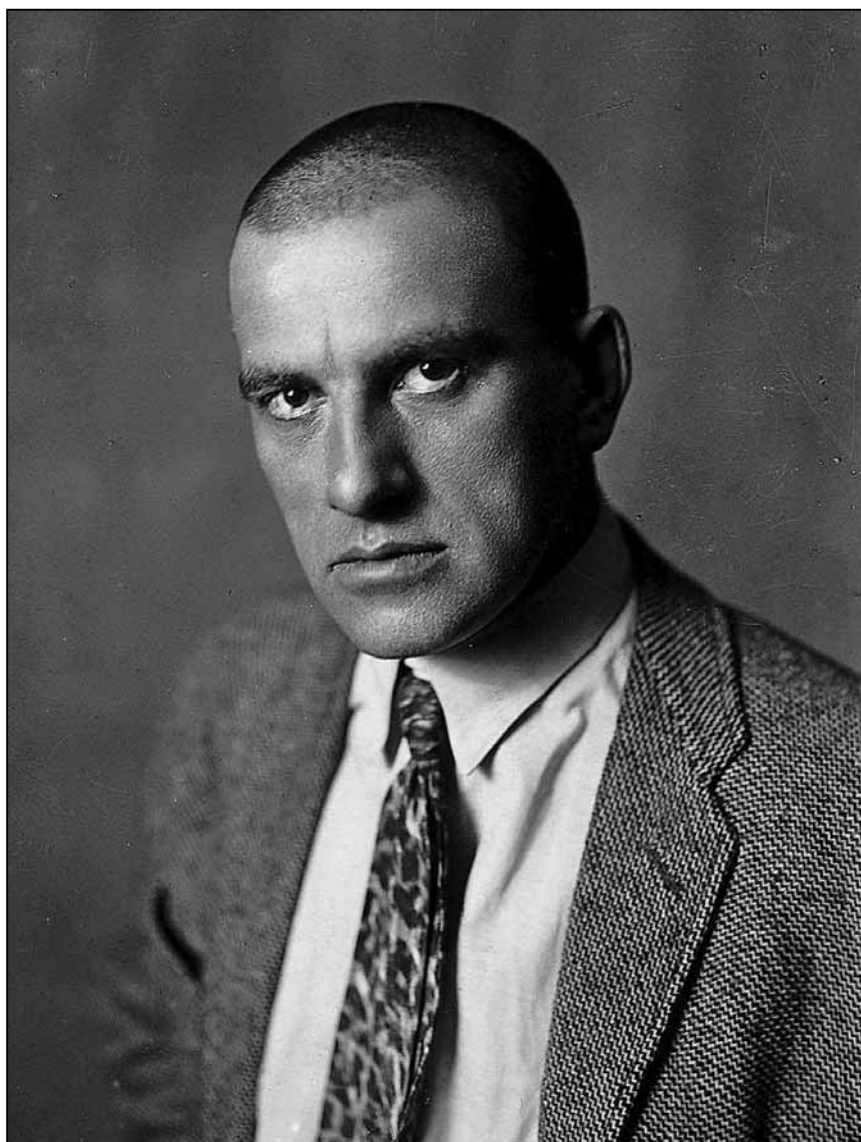
В Москве Маяковский познакомился с революционно настроенными студентами, увлекся марксистской литературой, а в 1908 году вступил в РСДРП. Роковой, надо признать поворот судьбы молодого поэта, трижды приводивший его в тюремную камеру по делу о подпольной типографии, обвинению в связях с группой анархистов и подозрению в пособничестве побегу политкаторжанок из Новинского острога

В Москве Маяковский познакомился с революционно настроенными студентами, увлекся марксистской литературой, а в 1908 году (вслед за Горьким) вступил в РСДРП. Роковой, надо признать, поворот судьбы великого поэта. За пропагандистскую работу в последующие пару лет он трижды попадал в тюремную камеру по делу о подпольной типографии, обвинению в связях с группой анархистов-экспроприаторов и по подозрению в пособничестве побегу политкаторжанок из Новинского ост-

ими недоволен, именно с этой тюремной тетради юношеских стихотворений исчислял начало своего поэтического творчества.

Одновременно Владимир неожиданно пошел учиться на художника — его подруга, богемная художница Евгения Ланг, вдохновила поэта на занятия живописью. После подготовительного класса Строгановки он поступил в знаменитое Московское училище живописи, ваяния и зодчества, единственное учебное заведение, куда принимали без

свидетельства о благонадежности. А там познакомился с Давидом Бурлюком, основателем футуристической группы «Гилея», вошел в поэтическую среду и примкнул к кубофутуристам. Первое опубликованное стихотворение Маяковского «Ночь» появилось на страницах культового затем футуристского сборника под выразительным названием «Пощечина общественному вкусу».

Скандальный сборник этот был напечатан на дешевой бумаге 18 декабря 1912 года и объединил под

шершавой обложкой всех поэтов-кубофутуристов: В. Хлебникова, Д. Бурлюка, А. Крученых, В. Каменских, Б. Лифшица. В прилагавшемся к сборнику манифесте, который в течение одного дня был написан Маяковским, Крученых и Каменским в московской гостинице «Романовка», в нарочито вызывающей форме отрицались все прежние эстетические ценности и заявлялось о полном разрыве с классической литературной традицией.

«...Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов.

Владимир Маяковский с Лилей и Иосифом Брик

Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. — с Корабля Современности. Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней... Всем этим Максимум Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Аверченко, Черным, Кузминым, Буниным и проч. и проч. — нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным...»

Трудно представить себе, что через какие-нибудь десять-двенадцать лет автор этого и других ранних, поразительных по силе экспрессии и метафоричности стихотворений станет возносить безлико-громогласную хвалу партии, Ленину («партия и Ленин — близнецы-братья»), социалистическому труду и новому укла-

ду жизни («здесь будет город-сад!»). Правда, при этом в стихотворении «Юбилейное» своеобразно попросит прощения у Пушкина («После смерти \нам \стоять почти что рядом...»)

Впереди будут «широкие штанины» и «краснокожая паспортина». Бритый наголо череп или короткая «пролетарская» стрижка. А пока он со всей яркостью проснувшегося поэтического таланта «смазывал краски будня», отбрасывая со лба артистическую прядь непокорных черных волос и декорируя свой облик то шелковым богемным галстуком-бантом на свободной блузе, то светским цилиндром и лайковыми перчатками.

В этот период у Владимира не было отбоя от друзей и случайных при-

ятелей, певших ему осанну. По натуре застенчивый и деликатный, он вместе с тем обладал непомерным честолюбием, а его еще с юности

но назвал «Я». В том же году он обратился к драматургии и написал пьесу «Владимир Маяковский», став режиссером и исполнителем глав-

В 1915 году на даче родителей Бриков Маяковский познакомился с Лилей Юрьевной, которая считалась «музой русского авангарда» и была хозяйкой одного из самых известных литературно-художественных салонов. Внезапно вспыхнувшая у поэта любовь к ней переросла в тесную дружбу с Лилей и Осипом Бриками, а затем и в жизнь «втроем». Владимир считал их своей семьей и невероятно дорожил ими обоими

безграничная вера в себя подчас граничила с самомнением, что наложило отпечаток на дальнейшее, в особенности послереволюционное творчество Маяковского. Откровенную лесть и поклонение поэт воспринимал невозмутимо, как должное. Мало того, без тени сомнения ставил затем собственное имя вместо названия отдельных произведений, выступая чуть ли не в обличье пророка.

В 1913 году Маяковский выпустил свой первый сборник из четырех стихотворений, написанный от руки, снабженный футуристическими рисунками В. Чекрыгина и Л. Жегина и размноженный литографским способом в количестве 300 экземпляров. Сборник автор многозначитель-

ной роли. Задиристый молодой поэт уже выпрямляется во весь свой исполинский рост.

Они с Бурлюком успешно гастролировали по стране с вечерами футуристической поэзии. А на следующий год их обоих исключили из училища за антивоенные выступления. На начало мировой войны Маяковский также откликнулся одним из сильнейших своих стихотворений — «Война объявлена».

*...Громоздящемуся городу
уродился во сне
хохочущий голос пушечного баса,
а с запада падает красный снег
сочными клочьями человеческого
мяса.*

Но при этом он решил записаться добровольцем в армию, чего ему

С Лилей Брик

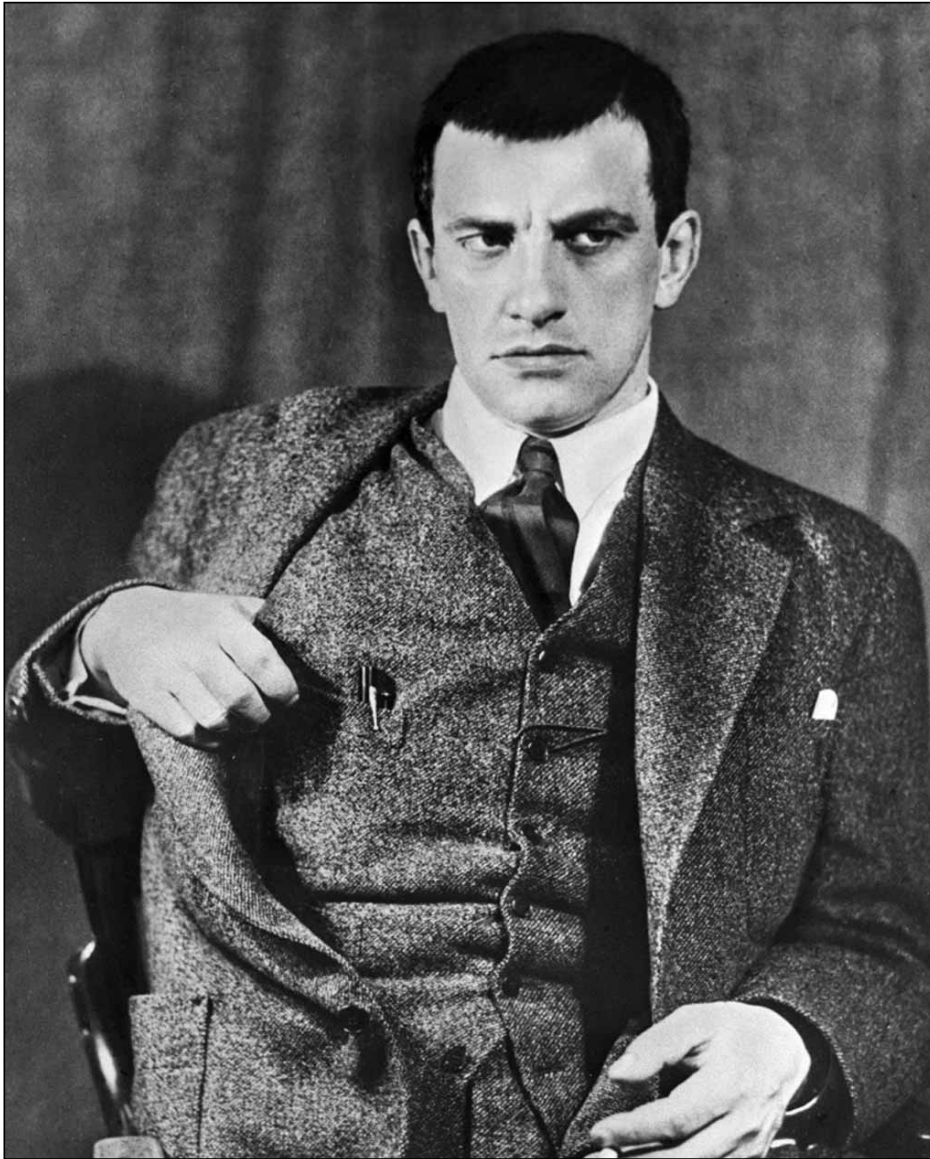
По мнению видного исследователя жизни и творчества Маяковского, В. Катаняна, «трагедия двух людей из «треугольника», которых Маяковский называл своею семьей, заключалась в том, что Лилия Юрьевна любила Брика, но он не любил ее. А Владимир Маяковский любил Лилю, которая не могла любить никого, кроме Осипа Максимовича.

А супруга исследователя, Г. Катанян, вспоминала о Лиле Брик: *«Мне было 23 года, когда я увидела ее впервые. Ей — тридцать девять. В этот день у нее был такой тик, что она держала во рту костяную ложечку, чтобы не стучали зубы. Первое впечатление — очень эксцентричная и в то же время очень "дама", холеная, изысканная и — боже мой! — да она ведь некрасива! Слишком большая голова, сутулая спина и этот ужасный тик... Но уже через секунду я не помнила об этом.*

Она улыбнулась мне, и все лицо как бы вспыхнуло этой улыбкой, осветилось изнутри. Я увидела прелестный рот с крупными миндалевидными зубами, сияющие, теплые, ореховые глаза. Изящной формы руки, маленькие ножки. Вся какая-то золотистая и бело-розовая. Если она хотела пленить кого-нибудь, она достигала этого очень легко. А нравится она хотела всем — молодым, старым, женщинам, детям... И нравилась».

Лилия Юрьевна была замужем четыре раза. И каждое замужество всегда вызывало шок и у ее родных, и у родственников мужей. Когда она сошлась с Маяковским, мать и сестры Владимира тяжело переживали сложившуюся ситуацию, не в силах понять и принять ее, а старшая сестра, Людмила, до конца дней оставалась злейшим врагом Лили.

«Я всегда любила одного, — говорила Лилия Юрьевна. — Одного Осю,

одного Володю, одного Виталия и одного Васю». Осип же Максимович, по ее словам, «был небольшой, складный, внешне незаметный и ни к кому не требовательный, — только к себе». Способный, разбрасывающийся дилетант.

Революция назревала, неотвратимо приближалась, и в поэзии Маяковского все отчетливее начинали звучать остросоциальные, бунтарские мотивы, органично сочетавшиеся с глубокой лиричностью (стихотворения «Мама и убитый немцами

вечер», «Я и Наполеон», поэма «Война и мир», сборник «Революция. Поэтохроника»). Все лето он хлопотал об освобождении его от воинской службы и осенью добился увольнения в запас, после чего, поддерживаемый Лилей и Осипом, сблизился с большевиками и активно агитировал за них народ.

Октябрьскую революцию Владимир Владимирович, подобно Горькому, Блоку и ряду других выдающихся собратьев по перу, принял восторженно, с романтическим идеа-

лизмом видя в ней «очистительную бурю» и грядущее «обновление мира». Она полностью соответствовала новаторскому духу поэтического творчества Маяковского, который не признавал традиционных стихотворных размеров и придумывал для своих произведений особый ритм, особую синтаксическую структуру и графику стиха. Поначалу разделял его на несколько строк — в столбик, а с 1923 года — поскольку

дар, старательно следовал этому лозунгу, верой и правдой служил «гегемону революции». Но, сколько бы ни пытался он, обращаясь к «товарищам потомкам», выставить себя «агитатором, горланом, главарем», «революцией мобилизованным и призванным», Маяковский все равно оставался, прежде всего, гениальным лириком, сумевшим в новых формах и образах передать одиночество и неприкаянность человека

Октябрьскую революцию Маяковский поначалу принял восторженно, видя в ней «очистительную бурю» и «грядущее обновление мира». К тому же она соответствовала новаторскому духу его поэзии, так как, не признавая традиционных стихотворных размеров, он придумывал для своих стихов особый ритм, записывая их своей оригинальной лесенкой, ставшей его «поэтической визитной карточкой»

одних запятых ему подчас не хватало — записывал стихотворные строфы своей оригинальной лесенкой, ставшей «визитной карточкой» поэта.

После семнадцатого года он стал писать неизмеримо больше, чем раньше, и полагал, что нашел свое место в «рабочем строю». «Всю свою звонкую силу поэта \Я тебе отдаю, атакующий класс!»

Двенадцать послереволюционных лет Маяковский, насилуя и калеча свой огромный поэтический

в эпоху глобальных войн и социальных катаклизмов.

Послушайте!

*Ведь если звезды зажигают —
Значит — это кому-нибудь
нужно?..*

И заканчивает столь удивительный крик мятущейся души: «Время! \Хоть ты, хромой богوماз, лик намалюй мой в божницу \уродца века! \Я одинок, \Как последний глаз, у идущего к слепым \человека!»

В автобиографии 1922 года «Я сам» Маяковский писал с вызовом: «Я поэт.

Этим и интересен». Однако жизнь его того периода наполнена множеством событий, дел и поступков, далеко выходящих за рамки чистой поэзии.

В 18-м он снялся в трех фильмах (в одном вместе с Лилей Брик) по собственным сценариям и продолжал профессионально заниматься кинематографом в дальнейшем. Тогда же задумал для театра Мейерхольда социально-бытовую сатирическую пьесу «Мистерия Буфф». (Художником спектакля, премьера которого была приурочена к первой годовщине Октября, выступил К. Малевич.) С 19-го по 21-й год оформлял (как поэт и художник) агитационно-сатирические плакаты для «Окон РОСТА». Организовал группу «Комфут» (коммунистический футуризм), а в 22-м — издательство МАФ (Московская ассоциация футуристов), в котором вышло несколько его книг. И, наконец, в 1923 году создал легендарный ЛЕФ (Левый фронт искусств) и одноименный толстый журнал, где печатались Пастернак, Шкловский, О. Брик и другие известные писатели и поэты.

Он много, причем с неизменным шумным успехом, выступал перед самыми разными аудиториями. На сцене снимал пиджак, вешал его на стул и, расхаживая огромными шагами, потрясал публику невероятными созвучиями своих стихов. 17 декабря 1918 года произошло знаковое выступление — Маяковский впервые прочитал в Матросском театре (был одно время и такой!) программное

стихотворение «Левый марш». «*Разворачивайтесь в марше... Кто там шагает правой? \Левой! \Левой! \Левой!*» И зрители-матросы восторженно отбивали ему такт каблуками.

Он хотел, «чтоб к штыку приравняли перо», и считал годы Гражданской войны лучшим временем жизни. В благополучном 27-м посвятил ей ностальгические главы заказной поэмы «Хорошо!». Но и после окончания «той единственной, Гражданской» (Б. Окуджава) энергия и творческая продуктивность Маяковского не знали границ. В ряде написанных им тогда произведений его общественный темперамент требовал мировой революции и «революции духа». Полпредом большевизма он совершил в 1922–24 годах несколько продолжительных поездок за границу — в Латвию, Францию, Германию. Написал стихи и очерки о европейских впечатлениях. Выступал с творческими отчетами о своих поездках.

Вместе с широкой популярностью первого поэта Советской России пришло материальное благосостояние. Один за другим издавались сборники стихов Маяковского, он активно сотрудничал с «Известиями», «Комсомольской правдой», печатался в журналах «Новый мир», «Молодая гвардия», «Огонек», «Крокодил», «Красная нива». И все это помимо работы в рекламе и агитпропе, за что его критиковали друзья-единомышленники: В. Катаев, Б. Пастернак (начинавший как футурист), М. Светлов.

Критиковать — критиковали, однако заоблачным гонорарам Маяковского втайне завидовали. На них он временами практически содержал Бриков, постоянно покупал Лиле дорогие подарки, которые она выпрашивала. Привез ей из Парижа автомобиль «рено», сделав ее, таким образом, первой в тогдашней Москве женщиной-автомобилисткой. За границу Маяковский часто и подолгу возил Лилю и Осипа тоже на свои деньги.

В марте 19-го все трое переехали из Петрограда в Москву, поселившись сначала в коммуналке на углу Полуэктового переулка, затем обосновались в двух комнатах на Мясницкой и, в конце концов, переехали в отдельную квартиру в Гендриковом переулке рядом с Таганкой. Владимир Владимирович и Лиля работали в «Окнах РОСТА», а Осип некоторое время служил в ЧК и состоял в большевистской партии.

Как всякий крупный поэт-лирик, Маяковский должен был для подпитки творчества постоянно испытывать чувство влюбленности. Этим объясняются при совместной жизни с Лилей его любовные увлечения на стороне. В них, по словам младшей сестры Лили Эльзы Триоле, «не было ничего пошлого, скабрезного, тенористого, женщин он уважал, старался не обижать, но когда любовь разрасталась — предъявлял к любви и женщине величайшие требования, без уступок, расчета, страховок... Такой любви он искал, на такую надеялся».

Лиля Лавинская

Так, в 1920 году Владимир Владимирович близко сошелся в «Окнах РОСТА» с художницей Лилей Лавинской, родившей от него сына, известного советского скульптора Г. Лавинского. Надо сказать, что Лиля Брик тоже не ограничивала себя в этом плане и в конце 22-го завела длительный и серьезный роман с руководителем Промбанка А. Краснощековым. Роман едва не привел к разрыву ее отношений с Маяковским. Два месяца они жили раздельно. Мучительная для Маяковского история нашла отражение в замечательной поэме «Про это».

*...Чтоб не было любви — служанки
замужеств,*

похоти,

хлебов.

Постели прокляв,

встав с лежанки,

чтоб всей вселенной шла любовь.

Татьяна Яковлева

Летом 23-го Маяковский и Брики вылетели в Германию. Поэт старался убедить самого себя, что его прежнее чувство к Лиле умерло. В стихотворении «Юбилейное» признавался: *«Я теперь свободен от любви и от плакатов. Шкурой ревности медведь лежит когтист...»* И еще: *«...вот и любви пришел какук, дорой Владим Владимыч»*. Но в душе очень страдал. Лиля Юрьевна переносила их разрыв легче и могла бы в любой момент вернуться — ведь это она ушла от него, а не он — от нее. Тем более что все трое продолжали жить в одной квартире прежней жизнью, вместе ходили в театры, на выставки, вместе ездили отдыхать. Лиля продолжала вдумчиво и деловито заниматься издательскими делами Маяковского, не забывая, впрочем, и свое писательство.

Новая власть относилась к Маяковскому настороженно, с подозрением из-за его человеческой независимости и абсолютной бескомпромиссности в творчестве. Ленин, отмечая своевременность критики бюрократизма в стихотворении «Прозаседавшиеся», находил грандиозную, проникнутую пафосом мировой революции и социализма поэму «150 000 000» слишком необычной.

На смерть вождя в 1924 году Маяковский откликнулся глубоко искренней поэмой «Владимир Ильич Ленин». Он впервые читал ее на вечере в Большом театре и вызвал 20-минутную овацию. На вечере присутствовал Сталин, о котором поэт лишь дважды мельком упоминает в своих стихах.

Не стал Маяковский своим и для Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), раньше она называлась РАПП, хотя он вступил в нее к концу 20-х годов, выйдя из ЛЕФа. Рапповцы поставили на Маяковском опасное клеймо «попутчика». Наряду с Олешей, Булгаковым, Есениным... (Через несколько лет под руководством Горького Первый, объединительный, съезд советских писателей, до которого ни Есенин, ни Маяковский не дожили, закончит с борьбой группировок и направлений в литературе, упразднив их все, и провозгласит единственным и верным только одно направление — социалистический реализм.)

Пока же Маяковский принимал активное участие в литературной борьбе и затеял в печати бурную по-

Маяковский читает стихи

лемику с равным ему по масштабу дарования Сергеем Есениным. Тот примыкал к имажинистам, ярим противникам футуристов. Разделяла этих двух ведущих поэтов эпохи также идеология. Маяковский являлся певцом революции и города, а Есенин в своем творчестве превозносил деревню, сбиваясь на крестьянские, стихийно анархические позиции. И все же многое их больше объединяло, нежели разделяло. В некотором смысле они были родственными душами — вспыльчивыми, ранимыми, лиричными, мечущимися от надежды к отчаянию. Объединяла их даже тема самоубийства, присутствующая в поэзии обоих. Тема, ставшая итогом жизни каждого из этих двоих.

В стихотворном обращении Маяковского к ушедшему собрату есть

удивительные, продиктованные сердцем строки: «...Тяжело и неуместно разводить \мистерии. \У народа, \у языкотворца, \умер \звонкий \забулдыга-подмастерье». Пристрастие Есенина к алкоголю Маяковскому претило. Сам он был воздержан на выпивку, мог позволить себе вечером только бокал белого грузинского вина и кабацких загулов, в которых пропадал Есенин, не терпел. Но клубную жизнь, застольное общение с друзьями любил.

Сообщение о том, что Федерация советских писателей (предшественница созданного в 1934 году после объединительного съезда Союза советских писателей) открывает в Москве на Поварской первый писательский клуб Владимир Владимирович приветствовал шутивными

стихами: «Не знаю — \петь, \плясать ли, \улыбка \не сходит с губ. \Наконец-то \и у писателей \будет \свой клуб». В экспроприированный причудливый особняк-замок графини А. Олсуфьевой, где разместился будущий ЦДЛ (Центральный Дом литераторов), Маяковский заглядывал частенько — в основном, поиграть на бильярде. Отличался снайперским ударом, всегда играл «на интерес», даже с мастерами, которым уступал, но делал исключение для увлекавшегося бильярдом наркома просвещения А. Луначарского, игравшего так себе. (Стол, на котором играл Маяковский, сохранился до сих пор.)

Сохранились и колоритные воспоминания о его выступлениях и полемике с залом во время многочисленных поездок по стране. Он был невероятно находчив и остроумен, за словом в карман не лез, сыпал

экспромтами. Так, однажды во время выступления из первого ряда неожиданно поднялся какой-то бородатый человек и, громко топая сапогами, направился по проходу к выходу. Маяковский, с чувством декламировавший в тот момент стихи, остановился на полуслове, поглядел вслед бородачу и, подмигнув первым рядам, обронил в повисшей тишине: «Побриться пошел!»

Столь же остроумным запомнили Маяковского сотрудники редакций московских газет и журналов, в которых он бывал. Встретившись там как-то раз с Михаилом Булгаковым, тоже слывшим большим остряком, он мгновенно сумел найти достойный ответ на его вопрос-подковырку: «Владимир Владимирович, вы мастер придумывать смешные фамилии, а я сейчас пишу сатирическую пьесу из жизни ученых, где выведен отрицательный персонаж. Не под-

скажете, какую ему дать характерную фамилию?» И Маяковский, не задумываясь, произнес: «Тимирязев» (негативное искажение фамилии выдающегося русского ученого Тимирязева). Булгаков в ответ только руками развел...

Сатирические пьесы «Баня» и «Клоп» обозначили в конце 20-х годов новый поворот в творчестве поэта. Они были поставлены Мейерхольдом в его театре и вызвали бешеный шквал «вапповской» критики. Выдвигались против автора и обвинения идейного характера. Некоторые газеты напечатали оскорбительные статьи под заголовком «Долой маяковщину!»

Мейерхольд же находил эти пьесы гениальными, сравнивал Маяковского с Мольером, и постановки «Бани» и «Клопа» относятся к числу лучших сценических работ бесстрашного театрального экспериментатора. Причем в этих пьесах Маяковского наряду с острой сатирой и обличительным смехом невольно звучат, как и в отдельных его поздних стихах, трагические мотивы, а разоблачение неприглядных сторон советской действительности зачастую перерастает в ее отрицание.

Поэт к этому времени начал испытывать тщательно скрываемое от окружающих разочарование в социализме и словно бежал от этого тягостного чувства в различные зарубежные поездки. В них он находил не только калейдоскоп свежих впечатлений, но и волнующие любовные увлечения. В США Владимир Влади-

Вероника Полонская

мирович завел длительную связь с эмигранткой из России Элли Джонс, которая родила ему дочь Елену-Патрисию. В Париже повстречал другую русскую эмигрантку Татьяну Яковлеву. Возникшее между ними чувство крепло. Маяковский даже захотел, чтобы Яковлева приехала к нему в Москву. Она отказалась. Тогда в 1929 году поэт решил сам уехать к ней и неожиданно впервые столкнулся с визовыми сложностями...

Замечали, что, прежде всегда живой и общительный, любивший быть в центре внимания, он теперь сделался угрюмым и нелюдимым. Реже стал заглядывать в редакции, при каждом удобном случае скрывался в Гендриковом переулке. Его психическое состояние начало вызывать тревогу у близких. Видимо, именно под влиянием тоски и не прекращавшейся травли в печати творче-

ство поэта, если можно так выразиться, явно шло на убыль. К тому же он постепенно утрачивал своих прежде столь ревностных читателей. Подступающий вакуум вызвал пронзительно-горькие, непривычно «тихие» строки:

*Я хочу быть понят родной
страной,
А не буду понят —
Что ж?!
По родной стране*

*Пройду стороной
Как проходит
Косой дождь.*

Приближалась трагическая развязка.

Роковой 1930 год начался для Маяковского с новых многочисленных обвинений литературной критики в том, что он не истинно «пролетарский писатель», а всего лишь «попутчик». В ответ на эти обвинения Маяковский решил устроить весной

персональную выставку «20 лет работы». Он готовил ее с особым тщанием, называл ее своим «творческим отчетом». На выставку не пришел никто из видных литераторов и руководителей государства. Фактически ее подвергли обструкции.

В то время Владимир Владимирович долго болел и даже опасался потерять голос, что могло бы поло-

ной деятельности». В марте на сцене театра Мейерхольда провалилась «Баня», за ней — и «Клоп». В литературных кругах упорно циркулировали слухи, что Маяковский исписался.

За два дня до самоубийства, 12 апреля, у него состоялась встреча с читателями в Политехническом музее. Собрались в основном ком-

Роковой 1930 год начался для Маяковского с новых многочисленных обвинений критиков в том, что он не «истинно пролетарский писатель», а всего лишь «попутчик». В ответ на эти обвинения Маяковский решил устроить персональную выставку «20 лет работы», называя ее своим «творческим отчетом», но, увы, никто из видных литераторов и руководителей государства не пришел на выставку, фактически ее подвергли обструкции. Да и личная жизнь превратилась в мучительную и безуспешную погоню за призраком счастья. Все это в результате и привело к трагическому концу...

жизнь конец его публичным выступлениям. Личная жизнь превратилась в мучительную и безуспешную погоню за призраком счастья. После им же устроенного отъезда Брик за границу он почувствовал себя совершенно одиноким.

В начале апреля из уже сверстанного журнала «Печать и революция» изъяли приветствие «великому пролетарскому поэту по случаю 20-летия работы и обществен-

сомольцы, которые выкрикивали с мест нелестные замечания в адрес Маяковского. И вообще, где бы он ни выступал, ему повсюду сопутствовали ссоры и скандалы...

Кроме бриковской квартиры у Владимира Владимировича было свое укромное пристанище для работы — комнатка-«лодочка» в коммуналке на четвертом этаже дома у Лубянской площади (там сейчас музей В.В. Маяковского). В этой

маленькой комнате он и покончил с собой.

Утром 14 апреля у него было назначено свидание с Вероникой Полонской, последней пассией поэта. Свела их, как ни странно, сама Лилия Брик. А потом говорила Веронике: *«Я никогда не прощу Володе двух вещей. Он приехал из-за границы и стал в обществе читать новые стихи, посвященные не мне, даже не предупредив меня. И второе — это как он при всех и при мне смотрел на вас, старался сидеть подле вас, прикоснуться к вам».*

Они встречались уже второй год. Маяковский настаивал на разводе, вступил в жилищный писательский кооператив в проезде Художественного театра и собирался переехать туда с ней. Она же не решалась уйти от солидного мужа к неуравновешенному, пусть и прославленному поэту, что служило причиной их мучительных раздоров.

В то утро Маяковский заехал за ней в восемь утра, поскольку в 10.30 ее вызвал на репетицию в театр Немирович-Данченко. *«Я не могла опоздать, — вспоминала в старости актриса, — и это злило Владимира Владимировича. Он запер дверь, спрятал ключ в карман и стал требовать, чтобы я не ходила в театр и вообще ушла отсюда. Плакал... Я спросила, не проводит ли он меня. "Нет", — сказал он, но обещал позвонить. И еще спросил, есть ли у меня деньги на такси. Денег у меня не было, он дал двадцать рублей... Я успела дойти до па-*

радной двери и услышала выстрел. Заметалась, боялась вернуться. Потом вошла и увидела еще не рассеявшийся дым от выстрела. На груди Маяковского было небольшое кровавое пятно...»

Следствие обнаружило, что в барабане револьвера была только одна пуля. Как известно, поэт неоднократно играл сам с собой в русскую рулетку. И на этот раз могло бы обойтись. Но логика судьбы оказалась сильнее.

Тело Маяковского было кремировано в Первом московском крематории близ Донского монастыря. Мозг отправили для исследований в Институт мозга (аналогичным образом поступили шесть лет спустя с мозгом Горького). Первоначально прах поэта находился в колумбарии Нового Донского кладбища. Затем, в результате настойчивых действий Лилии Брик и старшей сестры Владимира Владимировича Людмилы, урна с прахом была в 1952 году перенесена на Новодевичье кладбище. И лишь еще через шесть лет на Триумфальной площади столицы установили гранитный памятник поэту и переименовали площадь.

В одной из центральных своих поэм — «Во весь голос» Маяковский обещал «весомо, грубо, зримо» прийти стихом в наше светлое будущее, на которое возлагал сокровенные надежды, и верил, что не напрасно *«\себя \смирят, \становясь \на горло \собственной песне».*

Так оно и случилось. Он пришел к нам и остался с нами навсегда... □

Светлана
Бестужева-Лада

«Бессмертный лебедь»

Имя «Майя Плисецкая» долгие годы было практически синонимом сначала советского, а затем российского балета. Будучи балериной высочайшего класса, она создала в этом виде искусства свой собственный стиль и ряд приемов, никогда до нее не использовавшихся. Каждый, кому хоть раз доводилось увидеть Плисецкую на сцене, помнил это событие до конца жизни. А те, кто еще жив, помнят до сих пор.

Майя Михайловна всю жизнь посвятила балету. Даже в семьдесят лет выходила на сцену в достаточно сложных партиях. Обладая феноменальным творческим долголетием, балерина дала путевку в жизнь многим молодым исполнителям, находя талантливых танцоров и передавая им частичку своих знаний и умений.

Но Плисецкая так и осталась единственной и неповторимой.

Майя родилась 20 ноября 1925 года в очень незаурядной семье. Ее мать, Рахиль Михайловна Мессерер, была известной актрисой кинематографа, тетя Суламифь и дядя Асаф — талантливыми балетными танцорами, а еще одна тетя — Елизавета — одаренной театральной актрисой. Отец Майи, Михаил Эммануилович Плисецкий, правда, не имел отношения к искусству: он был крупным советским хозяйственным деятелем.

Появление девочки в среде грамотных и талантливых людей само предопределило будущее Майи. Впервые с балетом она познакомилась благодаря стараниям тети Суламифь, которая повела ее на постановку спектакля «Красная шапочка» с собственным участием. Происходившее на сцене действо так впечатлило девочку, что, придя домой, она стала повторять некоторые из балетных партий.

Увидев заинтересованность племянницы балетом, тетя Суламифь привела ее в хореографическое училище. Несмотря на то, что Майя к этому моменту не достигла минимально допустимого возраста для поступления (ей не было 8 лет), Суламифь добилась зачисления племянницы в балетный класс, аргументировав это ее талантом и природными данными, которые были совершенно очевидны для всех.

Училище пришлось оставить через три года — Михаил Эммануилович был послан в качестве директора «Арктикугля» на Шпицберген,

заяв впоследствии там же пост генерального консула СССР.

Но затем судьба совершила крутой вираж: весной 1937 года отец Майи был арестован, обвинен в измене и вскоре расстрелян. Маму с младшим братом Азарием, как жену изменника Родины, сослали в Акмолинский лагерь, откуда она вернулась в Москву только в 1941 году. Майю и второго брата Александра взяли к себе на воспитание близкие родственники: тетя Суламифь и дядя Асаф Мессереры, чем избавили их от попадания в детский дом.

Благодаря им Майя смогла не только пережить страшную семейную трагедию, но и продолжила обучение в Московском хореографическом училище, а талант и абсолютное чувство музыки и ритма всегда обеспечивали ей похвалы педагогов. Сезон 1940–1941 завершился 21 июня ее профессиональным дебютом — выступлением на выпускном концерте студентов училища.

И вновь в судьбу юной балерины вмешался внешний фактор: началась война. Из-за нее семья Мессереров эвакуировалась в Свердловск (ныне Екатеринбург). Суламифь Мессерер не позволила племяннице потерять форму: совместными усилиями они создали и показали удивительную постановку — партию умирающего лебедя. В ней тетя постаралась показать лучшие качества Майи, в которых главную роль играла пластичность ее рук и потрясающая грация.

Майя с родителями

Рассказывают, что добиться этого она смогла после долгого наблюдения за лебедями, пытаясь запомнить их движения. Кроме того, был найден оригинальный ход, до этого никогда не встречавшийся у исполнителей балета. «Умиравший лебедь» начинался выходом танцовщицы спиной к публике.

Но Майя не могла жить без балетного станка, поэтому через год решила на отчаянный поступок. Не получив разрешения тети, не имея пропуска, она пробралась в Москву, где, несмотря на войну, продолжались занятия в хореографическом училище. Ее снова зачислили в выпускной класс. И 1 апреля 1943 года, сразу после окончания, приняли в штат Большого театра.

Случай беспрецедентный. Еврейка, дочь репрессированных родителей — и принята в первую балетную труппу страны. Правда, сначала в кордебалетную группу, но уже очень скоро, демонстрируя свой талант и возможности в многочисленных выступлениях, она, постепенно передвигаясь от одного женского персонажа к другому, перешла в ряд ведущих артисток.

Со временем ей стали доверять и заглавные роли в постановках: партия феи Осени в «Золушке» Сергея Прокофьева, партия Раймонды в одноименном балете композитора Александра Глазунова. Именно это выступление стало знаковым для многих. В Большом театре появилась претендентка на звание прима-балерины.

Список ролей, исполняемых Плисецкой, постоянно расширялся. 27 апреля 1947 года она впервые станцевала партию Одетты-Одиллии в балете «Лебединое озеро» — роль стала поистине ее «визитной карточкой». Только на сцене Большого театра она исполнила ее около восьмисот раз. После было множество других ролей: Зарема в «Бахчисарайском фонтане», Царь-девица в «Коньке-горбунке», Китри в «Дон Кихоте» и другие.

В 1951 году, в возрасте 26 лет, Майя Плисецкая стала заслуженной артисткой РСФСР, в 1959-м — народной артисткой СССР, и уже через год после этого была официально утверждена в статусе прима-балерины Большого театра. До нее это звание носила только великая Галина Уланова.

Коронным номером ее выступлений навсегда остался «Умиравший лебедь», которым Майя покорила Москву и который никто так и не смог повторить с тем же успехом.

Попасть «на Плисецкую» было невероятно трудно: люди ночами дежурили в очередях у касс Большого театра. И все-таки попадали практически все, кто этого хотел.

Кумир всех балетоманов, Майя долго не хотела выходить замуж. Хотя на нее оказывалось жесткое давление со стороны... руководства театра. Незамужнюю балерину было невозможно отпустить в заграничное турне. А приглашений становилось все больше. Но и за границу Майя не рвалась точно так же, как замуж.

Судьба приняла решение за нее. Майя была близкой приятельницей

Лили Брик — легендарной возлюбленной Владимира Маяковского. В гостиной Брик всегда можно было встретить множество интересных и незаурядных людей. Именно там Майя впервые встретила своего будущего мужа, подававшего большие надежды, молодого композитора Родиона Щедрина.

В одном из своих интервью Плисецкая призналась:

«Когда я впервые увидела его в гостях у Лили Брик, ему было 22 года. Он был красив и неординарен! Когда он играл «Левый марш», я сквозь музыку словно услышала слова: «Кто там шагает правой?левой!левой!левой!»

Несмотря на сильную симпатию друг к другу, в самом начале отно-

шений пара в ЗАГС не спешила. Идея расписаться пришла балерине: уже сама министр культуры Фурцева постоянно намекала артистке о необходимости связать себя узами брака.

— Майя Михайловна, — твердила Фурцева, — со штампом в паспорте у вас будет больше шансов выехать на гастроли за границу. И вам будут больше доверять.

Уговорила. Родион Щедрин был счастлив. В 1958 году они поженились. Майе было 33 года, Родиону — 26 лет. В 2008 году пара сыграла «золотую» свадьбу. Они прожили в браке 57 лет, с каждым годом все больше привязывались друг к другу. У них часто спрашивали о секрете долгой и счастливой семейной жизни.

«Нас просто свел Господь Бог. Мы совпали. Не могу сказать, что мы оба имеем ангельский характер. Это было бы неправдой. Но мне с Майей просто. У нее есть одно потрясающее качество — она отходчива. Замечательно отходчива! Это одно из основных условий долгой

семейной жизни: женщина не должна таить обиду на близкого человека», — говорил Родион Щедрин.

Все поклонники таланта балерины отмечали, что Плисецкая очень хорошо и модно одевалась. В СССР ее элегантные, с большим вкусом сшитые наряды, разумеется, не могли остаться незамеченными. Однажды даже сам Хрущев сделал ей замечание:

— Вы слишком красиво одеты. Богато живете?

Плисецкая предпочла отмолчаться. Жила она, разумеется, не бедно при зарплате прима-балерины Большого театра. Да и Щедрин начал получать приличные гонорары за свои сочинения. Но одежду Майя Михайловна покупала... у спекулянтов. За границу ее тогда еще не выпускали.

Это уже потом, много позже она подружилась со многими знаменитыми модельерами, например, с Пьером Карденом, который, ко всему прочему, шил и костюмы для ее балетов. Но в начале шестидесятых годов это казалось нереальным.

«Невыездной» Майя Михайловна оставалась долгое время, и только после того, как Родион Щедрин добился личного приема у заместителя председателя КГБ, дело сдвинулось с мертвой точки: в 33 года она первый раз в жизни улетела с театром на гастроли в США. Фактически Щедрин предложил себя заложником и гарантом того, что его жена не останется за границей

*Марис Лиена
и Майя
Плисецкая
в балете
«Лебединое
озеро»*

(были уже прецеденты), а обязательно вернется.

Успех был ошеломляющий. Америка полюбила и русский балет, и Майю Плисецкую — одну из лучших балерин мира.

Там же, во время второго американского тура, она познакомилась с Робертом Кеннеди, которого прочили на пост следующего президента Америки. У них завязались дружеские отношения, насколько это было возможно при обязательном участии переводчика — иностранных языков Майя Михайловна тогда еще не знала. Политик не скрывал своей симпатии к русской балерине и часто поздравлял ее с днем рождения, который, по воле судеб, пришелся у них на один день. Он даже всерьез предлагал ей остаться в Америке и «вести достойный ее образ жизни». Но она совсем не хотела жить в Америке, да, к тому же, была замужем за Щедриным, поэтому, как позже признавалась сама балерина, «у Кеннеди не было никаких шансов». Самым первым презентом от него стал золотой браслет с двумя инкрустированными брелками. На одном был изображен Скорпион — общий знак Зодиака Плисецкой и Кеннеди, на другом — Святой Архангел Михаил.

Весть о том, что Роберта Кеннеди убили в ходе предвыборной кампании, потрясла Плисецкую. От депрессии спасла только любимая работа и чуткий, все понимающий муж.

В образе Кармен

Она всю свою жизнь обожала, буквально боготворила Щедрина. Исписала тысячи страниц писем к нему — из каждого государства, из каждого отеля во время своих гастролей по миру. «Жизни без Родиона я представить себе не могла. Даже в хрустальном замке на каких-нибудь Канарских островах», — говорила Майя Михайловна.

Они были чем-то похожи друг на друга. Два сильных и красивых человека. В жизни того и другого было много такого, что могло сломать любого — они выжили. Каждый в отдельности, и оба вместе. Этой красивой паре предрекали разрыв

с самого начала: слишком талантливы, слишком самодостаточны. Но он продолжал писать музыку для нее, а она продолжала танцевать «Анну Каренину», «Чайку», «Даму с собачкой» и «Кармен».

«Анну Каренину» Плисецкая пробиwała с трудом: ее убеждали, что роман Толстого танцевать нельзя, музыка шумна, Анна Каренина валится в неглиже на Вронского: «опять эротика». Но она — победила. Следом были чеховские «Чайка» и «Дама с собачкой».

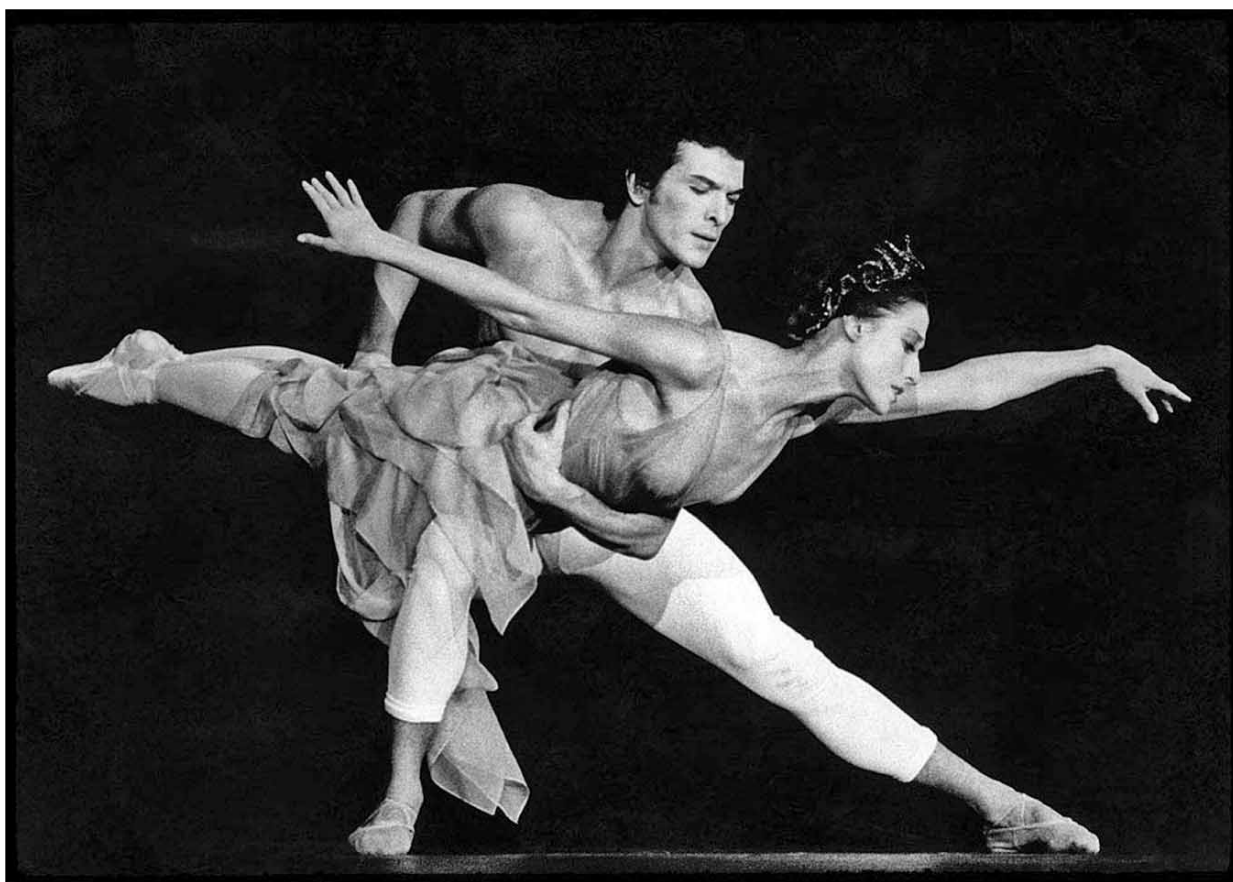
Для всех этих спектаклей костюмы для нее делал Пьер Карден.

Премьерой «Дамы с собачкой» она отметила свое шестидесятилетие.

«Как водится, балерины празднуют этот сволочный возраст, горделиво восседая в лучах прожекторов. К концу вечера она засыпана цветами по самый подбородок, словно покойница. Мне же в свой вечер пришлось потрудиться вдовсталь. Я почти все время была на сцене. Но — выдержала. Победила. И без ложной скромности хочу написать об этом. Щедрин прилюдно обнимает меня на сцене и, улыбаясь, заговорщицки говорит:

— Эта музыка — тебе подарок ко дню рождения. Не кольцо же с бриллиантом дарить?..»

С момента окончания хореографического училища судьба Майи

*С мужем
Родионом
Щедриным*

Плисецкой была полвека неразрывно связана с Большим театром. Будучи его ведущей исполнительницей, она сыграла множество ролей, начиная от незначительных и до главных. Видя ее старания и возможности, некоторые хореографы делали постановки, рассчитанные именно на участие талантливой балерины.

Но она не желала останавливаться: прима-балерина хотела танце-

вать не только классику, но и современный балет. 20 апреля 1967 года на сцене Большого театра была впервые показана «Кармен-сюита» Бизе — Щедрина, поставленная известным кубинским балетмейстером Альберто Алонсо специально для Плисецкой. (Сейчас в это трудно поверить, но в СССР «Кармен» долго не выпускали на сцену из-за «излишней эротики», по мнению тогдашне-

го министра культуры Фурцевой.) Кармен, исполненная Плисецкой, вошла в историю мировой хореографии. А сама Майя Михайловна так говорила об этой партии:

«Я делаю Кармен, как ее ощущаю. Она отличается от всех Кармен, драматических и оперных. Я не знаю, правильно ли это, у Мериме она другая, но испанцы воспринимают мою Кармен больше, чем свою... Видимо, мне удалось передать дух испанской Кармен...»

В 1972 году Плисецкая впервые попробовала себя в качестве хореографа. Как балетмейстер она работала с танцовщиками и хореографами: Рудольфом Нуриевым, Михаилом Барышниковым, Роланом Пети и Морисом Бежаром. Попутно руководила Римским театром оперы и

балета, Испанским национальным балетом.

Простому человеку сложно даже представить, сколько энергии таялось в хрупком теле балерины, которая, не теряя своей профессиональной формы, ухитрялась выполнять еще и множество других обязанностей.

А ведь она была самым обыкновенным человеком в плане уязвимости. Травмы, полученные ею на сцене или во время репетиций, невозможно сосчитать. В некоторых случаях даже опытные врачи опускали руки и говорили, что бессильны, а с балетом нужно попрощаться. Но Плисецкая находила уникальных специалистов, которые помогали ей обрести прежнюю форму и вновь блистать на сцене.

«Характер — это и есть судьба», — эта фраза, которую Плисецкой сказала легендарная Коко Шанель, стала жизненным кредо балерины. Вот характер у Майи Михайловны действительно был железным.

Удивительная прозорливость профессионала позволяла ей видеть в молодых исполнителях будущих великих танцоров. К примеру, она предсказала славное будущее школьнице Полине Семионовой, и ее слова оказались пророческими. Еще одна девочка, которую заметила Майя, Людмила Коновалова, была принята в балетную труппу Венской оперы, где исполняла партии во всех премьерных показах.

В 1983 году Плисецкой предложили стать художественным руководителем балета Римской оперы. Она занимала этот пост полтора года. Показала на сцене Римской оперы свою постановку «Айседора» про возлюбленную Сергея Есенина, а также возобновила несколько балетов.

Пробовала себя Майя Михайловна и как киноактриса. Балерина хорошо справлялась с работой на съемочной площадке, в некоторых фильмах у нее были даже роли с текстом. Она снялась в фильмах «Анна Каренина» Александра Зархи (роль княгини Бетси Тверской), «Чайковский» Игоря Таланкина (роль певицы Дезире), «Зодиак» Ионаса Вайткуса

(роль музы художника Микалюса Чюрлениса).

В 1987–1990 годах Плисецкая преимущественно работала в Испании. Там она возглавляла балетную группу «Театро Лирико Насьональ» и ввела в репертуар «Кармен-сюиту». А еще продолжала сотрудничество с ведущими хореографами мира, в частности, с Роланом Пети и Морисом Бежаром. На сцене театра «Эспас Пьер Карден» она исполнила главную партию на премьере балета «Безумная из Шайо» по музыке Щедрина. По мнению прессы, эта роль затмила все ее предыдущие.

К сожалению, в 1980-е между Плисецкой и главным балетмейстером Большого театра Юрием Григоровичем возникли разногласия, в результате которых Майя Михайловна была вынуждена покинуть главную площадку страны, а после распада СССР — и саму страну. В 1991-м году она вместе с мужем Родионом Щедриным переехала в Германию, в Мюнхен, но периодически приезжала на родину, продолжая считать Москву своим домом.

«Мы — граждане России, у нас российские паспорта. А в Мюнхене у Родиона Константиновича договор со всемирно известным издательством «Шотт». Поэтому мы здесь. Здесь изданы все произведения Щедрина. Их исполняют самые лучшие музыканты, лучшие дирижеры, лучшие оркестры, поют лучшие солисты. А если бы мы жили на авторские гонорары в Москве, мы были

бы нищие. Здесь же с авторским правом все нормально, платят по-немецки аккуратно», — рассказывала балерина в одном из интервью.

И все же на родине талант великой балерины был оценен по достоинству. Она удостоена ряда почетных премий и наград, среди которых есть и высшие в СССР — Ленинская премия и звание Героя Социалистического Труда, а еще стала почетным профессором МГУ имени М.В. Ломоносова.

20 ноября 2000 года на сцене Большого театра прошел большой гала-концерт в честь 75-летия Плисецкой. В концерте приняли участие артисты из Италии, Франции, Германии, Швеции, Испании, Польши, США, Кубы.

«Большой был, есть и будет всегда самым любимым, а его сцена — самой лучшей в мире», — говорила она.

Сама легендарная танцовщица не сидела в ложе, как обычно бывает с юбилеями ее возраста, но выступила трижды: кроме «Умиряющего лебедя» зрители увидели премьеру поставленного специально для нее Морисом Бежаром трехминутного мини-балета «Аве Майя» на музыку Баха — Гуно и фрагмент из балета «Айседора» на музыку Шуберта, также поставленного для нее в свое время Бежаром.

Секрета своего феноменального балетного долголетия Майя Михайловна так и не открыла. Да знала ли она его сама?..

Умерла Майя Михайловна Плисецкая 2 мая 2015 года в Мюнхене, на

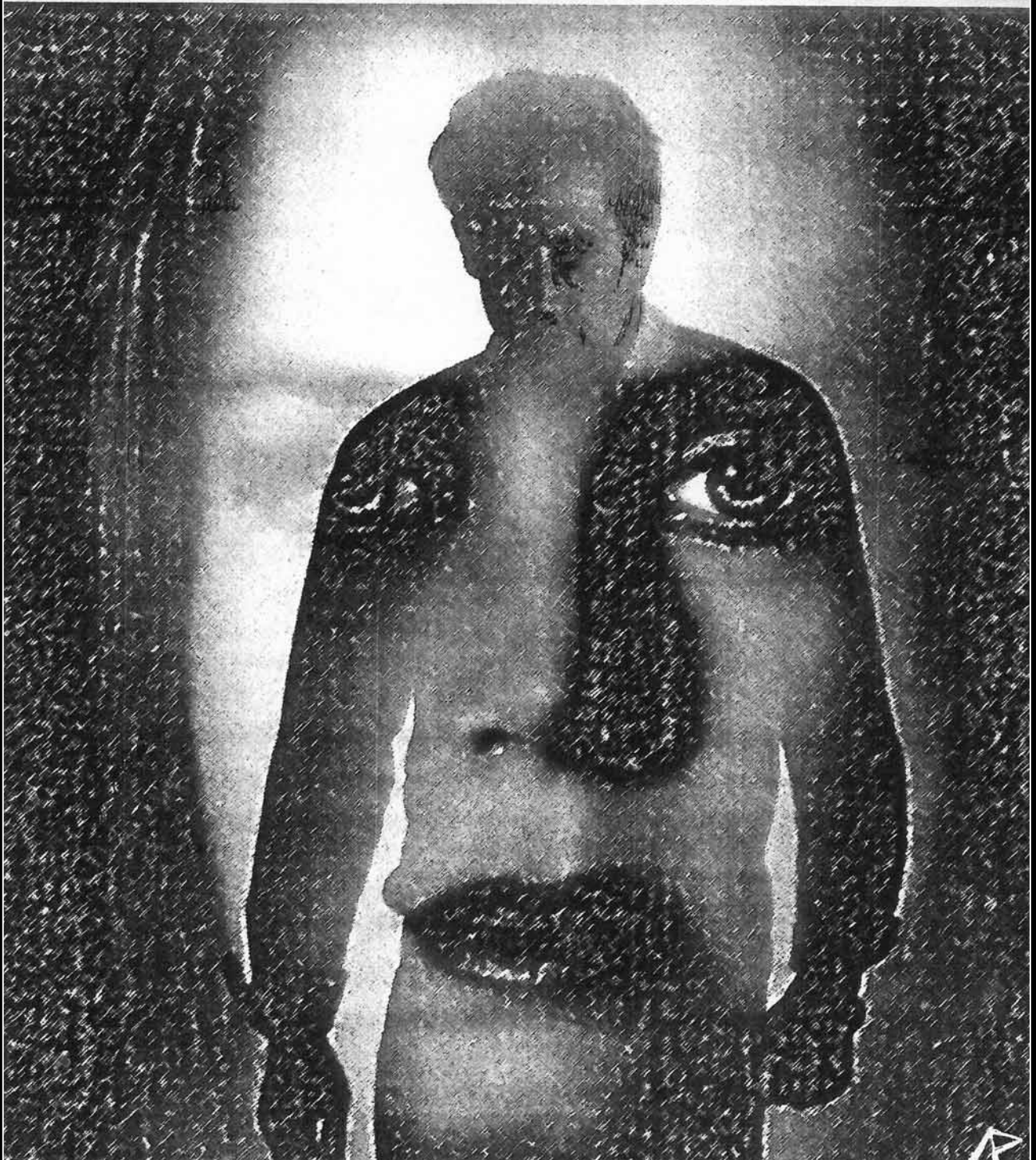

90-м году жизни, от обширного инфаркта. Согласно завещанию, прах Плисецкой будет соединен воедино с прахом Родиона Щедрина после его смерти и развеян над Россией.

Она была обладательницей выразительной пластики, феноменального прыжка, гибкой спины, легкого шага и высокой музыкальности и первая ввела в балетную лексику такой прыжок, как «кольцо». Балерина создала свой собственный стиль, отличающийся изяществом, графичностью,

остротой и законченностью жеста, позы и как каждого отдельного па, так и всего рисунка партии в целом. В ее пластике танцевальное искусство достигло высокой гармонии.

Увы, если после ухода со сцены Галины Улановой в советском балете тут же появилась Майя Плисецкая — одна звезда сменила другую, — то теперь сложно рассчитывать на что-либо подобное. Будет ли у «бессмертного лебедя» достойная преемница? Время покажет... □

ТЕЛЕГОНИЯ

Артур пристально смотрел на дохлую медузу, которую болтало о причал. Ее прозрачное тело ненадолго появлялось у ног и тут же стыдливо просачивалось обратно среди досок катерного трапа. На теле медузы можно было разглядеть люминесцентные полосы, очень похожие на провода рекламных серпантинных соседнего кафе. По этим полоскам бегали разноцветные огоньки, несмотря на ее дохлость.

— Глянь! — окликнул Артур отдыхающего на резиновом матрасе детину. — Жизни в теле уже нет, а фосфорицирует!

— Инстинкт размножения, — не глядя заметил парень.

— Она же дохлая, Ихт!

Ихт — это коротко, а полная кличка парня была «Ихтиандр», но так его звали, когда сильно удивлялись или уважали. Не чувствуя разницы в температуре, Ихт в любое время года большую часть времени проводил под водой в водолазном костюме.

— Марррроженое! Пламбиррррр! — послышался зычный раскатистый голос приближавшейся к ним Шурки.

— Вот у нее тоже инстинкт, — посмотрел в ее сторону Ихтиандр. — Чем думаешь, она мороженое мимо нас носит? Это она клинья к тебе подбивает!

— Видал я их всех! — отмахнулся Артур. — Вот представь, Ихт! Было здесь раньше царство древнее Гаргиния со столицей Пантикапей!

— Медуза-то здесь при чем?

— Медуза при Шурке. Выслушай — поймешь. И стоял роскошный дворец Искандера!

— Как твой коттедж?

— Ну что ты не даешь досказать! А Искандер этот был сыном погибшего друга Александра Македонского. И влюбился он в одну из пяти пленниц, которых подарили ему горские племена, в русскую княжну Елену.

— А она?

— А она ни в какую. Он к ней и так и этак. Пришел к Македонскому в жилетку плакаться. А тот ему и говорит: построй ей на том самом месте, где вы впервые встретились, дворец. Тогда сердце любой женщины растает.

— Старая байка. Искандер построил. Сердце растаяло. Они полюбили друг друга, жили счастливо и померли в один день, продавая для обеспечения своей жизнедеятельности тень вон от того каштана, что и нам завещали. При чем здесь Шурка? И при чем здесь медуза?

— А при том. Что нет их, Елен Прекрасных, в Широкой балке! Не-ту! Они вымерли как класс! И как бы Шурка не напяливала на себя свои люминисцентные сережки, чтобы медузой по ночам фосфоризировать, — ничего у нее со мною не прокатит! И не трогай меня со своими каштанами...

— Ну ты загнул! Баб — полное побережье! И каждая по первой команде просто мухой прилетит в твой домик с красными башенками!

— А мне не надо полное побережье. Мне одна нужна.

— Тогда разуй глаза и посмотри вокруг! — усмехнулся Ихтиандр. — Вон-вон смотри, какая!

— Ага. И нос торчит как у вороны!

— А эти ножки! Или вот. Вот то, что надо. Бедра — прям гитара!

— Скорее балалайка! Да ну тебя! В женщине должна быть... мелодия. Песня! Информация сконцентрированной в одном файле всей генетики превосходства красоты!

— Ну, ты загнул! Типа того что, кто владеет информацией, тот правит миром?

— Глупец! Все что нужно мужчине, это женщина. Одна женщина. Все остальное...

— Шаурма! Кукуруза горячая! Чхучхелла! Холодное маррррроженое! Оба дружно засмеялись.

— Ладно, хватит прятаться подобно крабам в тени, — уже серьезно проговорил Ихтиандр. — Пора ловить клиентов. Раз Шурка вышла, значит, и они, родимые, с обеда сейчас потянутся. Кстати, ты подумай насчет той тени от каштанов, мы могли бы ее продать как випзону? Мои 50 процентов, за идею. Нет? Ну, ты все-таки подумай...

Он ловко поднялся, завел водяной мотоцикл, «дал ему прогреться и, выжав рукою полный газ, помчался за буйки, на зависть выползшим на послеобеденное солнце отдыхающим.

Шурка тем временем прошла мимо Артура, и он нахмурился, всем своим видом показывая, что вести разговор не намерен.

Ну не нравилась она ему. Или возраст подошел, когда достигаешь, подобно электрическому чайнику, точки кипения. А потом — щелк! И пошло остывание интереса ко всему на земле. И то тебе не так, и это не эдак. Но больше всего пугало Артура то, что он напрочь потерял интерес к деньгам. Казалось бы, сиди на лаврах и на своем бизнесе и в ус не дуй, только «бабки» считай. Достиг всего, чего хотел. С нуля! Первую бутылку сдал в киоск в четыре года! С того и начался его бизнес. Что только ни делал: крабов ловил, можжевельник пилил, строил для «новых» и для «русских». И все как-то копилось беззаботно. Да. Наверное, везло, раз к сорока годам владел он и огромным куском пляжа, красивым домом для себя и еще одним попроще, где нанятые работники содержали в порядке гостиничный бизнес. И здесь, в морском клубе его уважали. Тачка крутая. Три мотоцикла водяных и катер. А душа петь перестала. И ни на одной женщине не останавливался глаз. Модницы с пустыми глазами, в которых обозначались только извилины доллара, вызывали лишь чувство тоски по Прекрасной Елене, ради которой можно было бы и деньги зарабатывать, и дворцы возводить, а, если надо, и войной на другое государство пойти.

— А прокатиться на мотоцикле сколько стоит? — подошел к нему какой-то паренек.

— 5 минут — 500 рублей, — равнодушно ответил Артур. — Первый раз? Тогда с инструктором. Сейчас он вернется и прокатит.

Но паренек ушел, наверное, был не готов к такой сумме. Зато, широко рассекая волны, помпезно причалил Ихтиандр, и со словами: «Стопудово пойдет работа. Я к берегу близко подходил. Такие «фердибоберы» выделявал, мама дорогая!» — прыгнул в прибрежную волну.

А Шурка, по-собачьи угодливо улыбаясь и заглядывая в глаза поджаристым человечьим тушкам, проворно добралась до соседнего пляжа, где все было занято семейными парами из дома отдыха под названием «Морской волк». Скорее всего, это было какое-то ведомственное учреждение. Народ кормился в столовой по режиму, был, как всегда, сыт и тупо сомневался, брать что-нибудь или не брать.

Ее окликнул солидный мужчина:

— Уважаемая! Будьте добры, пожалуйста, вот это красненькое, что у вас в корзинке.

— Это чхучхелла.

— Да. Вот эту «чучелу» и мороженое для дамы.

Когда Шурка ушла, дама в слишком выцветшем купальнике недовольно взглянула на мужчину и произнесла:

— Я не хочу мороженого.

— Лен, почему сразу не сказала? — спокойно отреагировал он. — А чего же ты хочешь?

— Ну, можно было бы на мотоцикле покататься.

— Ты хоть на велосипеде-то ездила?

— Ездила! — отрезала Лена, достала деньги из своей сумочки и направилась по гальке в сторону катерного клуба.

— Смотри, то, что надо! — указал на нее Ихтиандр, имея в виду зажатые в руке бумажки.

— Дей-ст-ви-тель-но ТО... — медленно, по слогам, проговорил Артур.

Прямо на него шла женщина его мечты. Точно полный изящных форм лотос, раскрывшийся и наслаждающийся своей силой. Такая, как надо. Некрашенные волосы цвета молочного какао со светлыми выгоревшими прядями рвал ветер. Она, казалось, не дышала совсем. Шла, точно плыла, плавно перебирая ножками по острым неудобным камешкам.

— Поехали! — протянул деньги Ихтиандру вернувшийся паренек.

— Прогреется, и поедем.

— А можно с инструктором? — спросила женщина.

— Придется подождать, — оценивающе прищурился Артур, — но с инструктором дороже.

— Не дороже денег, — бросила Лена и, неожиданно взглянув на него невероятно чистыми цветками цикория, доверчиво прошептала: — Я никогда не каталась даже на велосипеде. Боюсь, что без инструктора утоплю вашу посудину.

— Хорошо. Поедете со мной, — кивнул Артур. — Только надо надеть спасательный жилет.

Лена замешкалась в нерешительности, наблюдая, как Артур, сбросив шлепанцы, прошел по воде к мотоциклу, потом все-таки разулась и вскарабкалась на мягкое сиденье. Удобно устроившись, она попробовала руками педали управления. Артур сел сзади, ей показалось, что слишком близко, и она деликатно отодвинулась. Но такой близости требовала техника безопасности, и Артур бесцеремонно снова придвинулся, его руки кольцом обняли Лену.

Мотоцикл вспрыгнул и, ударяясь на каждой волне, полетел в открытое море. Как только первые брызги резко ударили в лицо, Лена восторженно завизжала.

— Левее! — подсказал Артур, и она пошла по волне.

А с ним творилось что-то невообразимое, скорее похожее на волнение от бушевавшего недавно в Широкой балке тайфуна, потому что стихия завладела всеми нервными окончаниями. Адреналин ударил в голову оттого, что рядом сидит беззащитное восторженное существо, визжащее от счастья при каждом захлестывании волной. Он вдруг вспомнил, что именно так же верещал, когда впервые в детстве угнал водный мотоцикл, оставшийся без присмотра, и понял ее через себя, полюбил ее в себе, точнее себя в ней. Ах, теперь это было и не важно. Главное, что она — сидящая впереди женщина — и есть та самая единственная, о которой были все его мечты и надежды.

Лена попыталась повернуть, но сделала это слишком плавно, поженски, боясь, что мотоцикл сбросит их обоих.

— Что? — спросил Артур, почувствовав, как тело ее расслабилось.

— Устала, — призналась Лена, — теперь вы.

— Хотите, чтобы я порулил?

— Угу.

— Не боитесь?

— Теперь нет.

Артур перехватил управление, и мотоцикл стал выделять небывалые выражи. Он резко тормозил и поворачивался, крутился по кругу, потом снова рассекал водные «забучные» просторы, недоступные для отдыхающих. Только что не нырял! Вокруг летели мириады брызг, образовались полукружья белых пенных волн. Лена снова вся съежилась, превратилась в один сплошной напряженный комочек, боясь в любую минуту оказаться за бортом.

Тут запиликал таймер времени. Пора было возвращаться. Но Артур не торопился. Мокрые от соленой морской воды, они оба тяжело дышали. Мотоцикл замедлил ход. Море было настолько чистым в эту минуту, что каждый камешек, каждую рыбку было видно на глубине десяти метров, и Лена залюбовалась морским дном. А Артур нагнулся к ее уху и прошептал:

— Приходи!

— Что? — удивленно посмотрела она на него.

— Приходи еще!

Лена сначала не поняла. Потрясение от поездки было слишком велико, чтобы понимать голос мужчины. Наконец, когда мотоцикл вплотную приблизился к пирсу, она спокойно ответила:

— Я не приду.

— Нет. Ты не поняла. Денег не надо. Я буду катать тебя, когда захочешь, и бесплатно. И яхта у меня есть, и дом есть. У меня все есть. Придешь? Ты до какого здесь?

— Еще двенадцать дней.

— Я буду ждать.

Она соскочила на мостки, сняла жилет. Помедлила и, не выдержав, сказала:

— Было здорово! Спасибо! Все-таки мотоцикл — это такая прелесть!

— Я знаю, — ответил Артур вместо прощания.

Ему не хотелось, чтобы Ихтиандр видел его смущение, или чтобы это видела Шурка. Он скрылся в помещении клуба, взбежал по лестнице, взял бинокль и уставился на Лену в окно. Богиня!

Она подошла к лежаку и невозмутимо легла рядом с каким-то мужиком. Ну, правильно! Не одна же она приехала сюда отдыхать. Это Шурки пускаются в одиночное путешествие, «балалайки» там всякие, или как там их обзывает Ихтиандр — «гитары»! А эта... не такая. А вот купальник на ней старенький, и аккуратно сложенное платье совсем невзрачное. «Да я ее одену, как королеву! Одно слово! В бриллиантах ходить будет! — подумал Артур. — Дай-ка я мужика разгляжу. Ничего. Нормальный мужик. Седина только на висках, как и у меня. Но он явно постарше. Серьезный. Наверное, муж. Был бы дружок какой, не лежал бы тюфяком рядом. Что же делать? Подойти? Украсть в свой замок? Так ведь не пойдет. Сказала — не приду. Что это значит? Придет или нет? Как же понять эту женщину?»

— Ты что, запал на эту москвичку? — усмехаясь, спросил подошедший к нему Ихтиандр.

— С чего ты взял, что она — москвичка?

— Деловая колбаса! Сам же слышал, как она сказала: «Не дороже денег»! Круто запал на нее, что ли?

— Ну, запал. А толку?

Солнце уже садилось в расплавленную морскую медь вечерних новороссийских пляжей, когда Лена со своим спутником, как по команде, встали, оделись и молча пошли в сторону дома отдыха. Не отрываясь от бинокля, Артур бросил через плечо Ихтиандру:

— Все. Тронулись. Посмотри, где она и с кем. Короче, узнай все.

— Легко!

Через час в бильярдной было проведено небольшое совещание. В нем участвовали трое: Артур, Ихтиандр и Дрында, бывший зек, а теперь взявшийся за ум и просто побирающийся на ступеньках ночных ресторанов дедок. Ихтиандр выкладывал добытую информацию:

— Она в «Морском волке». Это семейный дом отдыха. Муж — профессор. Фамилию глупее не придумаешь: Ивановы. Отбывают двадцатого утром. Поезд, скорее всего, московский экспресс. Я же сразу сказал, что она москвичка!

— У нас еще есть время.

— Есть, но мало, — замялся Дрында.

— В смысле?

— В смысле, что никакого смысла нет тебе за ней убиваться. Забудь. Уедет она, и все!

— Ну, знаешь, Дрында, давай без таких советов. Мы тебя позвали по делу. Ты напротив палаты можешь забраться, посмотреть, что они там и как?

— Вот глупости придумал! — засипел старческим смешком Дрында. — Сам лезь смотреть за тем, как муж с женою в секос играют. Эти зрелища не для нормальных глаз.

— Тогда заберись в номер, когда они уснут, — нахмурившись, проговорил Артур, — и возьми что-нибудь: мобилу, часы, фотик...

— Я завязал! — испугался дед.

— Да ты не понял, старый! У меня будет причина подойти к ней утром и вернуть эту вещь.

— Не, ребята... — отказывался Дрында, но когда увидел деньги, сдался. Взял их, пересчитал и аккуратно положил в левый кармашек рубашки. — Я вот думаю, лучше бы тебе в долину лотосов съездить. Имя ее в расцветший цветок прошептать. Тогда и будет она твоя навеки!

— Бредовая идея — за еще более бредовой! — хмыкнул Ихтиандр. — Если бы все так просто — давно уже не было бы на земле несчастных влюбленных! Лучше уж я на самую глубину сплаваю, окуняя ей добуду! Или кефалей наловлю к ужину, а Артур подарит!

— Да ты не скалься, верное дело говорю, — обиделся Дрында. — Ну ладно, как хотите, я пошел. Ждите, как заснут, принесу что-нибудь. Я ловкий. Сами знаете.

Дрында сдержал слово. Через три часа, когда супруги заснули безо всякого «секоса», он аккуратно по балконам проник в номер и взял с тумбочки маленькие женские золотые часики.

Сердце Артура бешено забилося, когда он ощутил эту прелесть у себя на руке! Он выдал Дрынде дополнительный гонорар, поскольку вещь оказалась дороже предполагаемой суммы, и всю ночь не мог заснуть, предвкушая свидание с Еленой Прекрасной.

А утро было совершенно необыкновенным. Солнечные лучи переплетались ветром и полосатостью облаков в причудливых сетях, точно золотым каркасом божественной инфанты, поддерживая небосвод. Эта небесная арматура казалась прочнее любой утренней мечты капризной красавицы. Считал ли Артур Елену красавицей? Нет. Она просто была той самой. И все. Той, которая нужна. Ведь мы не думаем, красив ли воздух, когда им дышим, красив ли хлеб, когда его едим.

Артур взял тетрадь и написал:

«Елена! Я ждал тебя всю жизнь и теперь вознагражден сполна! У меня есть все. Но в этом во всем не было тебя. Я посажу тебя посередине своего замка. Наряжу в самые тонкие шелка и лучшие меха. Одену в бриллианты. Увезу в любую точку земного шара, куда только пожелаешь. Приходи! Я жду каждый день. Каждый час. Каждую минуту. Как найти меня, ты знаешь. Артур».

Потом оторвал листок, сложил в несколько раз так, чтобы он уместился в руке вместе с часами, и стал ждать.

Ждать пришлось долго. Очень долго. Наверное, так долго ждать ему еще не приходилось. Солнце медленно набирало силу, жарило колени, впивалось в плечи. На лице Артура, и так уже достаточно загорелом, обозначились резкие белые русла морщинок. В зеленых глазах морскими водорослями отражалась тоска. А он все ждал, пока Елена появится на старом месте. Рабочая группа инструкторов и работников базы делала обычную утреннюю работу — очищала пляж от прибывших за ночь случайных водорослей и мусора. Ихтиандр собирал бутылки. Этот парнишка ничем не брезговал, чтобы заработать лишнюю копейку. Наверное, взгляд Артура заставил его подойти ближе и сказать вполголоса, чтобы никто кроме них не слышал:

— Ты ее не там ждешь. Она со своим профессором ушла на соседний пляж, откуда Шурка мороженое таскает.

Это прозвучало, как гром среди ясного неба. Артур, забыв поблагодарить, чуть ли не бегом рванул на соседний пляж. Он был в плавках и мало чем отличался от отдыхающих, пожалуй, только ровностью загара, да какой-то заметной на первый взгляд надежностью фигуры. Ему надо было опередить Шурку. И он ее опередил. На соседнем пляже Артур увидел предмет своей мечты. Лена лежала на арендованном лежаке, что его немного задело. Ведь он мог бы ей дать лежак бесплатно — лежи, сколько хочешь!

Мужа рядом с ней не было. Артур подошел, отдал часы и записку и, низко наклонившись, тихо проговорил:

— Я сегодня ночью был у вас. И поцеловал тебя спящую. Не заметила?

Затем резко выпрямился и, не оборачиваясь, зашагал к своему причалу.

Лена развернула бумажку, прочла записку и, загадочно улыбнувшись, надела на руку часики.

— Ты же говорила, что потерялись? — спросил отходивший за минералкой муж.

— Нашла в сумочке...

— А что это за записка?

— Да какая-то бумажка валялась на камнях.

— Подбираешь все подряд! Муха-подбирауха! — недовольно бросил мужчина.

— Маррррроженое! Пламбиррррр! — подошла к ним Шурка, одетая в соломенную шляпу, новый белый передничек в красный крупный горох,

красную юбку и неизменные гриндерсы. — Эскимо на палочке для прррре-красной дамочки!

— Спасибо, нет! — ответила Лена.

А Артур ждал. Подходило время обеда, но никто не приходил, даже заказчики на мотоциклетное катание куда-то подевались. Пару раз дразнил лежащих на камнях отдыхающих своими водяными выходками Ихтиандр. А потом Ивановы пошли на обед и снова долго не появлялись на пляже. Артур смотрел во все стороны, ожидая Елену. Она появилась с мужем ненадолго, в своем выцветшем коротком платьице, совершенно не портившем стройную фигурку, и пара снова удалилась в дом отдыха «Морской волк».

А следующий день вообще поверг Артура в бешенство. Ивановы не появились совсем. Их не было на всем побережье, которое он обежал туда и обратно. Пришлось снова вызывать Дрынду для совета. И снова тот плел байки про лотосы. Сказав, впрочем, и пару слов путной информации, что сегодня, возможно, день экскурсии, и ждать женщину не стоит:

— Ну что ты сидишь и глядишь, ждешь с моря погоды? Представь, что она статуя! И тепла в ней к тебе нет ни капли! Это только греки на красивые статуи смотрели, а потом у них, якобы, дети от этого красивые рождались. Так ведь то греки....

Артур наказал Дрынде следить за москвичами за небольшой гонорар и докладывать, где они и что делают. Дед с радостью согласился.

Так Артур узнал расписание экскурсий в доме отдыха «Морской волк». Узнал и то, что теперь двери интересного ему балкона наглухо запирались и закрывались шторами на ночь.

Следующие несколько дней мало отличались друг от друга. Ивановы приходили после завтрака. Он загорал в тени, она — на солнце. Волосы ее светлели с каждым днем. Она молодела, вбирая в себя йодистый воздух моря и гор, пропитанных морем. Тело ее приобретало приятный шоколадный оттенок. Казалось, она не думает вовсе. Точнее, запрещает себе думать. И задача ее, в которую Артур никак не вписывался, — просто отдохнуть.

К обеду супруги удалялись, и к четверем часам снова возвращались на пляж. Потом уходили на ужин. А после ужина бродили по соседним пляжам.

В один из таких дней Артур вдруг воскликнул:

— Все! Он ушел! Вон, погляди, торчит башка в море, как заноза!

Ихтиандр, по его просьбе, подошел к Лене и со словами: «Подарок от фирмы!» — протянул ей связку свежих кефалин, блестящих серебром.

— Вы так любезны, право, неудобно. — улыбнулась она. — Видите ли, мой муж очень любит рыбу, но у него на нее аллергия. Я тоже люблю, но не хотелось бы его дразнить. Так что предложите ее лучше кому-нибудь другому. Спасибо.

Не солоно хлебавши Ихтиандр вернулся в клуб, тихонько матерясь под нос и не зная, что говорить Артуру. Как и предполагалось, тот здорово расстроился.

В это время супруги о чем-то горячо беседовали, и Артур послал Дрынду с мобильным телефоном, чтобы записать разговор.

Дед незаметно подкрался к супружеской паре, включил кнопку записи: «Фотография и живопись в Германии обозначают уже давно одно и то же».

«Борис! О чем ты? Если считаешь живописью то, что продается на пляжных развалах с надписью «Из Геленджика для любимой бабушки», — тогда да. А как быть с Айвазовским? Я имею в виду его великие полотна, как «Девятый вал» или «Среди волн»? Попробовал бы любой накрученный папарацци сделать снимок вот такой волны, где световая сила луны выхватывает все морские глубинные оттенки черноты и прозрачности бирюзы, изумруда, мергеля, агата и аметиста самой чистой воды?»

«Ты сравниваешь воду с драгоценными камнями? А почему бы тебе в таком случае не попробовать что-то сделать в уральском стиле? Верни-саж забит наклеенными на фото осколками разноцветных камешков...»

«Лучше масла в живописи еще никто ничего не придумал. Это — нетленка. Все остальное — декоративное ремесленничество!»

«И фотография?»

«И фотография. И знаешь, почему? Айвазовский писал свой потрясающий шедевр, когда ослеп. А до этого он часами глядел на волну и просто пытался понять, чтобы потом одним дыханием кисти изобразить ее лик. Это как лицо счастья, его нельзя сфотографировать! Живой лик неодушевленного предмета...»

«Все равно написать мертвую волну проще, чем живой взгляд живого глаза».

«А ты попробуй!»

«И не подумаю. И Ван Гог, и Айвазов были бедны перед смертью, несмотря на свою гениальность и очевидную востребованность!» — отбивался Борис.

«О том, в чем бедность, а в чем богатство, ты, как профессор философии, можешь часами говорить со своими студентами и потрясать их идеями общечеловеческих ценностей. Но скажи! Просто и откровенно! В чем богатство твое? И в чем мое? В чем богатство Шурки, продающей мороженое? Или даже владельца ресторана? Банка? Достаточно ли каждому из нас нашего богатства? И ты ответишь себе — нет! Не достаточно! Хотя каждый хотел бы перед смертью, как ты говоришь, быть настолько «богатым», как Ван Гог!»

«Ты всегда забредаешь в такие дебри, что лучше, я думаю, их распутает ужин. Кстати, надо напомнить в столовой, чтобы нам дали сухой паек для завтрашней экскурсии...»

Тут зазвонил телефон, так что Дрынде пришлось отключить запись и вернуться к Артуру.

— Завтра у них экскурсия, стало быть, весь день их завтра не будет на пляже. — Это единственный вывод, который дед вынес из разговора. Он сочувственно посмотрел на Артура и покачал головой: — Ты бы не изводил себя, поехал бы на лотосы, а то отцветут...

И Артур поехал.

Серебряный «мерседес» легко летел по знакомой дороге на Анапу. За окнами мелькали облезлые пирамидальные тополя, крысиными хвостами направленные в небо. На обочинах дорог крестьяне продавали арбузы, яблоки и виноград. Был бы Артур помоложе, можно было бы забить багажник этими дешевыми арбузами и продать в четыре раза дороже на пляже через ту же Шурку. Но теперь он не видел в этом ни малейшего смысла.

Пересев на катер, Артур ждал, пока канал вынесет его к вождеденному озеру с легендарными цветами. Его раздражали отдыхающие, фотографирующие все подряд, невольные соседи по катеру. И лишь озеро лотосов заставило успокоиться. Он отделился от группы экскурсантов и, выбрав самый красивый цветок, поплыл к нему. Долго смотрел в желтое солнечное лоно. Несмело прошептал: «Лена! Леночка! Аленькая моя! В моем сердце только ты. Ты одна. Люби меня всегда! Прошу тебя! Мне никто не нужен, кроме тебя!» — и бережно поцеловал твердую сердцевину громадного царственного лотоса. Его розовые лепестки вздрогнули от неожиданности, но остались такими же упругими.

Всю дорогу обратно Артур думал о розовом цветке и о ней, той женщине, которая завладела его сердцем.

Вечером она прошла совсем близко от него, даже не заметив, взгляд ее сосредоточенно сканировал горы, море, прибрежные волны, и, как говорят, «вital в облаках».

Артур так и остался сидеть на камне и смотреть ей вслед. Смотреть без усталости. Он уже мог по памяти в любую минуту воспроизвести все контуры, оттенки цвета, движения, голоса, запаха, линий, из которых она была так хорошо сложена. Как слиток золота он отыскал ее среди людского песка, выделил и мысленно присвоил, приблизил и отдалил одновременно, точно вырезал из бытия, называя в уме не иначе как «Моя Елена»...

— Кофе хочешь? — спросила подошедшая Шурка.

— Хочу.

— Пойдем, напой.

Артур в первый раз зашел к Шурке, снимавшей однокомнатную квартиру. Пока Шурка готовила кофе, он разглядывал единственную картинку на стене. Выдранный из глянцевого журнала разворот был приколот

булавками к стареньким обоям. На фотографии было изображено ночное небо современного большого города. Огни реклам. Из шикарной блестящей машины прекрасная дама высунула ножку в туфельке на высоком каблуке. Руку ей подает красавец-мужчина...

— Это твоя мечта? — спросил Артур.

— Как ты догадался? — ответила Шурка, разливая кофе со своей обычной собачьей услужливостью.

— Мечтаешь о богатстве?

— Кто о нем не мечтает?

— А как насчет счастья? — допытывался Артур, но Шурка его не понимала.

— Какого счастья? Вот счастье! Он и она. Машина! Она, как королева в чулочках, блин, на каблучках! А я? Ношусь по пляжу в гриндерсах! Попробуй каблуки надеть! Ноги сломать можно по этой гальке!

— Шурка! Какая ты еще глупенькая! Посмотри! Нет, ты посмотри на ее лицо! Ей же там плохо! Ей совсем не нужно все это! Ей нужно другое!

— Что другое? — опешила совсем сбитая с толку Шурка.

— Ну, например, покататься на водяном мотоцикле. Тогда лицо ее будет счастливым!

— Хорошо тебе говорить. У тебя все есть. И машина. И мотоциклы...

Артур вздохнул, вспомнив о лотосах, и, не попрощавшись с Шуркой, молча вышел из квартиры, осторожно прикрыв за собой дверь.

Он мог бы сейчас пойти в дом отдыха «Морской волк», поиграть в бильярд, например, но что-то совсем не хотелось, и он уснул прямо возле причала, повернув лицо ко Млечному пути.

Во сне Артур увидел то же небо, и те же звезды. Только они вдруг выстроились в какое-то знакомое имя... Проснувшись, он хотел вспомнить его, но так и не смог.

Все утро, весь день и вечер он разглядывал в бинокль ту, что не давала ему покоя...

А ближе к ночи пришел старик Дрында за расчетом.

— Все. Завтра они уезжают.

— Как завтра?

— Я подслушал, когда сидел у столовой.

— Но она же говорила, что еще двенадцать дней здесь пробудет!

— Вот и прошло уже!

— Ой, блин! — Артур сел и уперся ладонями в голову. Ему было так горько, что он не сможет объяснить ей, как она нужна ему!

— Хорошо! — Он резко встал. — Пусть уезжает. Все! Вот тебе деньги. Иди, Дрында! А она пусть катится в свою Москву. Пусть спит со своим

профессором! Пусть сдохнет там от своей скуки! Пусть делает, что хочет! Я к ней всем сердцем! Как королеву одеть ее хотел! Подарками осыпать! Как царица бы жила, глупая!

— А может, она и живет, как царица, ты же не знаешь! — вставил Дрында.

— Царицы по домам отдыха не ездят. Они все по Канарам, по Египтам! Нужна им наша галька! Дед! Как же она меня обидела, дед!

...Ивановы заранее заказали такси и рано утром отправились на железнодорожный вокзал. Хорошо, что Дрында по привычке своей заметил в отъезжающей машине знакомые лица и бегом побежал к Артуру.

Тот собирался недолго. Завел машину и через полчаса был на месте. Но как он ни искал, как ни звал, так и не мог найти в толпе отъезжающих супружескую пару. А Лена с мужем уже заняли свои места в купейном вагоне и поглядывали в окно.

— Елена! Елена! — раздавалось на перроне.

— Кто-то потерялся, — заметил профессор.

— Да, наверное, — произнесла Лена и вдруг увидела в окне бегающего по перрону Артура. Горло ее сдавило. Глаза сузились.

— Что с тобой? Ты прямо чуть не плачешь!

— Да вон, человек бегают, не знает, как найти свою Елену.

— И что?

— У тебя нет сердца, — вздохнула она.

— Нет, — согласился профессор, — зато у меня есть печень, селезенка, щитовидка. Больная, между прочим...

— Да-да, я в курсе...

Поезд тронулся. А Лена легла на полку и закрыла глаза. Ее покачивало, словно на морских волнах.

На станции «Крымская» продавали персики, вареную кукурузу, лепешки. За останавливающимися вагонами бодро топала старуха, нагруженная с двух сторон корзинами с баночками меда. За нею выписывали круги довольно крупные осы, но старуха совершенно не обращала на них внимания. Ее высохшее тельце, прикрытое чистеньким платицем, напоминало ожившую мумию. Остро торчал нос. Выжидательно вглядывались в пассажиров глаза, и в их преданности деньгам было что-то Шуркино.

— Вот если бы ты осталась с тем инструктором по мотоциклам, — сказал неожиданно Борис, — ты через некоторое время ходила бы вот так же по перрону и продавала «чхучхеллу».

— Я не думаю, дорогой, что такого уровня художники, как я, есть в Широкой балке, да и на всей Кубани, — невозмутимо ответила Лена. — Это в Москве я затерялась. Но, поверь, не надолго. А здесь, в худшем случае, лет, эдак, через десять, был бы уже музей с моим именем.

— А в лучшем?

— А в лучшем — всю Широкую балку бы переименовали, ну, так скажем, в одну из моих работ...

— От скромности ты не помрешь, — улыбнулся профессор.

— Я вообще не помру — останусь в своих произведениях. Я бессмертна, — снова пошутила Лена.

...Артур не верил, до последнего не верил, что она уедет. А она уехала.

Он вернулся в Широкую балку. Вытащил с пляжа Шурку. Оторвал из натруженных рук корзинку с мороженым, решительно снял с нее передник и твердо проговорил:

— Едем!

— Куда?

— В Геленджик!

— Зачем?

— Там шмотки круче!

Артур купил Шурке красивое платье, как на той картинке. Туфли с высокими каблуками. И чулки со стрелками. Они поужинали в самом дорогом ресторане. И чаевых оставили официанту столько, сколько Шурка зарабатывала за день на пляже. А когда огни ночного города загорелись во всю мощь, он остановил «мерседес», открыл дверцу, подал ей руку, и она вышла из машины, хихикая от восторга.

— Теперь ты счастлива? — спросил он, глядя на подружку с острой жалостью, которую легко можно было спутать с любовью.

— Да!

Ночь они провели у него. А утром Артур долго катал ее на водяном мотоцикле. Ожесточенно стиснув зубы от обиды, он выделял такие пируэты, которые никому на всем побережье не были под силу. Но Шурка не пискнула даже тогда, когда они ударились боком о встречную волну, лишь произнесла:

— Оп, твою мать!

...Через год у Шурки родилась девочка, не похожая ни на Артура, ни на Шурку. Зато как две капли воды похожая на Лену. При темноволосых родителях ребенок всем казался ангелом, потому что выбрал для себя из ветвей капризной генетики ген белокурости и чистых синих глаз, расцветших на лице цветиками цикория. Артур души не чаял в дочери. А Шурка и подавно.

Девочку назвали Еленой. Так посоветовал Дрында. □

К Георгий Ковалев

*«Настоящий
театр
делает мир
и каждого
из нас лучше!»*

Фото Екатерины Цветковой

Георгий Ковалев — молодой актер театра МХТ имени А.П. Чехова. Окончил школу-студию МХТ — курс Романа Козака и Дмитрия Брусникина. На сегодняшний день занят во многих спектаклях театра: «Свидетель обвинения», «Деревня дураков», «Дворянское гнездо», «Новый американец», «Бунтари», «Спящий принц». А маленьким зрителям он полюбился в спектакле «Белоснежка и семь гномов». Сам Георгий считает, что играть перед детской аудиторией очень непросто и ответственно. Ведь дети — зритель особенный!

А еще он много снимается в кино и телесериалах: «Судмедэксперты», «След», «Закон и порядок», «Кремлевские курсанты», «Возвращение Турецкого», «Мститель», «Склифосовский» и других.

— В МХТ имени Чехова идут спектакли «19.14», «Бунтари», «Светлый путь. 19.17», в которых вы заняты. Расскажите об этих современных постановках.

— Года три назад в нашем театре актер Александр Молочников поставил спектакль «19.14», необычный — в стиле кабаре: на сцене много песен и танцев, а зрители сидят за круглыми столиками, все как в настоящем кабаре.

В той постановке я участия не принимал, однако, через год после выхода «19.14», в нашем театре появился спектакль «Бунтари», тоже в постановке Александра Молочникова, где он представил свое виде-

ние того, как накапливается в людях энергия бунта, восстания, переворота и чем это заканчивается. В «Бунтарях» я уже задействован. Участие в этом спектакле стало для меня интереснейшим опытом.

— В 2017 году Александр Молочников в МХТ поставил спектакль «Светлый путь. 19.17». Это уже трилогия?

— Я бы назвал это «триптихом», посвященным веку русской революции. Это спектакль-послание. Послание от тех, кто родился в девяностые годы двадцатого века, учился по учебникам, в которых Великую Октябрьскую считают переворотом.

«Светлый путь.19.17» не истолкуешь одной фразой — его надо смотреть.

— Вы играете в спектакле «Деревня дураков» по произведению Натальи Ключаревой в постановке режиссера Марины Брусникиной. Все артисты играют так пронзительно, что невозможно остаться равнодушным ко всем героям... На сцене калейдоскоп реальных типажей... Запомнился диалог: герои выясняют, зачем нужно искусство, если оно ничего не меняет...

— Спектакль действительно цепляет, ибо повествует о том, как не просто найти себя в этом мире, а эта тема близка каждому человеку. Помимо этого, городской зритель с интересом смотрит истории о жизни в современной российской глубинке. Марина Брусникина поставила «Деревню дураков» в 2014 году, и с тех пор постановка собирает полные залы на Малой сцене МХТ.

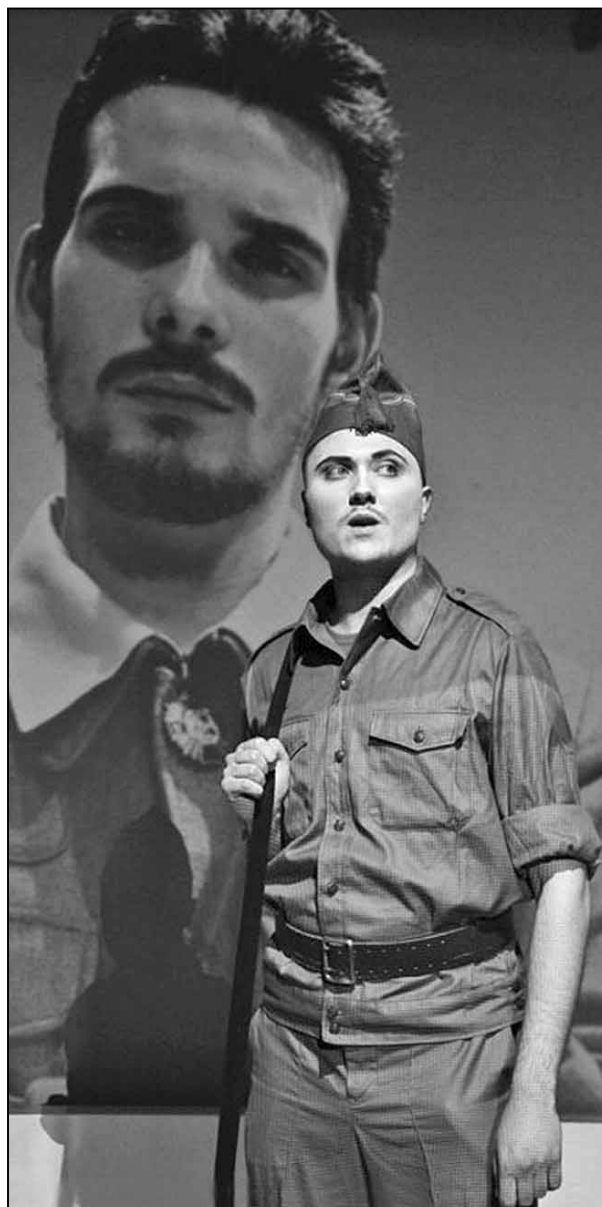
— Георгий, вы проходили военную службу? Хочу заметить, что это нечасто случается в актерской среде...

— Да, проходил, в Центральном академическом театре Российской армии, в Москве. Служил ровно год — для меня это огромный опыт, и вспоминаю то время с благодарностью и теплотой.

Я выходил на одну сцену с легендарным артистом — Владимиром

Михайловичем Зельдиным в спектакле «Человек из Ламанчи».

Как Владимир Михайлович пел, как танцевал! Его Дон Кихот был невероятным! Ощущение нереальное! Тогда, в свои девяносто с небольшим, он давал фору всем молодым, был максимально активным, буквально заряжал всех вокруг своей энергетикой. И, конечно, для меня, молодого актера, только окончившего школу-студию МХТ, работать

с самим Зельдиным было очень волнительно и, в то же время, бесконечно интересно.

В театре Российской армии я играл тогда еще и в детском спектакле «Айболит». У меня были две роли: Тяни-Толкай и Крокодил. Я выходил «съесть» Бармалея, и, надо сказать, что дети меня очень по-настоящему пугались. Помню, стоял на сцене, на поклонах, у ступеней, по которым дети поднимались, чтобы вручать цветы

артистам, так вот детишки отдавали мне все свои букеты и тут же быстро убегали назад, в зал. Потом мне сказали, что они так боялись меня, что не могли вручить букеты другим героям, например, Обезьянке.

— Сложно играть перед детской аудиторией?

— Детей нельзя обмануть. Это многие взрослые воспринимают театр как «выход в свет», приходят в театр по принципу — я деньги за билеты заплатил, моя жена надевает красивое платье, я надеваю новый костюм, и сначала в буфет, потом в зрительный зал. Спектакль посмотрел и, если он не понравился, то подумает, наверное, я что-то не понял, не разобрался в замысле режиссера.

А дети приходят в театр насладиться именно зрелищем! Если они отвлекаются во время спектакля, значит, что-то не так. Создатели постановок следят за их реакцией в зале и делают профессиональные выводы, что-то сокращают и так далее.

В МХТ имени Чехова моя первая роль — Гном Четверг — в спектакле режиссера Михаила Миронова «Белоснежка и семь гномов». Невероятное удовольствие играть для детей! Как они реагируют, как живо и остро все воспринимают! Помню, как играли этот спектакль в Швейцарии, в Цюрихе, для русскоговорящих, и со сцены герой говорит, обращаясь к детям в зал: «Накажем злую королеву!» Сидящая в первом ряду девочка вдруг как зарыдает:

«Простите ее! Пожалуйста!» Дети все чувствуют и не обманывают себя как взрослые.

Самую первую роль я должен был сыграть в три года — маленького Иисуса в рождественском спектакле «Вифлеемская звезда». Но в день премьеры я вдруг закапризничал и сказал родителям, что хочу спать и никуда не пойду. Тогда срочно ввели в спектакль мою сестру. Помню до сих пор, как родители, они драматические артисты, вернулись после спектакля домой радостные, с цветами, и как была счастлива моя сестра. Так мне было обидно, что я отказался от роли и не пошел в театр!

— Георгий, многие артисты говорят, что маленьких ролей не бывает, это правда?

— Бывает! Маленьких ролей не бывает в Больших спектаклях, а Больших спектаклей все меньше и меньше... Если спектакль плохой, и ты там еще, как говорится, не зачем...

Я учился на сценарных курсах и знаю правило, что, если можно что-то вырезать, то вырезай! Ничего не изменится! Можно убрать роль, и будет меньше нагромождения на сцене.

У режиссера Константина Богомолова нет маленьких ролей в спектаклях, у него все имеет смысл и значение. Знаете, есть плохие спектакли и есть плохие роли... Но раз уж ты стоишь на сцене пятым стражником — так стой, как должно! Возможно, именно на тебя смотрит зритель и, если в этот момент ты не в образе, магия театрального действия будет мгновенно разрушена.

Во многих театрах нет дисциплины среди актеров, некоторые могут позволить себе прийти на репетицию неподготовленными или опоздать на нее. Почему так происходит? Я этого не понимаю. Восхищаюсь актером Дмитрием Назаровым, у нас в театре идет с его участием спектакль «Спящий принц», Дмитрий Юрьевич исполняет главную роль, и он никогда не позволяет себе прийти не вовремя на репетицию, всегда готов к роли. Вот такое отношение к профессии достойно уважения.

— У вас растет сын, ваши родители — артисты, хотите, чтобы он продолжил династию?

— Нет! Оставаться хорошим человеком в нашей профессии очень тяжело.

— Любопытно. А почему вы считаете, что в актерской профессии тяжело оставаться хорошим человеком?

— В какой-то момент становишься циничным. Как реагировать, если ты не получил эту роль, а мог бы сыграть ее лучше, чем тот, кому она досталась? Конечно, это больше философский вопрос, ведь «лучше или хуже» в нашей профессии — весьма относительное понятие: вкусы у всех разные, и главное здесь для актера — найти «своего» режиссера и «своего» зрителя.

— Вам нравится гастролировать?

— Очень, это еще и прекрасная возможность увидеть города и страны, куда ты вряд ли отправился бы самостоятельно. Со спектаклем «Дворянское гнездо» мы побывали в Нальчике, недавно были с постановкой «Свидетель обвинения» в Израиле. Удивительная страна! И в то же время для нас необычно видеть, как вертолеты военные летают по ночам, а молодые израильские девчонки — такие невероятно красивые и... с автоматами в руках патрулируют местность... Но это их жизнь, они так привыкли...

— Георгий, как вы считаете, зачем люди ходят в театр?

— Театр — это живая эмоция. Театр должен увлекать зрителя. Хороший спектакль — так же, как и хорошая симфония, или хороший натюрморт, или роман, или любое другое художественное произведение, он должен будоражить сознание, вызывать те самые неподдельные эмоции в наших сердцах, умах и душах, вытаскивать человека из замкнутого круга «дом-работа-дом».

И если после спектакля зрителю самому захочется творить, жить, любить, меняться и преображаться — это значит, что все наши усилия и старания были не напрасны!

Я искренне верю, что настоящий театр делает каждого из нас, а значит, и мир в целом, лучше! □

Беседовала
Елена Воробьева

Анатолий Крищенко

ПАРТИЗАН И «ГОРЮШКО»

Цыган злился, жалея, что не пустил в отдельный кабинет нахальных, но бедных людей — газетных писак. Сердито покусывая ус, он время от времени поглядывал в окно и вдруг в наступающих сумерках увидел две знакомые фигуры. Кинувшись навстречу, угодливо распахнул двери и проворковал:

— Милости просим в мой московский цыганский шатер. Давненько вас не было. — Глаза его светились, а голос пел в привычных полутонах ожидаемой прибыли.

Тот из гостей, что был чуть моложе, насмешливо улыбнулся в ответ:

— В шатер, милейший, не надо. Мы — люди домашние, не шатровые.

— Так мой шатер, сами знаете, и есть дом. Это я так, по-степному... — опешив на миг, угодливо проговорил цыган.

— Нам в отдельный, — сухо перебил его второй, постарше и угрюмее, и тут же, уловив замешательство хозяина, уточнил: — Занят?

— Так ежли... — неопределенно буркнул цыган.

— Золочу ручку, а сыплю серебришко, — усмехнулся тот, что помоложе, и высыпал в протянутую руку цыгана пригоршню серебряных монет: — И без «ежли». Понял?!

— Понял, понял... Спасибо, ваша милость, на серебре. Прошу в отдельный кабинет, господа, — жестом пригласил цыган и, уже на ходу, тихо

сообщил: — В этом кабинете моего шатра недавно царь сживали. — Поймав удивленные взгляды гостей, он уточнил: — Да не в своем обличии они были-с. Но я их все равно разглядел.

— Так в каком обличии они были-с? — спросил насмешник.

— Не могу знать, — замотал головой хозяин ресторана. — Об етом, извиняйте, лучше вам не спрашивать и нам не говорить. — И, чтобы смягчить категоричность своих слов, угодливо продолжил: — Я узнал вас, господа. Вы, — взглянул он на насмешника, — грибы ели, а вы, — повернулся цыган к угрюмому господину, — партизан. Знаю вас, господа, и очень уважаю. Вы не только пьете, но и с нами иногда поете.

Гости, дружно рассмеявшись, зашли в уютный кабинет.

— Что прикажете? — стоя в дверях, учтиво спросил хозяин.

— Как всегда, — вальяжно ответил тот, что помоложе.

— Будет сделано-с. — Повернувшись, цыган хотел уйти, но угрюмый, впервые улыбнувшись и указывая пальцем на насмешника, произнес:

— Ему грибов побольше: да, да, он же Грибоедов. Без них — пропадет.

— А для Али-бабы, господину Алябьеву, этому партизану, — парировал насмешник, — шашлыки на углях. И костер тащи сюда, костер. Живо!

— Так сгорим же, ваша милость! Мы ж не партизаны, мы — цыгане. На дому, не в степи шатруем.

Гости, переглянувшись, снова засмеялись, глядя вслед цыгану.

Вскоре на роскошном столе появились в большом блюде грибы, дымящийся шашлык на углях, зажаренный поросенок, водка в графине, шампанское в ведерочке со льдом, фрукты.

— Если что — я рядом, — покидая кабинет, предупредил хозяин.

Алябьев погрузился в удобное кресло и задумался. При слове «костер» его окутал едкий осязаемый дым воспоминаний. Говорить расхотелось: ночью он опять скакал с шашкой наголо, преследуя французов...

В Отечественную войну с Наполеоном Алябьев и Грибоедов были офицерами русской армии. Алябьев партизанил, Грибоедов служил в гусарском полку, куда поступил в возрасте семнадцати лет. Оба после войны оставили армию, стали служить музе: Алябьев — музыке, Грибоедов — поэзии и дипломатии.

К моменту этой встречи они были уже известными личностями.

Алябьев — признанный композитор, создатель русских романсов, песен, квартетов, трио. Еще до войны, в 1810 году, «Новый французский романс» Алябьева принес ему европейскую славу и покори́л Париж. Об этом писали «Московские ведомости». Музыка пьянила его, как весна природу. Выйдя в отставку, он целиком занялся творчеством. Произведения Алябьева исполняли везде — в театрах, салонах, концертных залах.

Грибоедов после войны стал работать в Министерстве иностранных дел, продолжая заниматься поэзией. Прослужив более двух лет секретарем русской миссии в Персии, он перевелся на Кавказ к генералу Ермолову в качестве дипломатического секретаря. Получив длительный отпуск, прибыл в Москву, желая закончить комедию. Неоконченная комедия «Горе от ума» уже принесла автору ошеломительный успех. Многие ее сатирические строки стали «крылатыми словами», пословицами и поговорками.

Композитор Алябьев и поэт Грибоедов принадлежали к той части дворянства, кого не любил царский двор за свободомыслие и вольнолюбие, что сыграло впоследствии свою роль в их трагических судьбах.

До слуха композитора донесся вкрадчиво-тихий голос Грибоедова:

— Что притих, партизан?

— Думаю.

— Думать в цыганском шатре, конечно, не возбраняется. Думы вольны, как цыгане.

— Это первый атрибут свободы.

— А второй?

— Звук, — ответил Алябьев. — Он свободен как птица.

— Ну, братец, твое видение поражает. Вы, господин партизан, постоянно находитесь в неволюшке звуковой без мысли таковой. А здесь, в шатровом акте у вас исчезла мысль в антракте. Трагикомедия случилась, и муза звука испарилась. — Грибоедов слегка улыбнулся и продолжил: — Ну, как мой экспромт, господин Алябьев? Вы вновь задумались, пыхтите и от скопленья звукодум молчите.

После непродолжительной паузы Алябьев беззлобно и чуть снисходительно произнес:

— А вы, господин Грибоедов, точно «урод ума».

— Потрясающий комплимент! Сейчас тебя осенило, «звукодумник»? Молодец!

— Не я молодец. Давыдов.

— Да уж, твой командир лихач и в слове. Гениально! Он удачно гусарствует не только во славу истории, но и нашей словесности. Надо же, «урод ума». Слава богу, что не безумия. Восхитительно! Понимаешь, в этой парадоксальности Дениса улавливается моя мысль, что я пытаюсь выплеснуть в комедии. Да, да, в подтексте и читается: всякий умник — «урод ума». Это, брат, российская метка... всех «умачей». И все же я бы такого не придумал. Так что твой командир и друг в самую точку попал.

— Я думаю, Давыдов выказал свое высочайшее восхищение автору комедии. Хоть и грубовато, но восхищение. Не лесть. Льстить Денис не умеет.

— Понимаю. Ты за него горой. — Грибоедов встал и, прохаживаясь, повторил: — Понимаю. Давыдов — наш общий российский любимец. Но что парадоксально — любимца не жалуют в верхах! Почему?

Алябьев холодно и отстраненно молчал, только досадливо махнул рукой: — Пусть так. Прошлое всегда в тумане...

Если действительно заглянуть в прошлое, то на темноватых скрижалях истории непременно высветится гордый российский факт жизни Давыдова, русского самородка чести. Отец будущего гусара, кавалерийский офицер, был учеником Суворова. Легендарный полководец дружил со старшим Давыдовым, часто бывал в их доме. Он-то и предсказал подростку Денису воинскую славу. Дерзкий и всевидящий полководец не ошибся. С детства мальчик понимал, что защита Отечества не только долг, но и честь для дворянина и настоящего мужчины. Потому не удивительно, что в 1812 году Денис Васильевич Давыдов создал первый в истории России армейский партизанский отряд, который был мобилен, неуловим и сеял панику и страх в тылу врага...

— Скажи, «горюшко», а как ты оцениваешь Дениса-поэта? — после затянувшегося молчания спросил Алябьев.

— Думаю, что и здесь силен твой друг-командир... особо сатирой и политическими баснями. В свете, и ты это хорошо знаешь, не смолкает молва о нем. Да, силен гусар! Талантлив кругом!

— Денис, вне всяких сомнений и злопыханий, уже вошел в военную историю России и как практик, и как теоретик, и даже как ученый в ратном деле, — убежденно проговорил Алябьев.

— Это, партизан, его стратегия, его жизнь. А может, судьба, — задумался Грибоедов, затем тихо произнес: — Поведай мне, друг-партизан, как вам удалось взять Дрезден? Утверждают, что укреплен был город капитально. Совершенно неприступен. Историки могут соврать, а ты, участник, расскажи все, как было.

— А ведь взяли! — блеснув стеклами очков, живо откликнулся Алябьев. — С божьей помощью и, опять же, по расчетам Давыдова взяли. Дерзко, с налету. И тем же проверенным суворовским маневром — с флангов, «горюшко», с флангов. Вот такая история. И хваленая неприступность Дрездена — тю-тю! Мы его взяли малой кровью. Взяли!

— А потом?

— Потом, друже, случилось непредвиденное. Суворовского стратега Дениса обвинили в «излишней» инициативе. Понимаешь? Об-ви-ни-ли! Су-чьи слуги царя!

— Чиновничье мракобесие! — отставив свой бокал, поддержал его Грибоедов.

— Горе у нас в Россиюшке случается не только от ума, но еще и от чиновников, — с сарказмом улыбнулся Алябьев. — Понимаешь, командующему Винценгероде почему-то действия Давыдова не по вкусу пришлись.

— Да... Лавры победы... Субординация... не ум и дело, а должность у нас от царя Гороха ценятся! — задумчиво проговорил Грибоедов. — А что же Денис? — вдруг вскинулся он.

— Его тогда отстранили от командования. Денис был взбешен. Сразу покинул отряд. Считаю, самовольно уехал в штаб армии. Я, конечно, последовал с ним. Это, пожалуй, был самый горький момент походной нашей жизни. Денису, да и мне, грозил суд за самовольный отъезд из отряда. Небывалый факт этот, естественно, был против нас. Но, к счастью, — а счастье всегда — помощь Бога, — навет генерала-самодура действия тогда не возымел.

— Но наказание все же было. Было! Вас с Давыдовым лишили боевых наград и почестей. Обидно! Сей факт я просто по-человечески пытаюсь понять, но не понимаю.

— А ты пойми, дипломат, разумею, пиит, что война для нас всех была священна. В священности, думаю, и наша непобедимость. Отечество, землю-матушку защищали все. И наша победа, думаю, — награда от Бога. А она выше, чем от царя. Субординации не подлежит. Ее никогда и никто не отнимет, награду божью.

Оба подняли бокалы, выпили, потом, задумавшись, надолго замолчали, после чего Грибоедов снова заговорил:

— Молва гласит, что ты ходил по острию смерти. На самые опасные дела тебя посылал Давыдов?

— Почему посылал?! Он эти дела сам не пропускал. Я — солдат и выполнял его приказы. И он — солдат! Поверь, «горюшко», рядом с Денисом невозможно было не зарядиться его безудержной и победной храбростью.

— Понимаю тебя. Более двух лет на лошадях в походах по лесам и весям Европы до Парижа плечом к плечу... Это целая эпоха. Эпоха личной судьбы. Александр! Предлагаю тост за тебя, за Дениса Давыдова, за ваше боевое братство. За всех, кто спас нашу не то мачеху, не то матушку Россию от рабства поражения. За божью награду, за победу!

Они встали, снова наполнили бокалы, чокнулись и под мелодичный звон выпили. Молча сели, закусили.

— Хочешь сюрприз-фокус, партизан, от «урода ума»? Фокус-сюрприз? — хитро прищурился, неожиданно спросил Грибоедов.

— Что? — очнулся от своих мыслей Алябьев. — Какой сюрприз-фокус? Да и факира здесь нет. Лукавишь, «горюшко»! Дипломатничаешь, факир ума!

— Василий! — громко позвал Грибоедов.

Цыган тут же появился на пороге и молча посмотрел на него.

— Василий, ты о партизане Давыдове слышал?

— Обижаете, барин! Кто ж о нем не слыхал? Давыдушка — герой, Наполеона насмерть бивал. Раз, вот вам крест, — торопливо перекрестился он, — в бою две тысячи французов захомотал в плен. Да еще с генералом ихним.

— Откуда знаешь? — удивился Грибоедов.

— Так зачем же мы цыганы! У нас глаза и уши ловят новость. А любая добрая новость быстро бежит к нам в шатер. Давыдушка — герой. Всяк знает.

— Добрые слова говоришь. Добрые и точные. А ответь-ка мне, братец, кто такой Винценгероде?

— Брехать не хочу. Не знаю, барин, — покачал головой Василий. — Вот вам крест! — Он снова перекрестился и продолжил: — Убей — не знаю. А кто это? Винце-винце-огород...

— А говорил, что все знаешь. Был такой начальник у Давыдова.

— Плохой, значит, начальник. Не знаю его. Вот Кутузова знаем. Обдурил Наполеона. На погибель запустил в костерную Москву, и обожглися враги, побегли по всем степям. А степя-то не ихние, а наши.

— Спасибо за правду, братец. Благодарствуем, — откликнулся Алябьев, молча слушавший разговор, и вдруг попросил: — Спой нам, Василий. Порадуй душу.

— Так что, вашу песню, барин? Мы часто поем ваши. Какую изволите?

— Нет, не мою. Давай твою, цыганскую.

— Счас, — обрадовано откликнулся хозяин заведения, отметив про себя: «Этим можно мой романс. Эти поймут». А вслух произнес: — Я даже государю не пел. Сбоялся.

Он жестом фокусника извлек из-за шелковой занавески скрипку, повел смычком и, сыграв несколько тактов, запел:

*Моя скрипка напевами плачет,
И смеется, и скачет со мной,
И любовью зовет на удачу,
И несется, как конь удалой.
Я скачу по дорогам удачи,
Не сменю у судьбы лошадей
И не стану просить в игре сдачу,
Потусую колоду мастей.
Моя скрипка напевами плачет,
Буйной волей играет со мной.
Она степью, кострами маячит
И зовется цыганской судьбой.*

— Спасибо, брат, уважил. Ты сделал мне царский подарок! — выкрикнул Алябьев и высыпал в ладонь певца несколько золотых. — Вот, бери. Заработал.

Грибоедов молча хлопал в ладоши.

Василий, принимая золотые, восхищенно признался:

— Я, ваша милость, такого от самого царя не получал, — принимая золотые, восхищенно признался Василий и, поцеловав золотой, добавил: — Люблю царя золотого, честное цыганское!

Грибоедов, глядя сквозь хрусталь бокала, указав на товарища, задумчиво произнес:

— Так сей господин Алябьев в музыке побогаче, полагаю, самого государя. Побогаче, так-то...

— Такого не может быть, — осторожно возразил Василий.

— А ты мудрый, — отреагировал Грибоедов. — Вернее, больше хитрый.

— Лучше, ваша милость, быть хитрым с головой, нежели мудрым без нее, — усмехнулся цыган.

— Твое сочинение? — учтиво обратился к нему Алябьев.

— Нет, ваша милость, — ее, — кивком головы показал на скрипку Василий. — Она мой сочинитель.

— Ты, Василий, пророк звука, — вырвалось у Алябьева.

— Нет, ваша милость. Это вы — пророк, а я цыган, колдун звука, люблю песни.

— Колдун звука, — повторил Алябьев и повернулся к Грибоедову: — Слышал?

— Конечно, — тихо ответил «горюшко». — Я весь обратился в слух... колдун звука...

— Ну, иди, иди. Порадовал нас, — улыбнувшись, махнул рукой Алябьев. Цыган неспешно с достоинством вышел.

Друзья наполнили бокалы, выпили, и Алябьев возобновил беседу, которая волновала его больше, чем услышанный романс.

— Как ты расцениваешь действия на Кавказе? Что Ермолов?

— Для самого Кавказа и для России — это «гордиев узел», — помолчав немного, ответил Грибоедов. — Но рубить его нельзя. Горцы стратегию боя хоть не изучали, а воюют не хуже регулярной армии. Они ведь тоже партизаны.

— Почему же они не побеждают Ермолова?

— Вопросик... У Ермолова — сила, армия, государство за спиной, а у них — разрозненные отряды, нет единоначалия. Но мне думается, что все мы еще долго будем кавказскими пленниками.

— Мы же не порабощаем их, — тихо произнес Алябьев. — Мы защищаем свой рубеж Отечества на юге. И их тоже защищаем. Иначе турки и другие азиаты рабами их сделают.

— Да, такое предположение не лишено логики. Но горцы свободолюбивы, хотят вольных земель, без всяких наших кордонов.

— А что Ермолов? Сложилось ли у вас отношения? Он, говорят, крут...

— Алексей Петрович умен и смел. Храбр и резок. Бывает жесток в усмирении некоторых горцев. Я как-то осмелился заметить ему, что он — деспот.

— И какова была его реакция?

— Конечно, возмутился: испытай, мол, прежде сам прелесть власти, а потом и осуждай.

— Прости за назойливость, «горюшко», — осторожно спросил Алябьев, — но как ты в настоящее время оцениваешь обстановку в России?

— Что будет с нами, с Отечеством? Меня тоже волнует это, — задумчиво проговорил Грибоедов. — В воздухе сказывается приближение кризиса. Крепнет аракчеевский хомут... подавление Семеновского полка, дела профессоров о крамоле и безверии... А ссылка Пушкина... Вопросик сей оставим без ответа. Жизнь на него безошибочно ответит, партизан. Только жизнь...

— Александр, ты поэт или дипломат? — прервал его Алябьев.

— Я не мыслю одно без другого. Настоящая дипломатия должна быть изящна, как поэзия. А поэзия — отчасти тоже дипломатия. Это, конечно, в идеале и без чиновничьего мракобесия. — А еще дипломатия мне видится как притчевая библейская мудрость. Там иногда радость надо воспринимать как горе, а по-библейски горе воспринимается как радость. Библия, партизан, вся на оттенках противоречий, поэтому, мне думается, клави́р подтекста каждый человек слышит по-своему. Ты же знаешь, все наши муки Иисус взял на себя, большие невыносимые муки. А малые — нам остались... и царям.

Друзья замолчали и снова задумались. О чем они думали? Об Отечестве? О своей судьбе?..

Более встретиться им не довелось: дороги жизни — развели. Каждый пошел своим путем. Дипломат Грибоедов был убит на чужбине в Персии. Композитор Алябьев по ложному доносу оказался в тюрьме, где продолжал писать музыку, прославляя жизнь. Всемирно известный «Соловей», написанный Алябьевым в заточении, редкой оптимистичностью взывает к свету, а «Горе от ума» Грибоедова читается так же, как тогда... Оба до последнего дыхания служили Отчизне.

Два гиганта, два ярких дарования, безмерно любившие Россию, были изолированы от общества.

Но такой святой патриотизм невозможно изолировать, он всегда воскресает в памяти потомков... □

Виктор Ом

фото Николая Тищенко

«Человек и играющий»

КЛОУН

И ЖИВОПИСЕЦ

— Клоун! Клоунада! Это ведь, занятие очень древнее, есть даже термин, и в переводе звучит так — «Homo Ludens» — «Человек Играющий!» — сказал мне при встрече Андрей Викторович Климак, пока я оглядывал его «однушку» на одиннадцатом этаже, где мы договорились с ним встретиться.

— С латыни... верно? — уточнил я.

— Да-да... это с латинского ... А я вот на всю жизнь запомнил слова из книги культуролога и историка, голландца Йохана Хейзинга, которую он так и назвал — «Человек Играющий»: «Есть одна старая мысль, свидетельствующая, что, если продумать до конца все, что мы знаем о человеческом поведении, оно покажется нам всего лишь игрою»... Здорово, правда?! Игра органична для человека издревле, как воздух, и она понятна абсолютно всем... на всей планете... Это азарт и бесшабашность, круговерть балагана, как и самой жизни — безудержная радость и яркие жизнеутверждающие краски!

— А живопись?

— Живопись — это серьезно... это сосредоточенная внимательность, и аскеза во всем... даже в бытии самого художника... Не зря же иконописцы «держали» по несколько недель «крутой» пост, перед тем как начать писать образ Святого...

— Как это все началось, — спросил я Андрея, — и главное — как сосуществуют в тебе балаганное озорство и углубленная отрешенность? Что первым проклюнулось — страсть к игре или интерес к краскам? Как

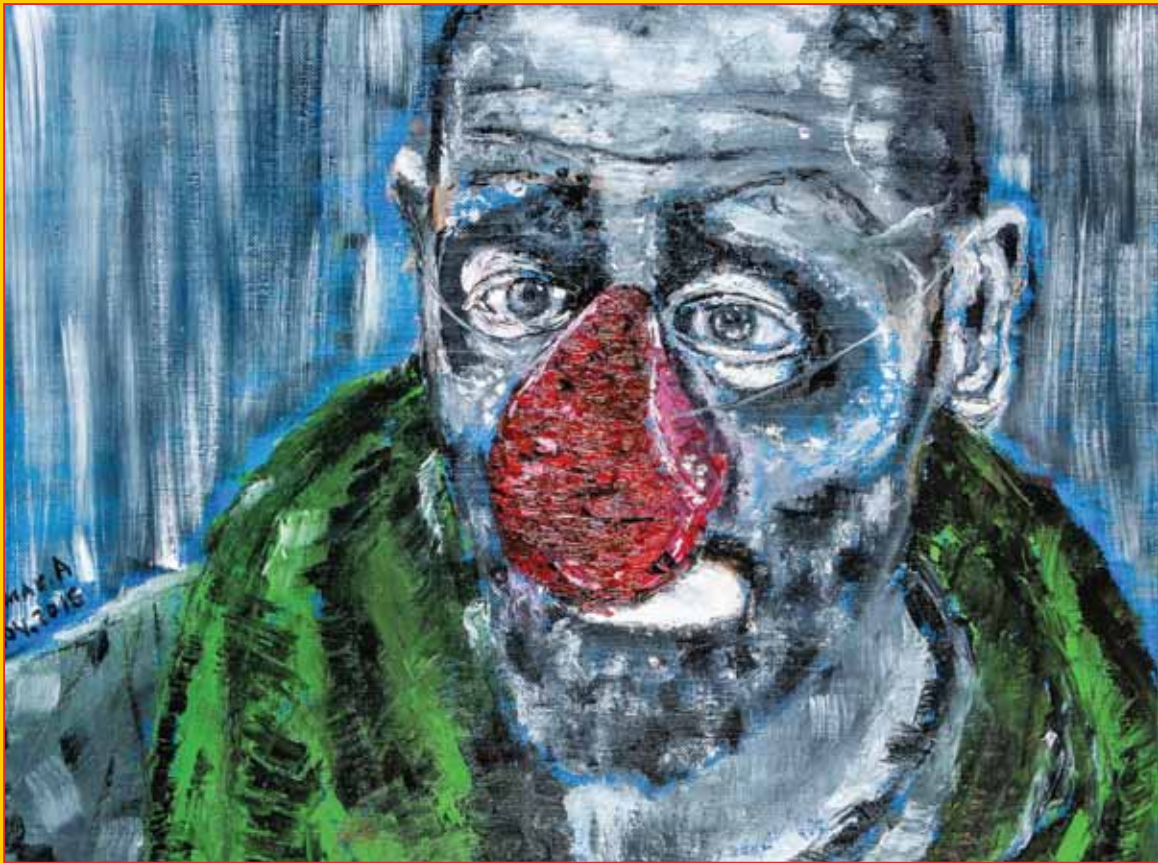
произошло такое парадоксальное совмещение не совместимого?..

— Да очень просто — пошел в Арт-салон и закупил краски. Ну и другие принадлежности для художника. Но до этого очень долго не решался... Совершенно не понимал, как смогу преодолеть страх... перед полной свободой, перед белым холстом. Это же подобно шагу в бездну полной непредсказуемости! Это как полет в космос — в беспредельное пространство, такое манящее и такое пугающее...

А в салоне на меня глазели, как на чудика... Дело в том, что я брал тюбики красок не по названиям — честно говоря, и не знал их, кое-какие только. Я открывал колпачки с тюбиков и подолгу разглядывал каждый цвет. Нравился — брал, а нет — возвращал изумленной девушке-продавцу. Накупил красочек, пришел домой и принялся малевать по белому грунтованному холсту...

— И что стал писать?

— Да свой автопортрет... в духе импрессионистов. Они больше всего завораживали мое внимание. Необычная цветистость, световые эффекты и сила жизни, что ли, наполняла их работы. Глядя на них, я загорался, вдохновлялся, очень хотелось попробовать самому... Наконец решился, купил краски, и... началось! Так мой «роман» с живописью продолжается уже много лет. Вон сколько успел сделать, — показал Андрей на холсты, висящие на стенах, стоящие вдоль них, стопами сложенные на диванах... — Осуще-

«Грустный клоун»

ствилась все же моя еще детская потаенная мечта — стать художником и... рисовать, что хочу и как хочу! Мечта шалопаая-пацана... Правда, до настоящего художника дорога оказалась очень и очень долгой и — непредсказуемой... — Он вдруг оживился и, улыбнувшись, продолжил: — Ах, какие сладостные мечты были в моем радостном босоногом детстве! В кого только меня не обращала неумная фантазия — то в героя-космонавта Гагарина, то в знаменитого артиста, то в главного форварда сборной СССР по футболу — легендарную «девятку» Виктора Понедельника... А вот в клоу-

ны — даже не мечталось. Я, конечно, как и все мои дружки, заходился от хохота, когда по телевизору смотрел передачи о цирке. Карандаш и Никулин были неотразимы, но себя на их место я никогда не пытался поставить, не хотелось как-то...

«Артистом» несколько раз выступал в школьных спектаклях, но... роли давали дурацкие: то медведя, то деревенского мужика, а однажды даже «семафор» изображал.

Ну как прославишься в таких ролях?

А мне хотелось широкой известности — чтоб не только в школе дружки хихикали и иронизировали

*«Городской
трамвай»*

Справа:
*«Мельница
судьбы»*

вслед, а чтоб весь поселок узнавал меня, и даже в соседнем селе... Я ведь родился на юге Украины, есть такой город — Каховка. Рос под жарким солнцем на днепровских просторах, как и все пацаны тех лет, нелегких, послевоенных... После школы пошел в ПТУ, но успел проучиться только год, так как меня призвали в армию. После демобили-

зации случайно познакомился с театрално-цирковой командой ребят-артистов, примкнул к ним и тоже увлеченно, даже фанатично стал заниматься этим мучительно трудным делом... Как-то удалось все преодолеть, и вот я — клоун! Да-да, самый настоящий клоун. А поскольку мы много гастролируем, умудряюсь еще и этюды писать с натуры в тех стра-

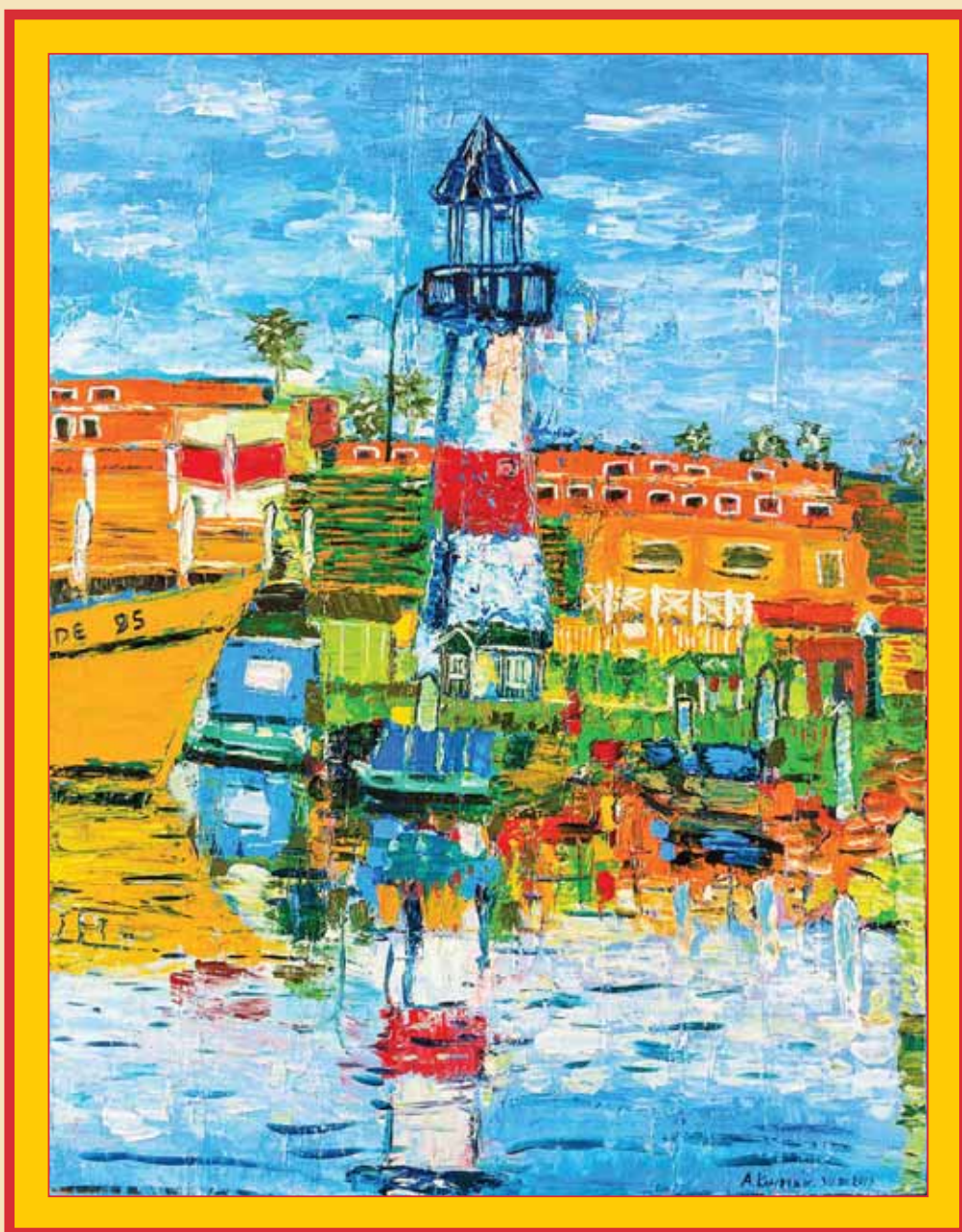
нах и городах, куда забрасывает бродячая судьба. И вот теперь жизнь моя очень похожа на настоящий балаган...

Андрей помолчал немного, а потом стал показывать свои работы, в первую очередь, автопортрет, над которым в данный момент работал. На красном фоне киновари были прорисованы ультрамарином и черной костью абрисы лица клоуна с шаром-носом и улыбкой почти до ушей. Узнать в этом фейерверке озорства Андрея не представлялось возможным, как, впрочем, и в реалиях узнать в гриме клоуна. Но этот чудной портрет излучал такие

амплитуды радостного веселья, что сразу «прихватывал» зрителя.

За этим последовали небольшого формата картоны с наклеенным на них холстом. На первом был написан маслом белый маяк среди серой мглы... а на других — вариации на ту же тему, только иные цветовые и композиционные решения. Но было ясно — это цикл живописных этюдов на тему маяка, который нужно всегда видеть, чтобы не сбиться с пути...

Андрей, как гостеприимный хозяин, пригласил меня в маленькую кухню, и пока мы пили свежезаваренный пахучий чай, он вдруг заговорил о... трамваях.

— Я очень люблю трамваи... ну и, конечно, их перезвоны, их мерное движение и вообще, их вагонную конструкцию — как дело рук человеческих. Я их в своем безудержном воображении иногда очеловечиваю и даже называю по придуманным именам. Такое чудачество случилось со мной очень давно. Сразу, как только приехал из села в город, был и ошарашен, и очарован одновре-

менно трамвайчиком, который показался мне молчаливым трудягой, как лошадка Анфиска, что была у моего дедуни. Сам вид трамвая, с его перезвонами, интересной и такой простой конструкцией, яркой и зачаровывающей покраской, — все это будоражило меня и вызывало необъяснимые восторг и радость. Я стал доставать книги о трамваях и вообще, обо всем, что их каса-

Слева:
*«Маяк
в голубом
отражении»*

*«Автопортрет
с красным носом»*

лось... Узнал, что в Москве они появились только в 1899 году, придя на смену конкам. Самый первый маршрут трамвая был проложен от Бутырской заставы до Петровского парка, а сегодня трамвайные пути протянулись по Москве больше чем на четыреста километров...

Андрей позвал меня в комнату, и, когда убрал завал подрамников и холстов, я замер — на стене был прикреплен кнопками белый холст, и на нем уже ярко прописан во всю ширь формата бегущий трамвай эпохи Советского Союза! Он показал на этот холст и с легкой горечью

заметил, мол, нет места, чтобы развернуть его во всю ширь, разве что на полу, но тогда придется уходить спать к друзьям. И еще долго и красочно рассказывал о давно задуманной выставке, посвященной обычному и такому художественно-красочному объекту — трамваю! И что задумана она давным-давно, в далекой юности, когда живопись только начинала «брать в плен» его горячий и страстный дух истинного южанина...

Рассказывал о поездках, бродячей жизни циркового артиста и о том, что все больше душой привязывает-

ся к искусству живописи и графики, хотя ею почему-то занимается мало: краски захватывают целиком, и на графику просто не хватает сил... Порой во много раз трудней написать этюд, признался Андрей, чем отыграть многочасовое шоу. Потому что здесь участвуют не физические силы (хотя и их тратится достаточно), а духовные, и порой кажется, что сознание накаляется.... как электропечь...

А потом вдруг заговорил об одиночестве... О том одиночестве, на которое обречены все творцы вообще (ведь процесс создания картины — процесс уединенный, всегда спрятанный от суеты суматошных будней). Это одиночество, словно застывшая музыка, окутывает художника и погружает его в глубочайшую сосредоточенность, а порой даже в отрешенность...

Хочу сказать, что талантливый человек талантлив во всем. Андрей Климак не только клоун, художник, а еще и поэт, и композитор — он сам пишет музыку на свои стихи.

*У неба серый белый синий
Сметает ветер Ноябрь
Остаток пыли свежий иней
Моя седая борода*

— Я никогда не пишу их специально, — улыбаясь, проговорил Андрей. — Когда пишу этюд или картину, слова сами появляются, сначала, правда, звучат как неясный еще напев, а потом складываются в свой ритм, сами komponуются в строки, и я только записываю.

*Ты написала — жду, и троеточие.
Ложилась спать уставшая звезда.
Я тоже лег, но сердце билось,
И я не смог закрыть глаза.*

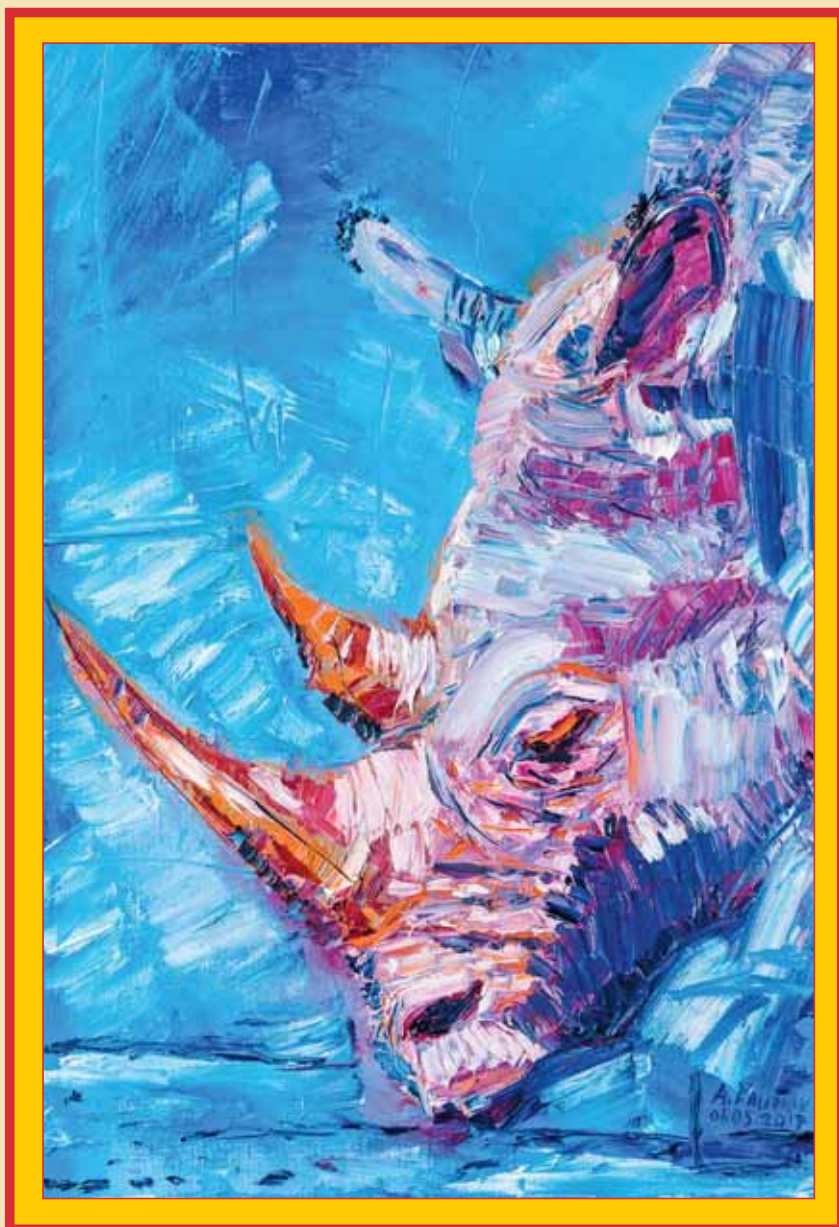
Думаю, здесь я тоже проявляюсь как импрессионист, потому что многие не понимают этих вспышек красок и парадоксальных смыслов, не воспринимают это как полноценную поэзию... Хотя поэзия — это эмоции, о которых Гете сказал: «Чувство — это все!»

Меня поразила необычайная собранность Андрея, его ровное спокойствие. Он внимательно выслушивал меня, а когда отвечал — его ответы были удивительно точны и взвешены. Знал силу слова! Это так притягивало, что хотелось слушать его еще и еще...

О своей работе клоуном он рассказывал неохотно, и только о том, где выступал и где еще предстоит. И я подумал: «А почему, собственно, он должен почти незнакомому человеку исповедоваться о своей профессии? Нет, не должен!»

Общение наше все больше принимало форму молчаливого размышления. Разговор об искусстве уводил в необъятные глубины вопросов, на которые ни у кого из нас не было ответов...

О жизни человека, о судьбе в этом краткосрочном мгновении бытия, и, конечно, о силе и магии искусства, которое идет с художником рука об руку, и, сколько усилий он ни прилагает, чтобы создать что-то абсолютно совершенное, — уже в следующий миг этот эфемерный образ ста-

«Носорог»

новится прошлым и не вполне совершенным!

Я мысленно подводил итог нашего разговора с этим удивительным человеком, одаренным яркими талантами. При всей духовной сосредоточенности и легкой задумчивости, в нем все время прорывается парадоксальная энергия безудержной веселости настоящего клоуна, того самого «Человека Играющего», о котором говорил голландский историк.

А Андрей подошел к окну и, глядя на покрытую предвечерней мглой панораму Москвы, окрашенную закатным солнечным светом, тихо произнес, обращаясь вовсе не ко мне, а к кому-то неведомому, кто, наверное, единственный знал верный ответ на волновавшие нас вопросы:

— А может, прав был пророк, сказавший: «Живи в этом мире как странник...как чужестранец...»? □

Ирина Опимах

МНЕСЧАСТНАЯ СУДЬБА Магдалены Вентуры

«Портрет бородатой женщины»
Хосе Рибера

Сегодня все знают, что Неаполь — итальянский город, однако в XVII веке он принадлежал Испании, и правили там наместники испанской короны, представители славного рода Габсбургов. Но Рим, Венеция и Флоренция были очень близко, а потому в Неаполь часто приезжали итальянские купцы, литераторы и художники, у которых, по тем или иным причинам, не складывались дела в Италии или возникали проблемы с итальянскими законами.

В 1616 году в этот город приехал и молодой — ему было всего 24 года — художник, испанец Хосе Рибера. Он родился в маленьком городке Хатива недалеко от Валенсии, прошел школу одного из лучших живописцев того времени каталонца Франсиско Рибальты. В мастерской Рибальты со-

бирались умные, образованные люди, прекрасно знавшие литературу, историю, искусство. Конечно же, они много говорили об Италии, об итальянских художниках и скульпторах. Юному Рибере страстно захотелось повидать эту страну, где рождается великое искусство, где живут и творят замечательные художники, где до сих пор находят гениальные создания античных мастеров, и он отправился в Италию.

Маленький, худой испанец Спальетто — так его прозвали за щедрость итальянцы — был согласен на любую работу, но ему удалось получать только совсем не-

Хосе Рибера.
*«Портрет Магдалены
Вентуры с мужем и сыном»*

большие заказы, и получал он за них гроши, которые уходили на жилье и еду. Отчаявшись найти достойный заработок в Риме и в других круп-

«Мученичество святого Филиппа»

ных центрах Италии, Хосе решил попытать счастья в Неаполе.

Этот итальянский город одновременно и испанский — в то время он находился под властью испанского короля. Испанцы завоевали Неаполь еще в 1503 году, и по мирному договору, заключенному в Като-Камбрези в 1559-м, после шести-десяти пяти лет кровопролитных Итальянских войн, которые вели между собой Франция и Испания, Испании окончательно отошли Миланское гер-

цогство, Сицилия, Сардиния и Неаполитанское королевство. Правил в Неаполе вице-король, которого назначали мадридские власти.

Приехав в этот испанско-итальянский город, Рибера снял маленькую каморку (только вот на такое жилье у него и хватило денег) и на балконе выставил свою картину «Мученичество апостола Варфоломея» — местная публика должна была сразу оценить, какой выдающийся мастер почтил своим присутстви-

ем их город! И действительно, неаполитанцы заметили картину, более того, о ней рассказали самому герцогу Педро Хирону д'Осуна, вице-королю, тогдашнему правителю этого южного города. А когда выяснилось, что талантливый художник, ко всему прочему, еще и испанец, герцог тут же решил сделать его своим придворным живописцем. Удача явно улыбнулась Хосе — ему предоставили апартаменты во дворце, выплачивали весьма неплохое жалованье, а потом, скопив деньги, он смог даже купить себе дом.

В 1629 году пост неаполитанского короля занял Фернандо Афан де Рибера Теллес-Хирон, 3-й герцог Алькала. Этот герцог был большой ценитель искусства, он покровительствовал художникам, покупал картины для своей галереи, собирал книги и даже коллекционировал научные приборы. Алькала обожал всякие диковинки, а потому в его коллекции было несколько портретов карликов и гигантов, и также изображения других феноменов природы, например, трехрогого быка.

Однажды герцог был в итальянском городе Аbruцци, и там, зная, что сиятельный гость любит всякие чудеса и редкости, ему показали местную «достопримечательность» — бородатую женщину, 52-летнюю Магдалену Вентуру. Она жила не одна — у нее был муж Феличе де Амичи и трое уже вполне взрослых сыновей. Облик Магдалены — ее густая борода, низкий голос, залысины, какие бывают у уже немолодых муж-

чин — так поразил герцога, что он привез это странное семейство в Неаполь и поселил у себя во дворце.

Надо сказать, что в те времена при дворах европейских монархов, а особенно Габсбургов, весьма привлекали всяческих уродцев — горбунов, карликов, калек и юродивых. К примеру, при дворе Филиппа IV таких несчастных было около 100 человек! Они развлекали своих венценосных хозяев, смешили, иногда говорили им в лицо не всегда приятную правду, а порой и занимали довольно важные должности.

Веласкес оставил нам целую галерею таких уродцев и шутов, живших при дворе испанского короля. Но Веласкес не смеется над ними, не унижает — он пишет глубокие психологические портреты, рассказывает о нелегкой жизни своих героев, он сочувствует им, болеет за них, видит в них не игрушки для монарших забав, а просто очень несчастных людей, страдающих от несправедливости судьбы.

Магдалена Вентура произвела большое впечатление на обитателей дворца неаполитанского правителя. Кто знал, что придет в голову герцогу? А вдруг он отдаст ей и ее мужу какие-нибудь важные должности? Но этого не случилось. Герцог просто решил получить портрет этой пары — он привел их в мастерскую Рибера и заказал большую картину.

Рибера тоже был впечатлен видом этих весьма необычных супругов. Во время долгих часов позиро-

*«Мистическое
обручение
святой
Екатерины
Александ-
рийской»*

Справа:

*«Причастие
святых
апостолов»*

вания (художник работал над картиной около трех лет) они рассказали художнику, что с ними случилось. Оказалось, все у них шло до некоторых пор нормально, как у всех, но в 37 лет, уже родив трех сыновей, Магдалена стала приобретать мужские черты — у нее появилась борода, и весь ее облик стал меняться. Но муж Магдалену не бросил — он оставался верен ей и помогал, как мог, переносить эти странные мета-

морфозы, приняв их как божье испытание.

Что же случилось с Магадленой? Какое заболевание привело к таким последствиям? Конечно, сегодня, глядя на картину Риберы, трудно поставить точный диагноз. Оволосение и проявление других мужских черт могло быть вызвано увеличением мужских гормонов, связанным с эндокринным заболеванием, андроген — продуцирующей опухо-

лью, врожденной гиперплазией надпочечников и влиянием других самых разных факторов. Но то, что с ней произошло, не убило Магдалену. Она продолжала заботиться о детях и муже, продолжала свою женскую жизнь. И в этом ей помогал муж.

А потом все вдруг изменилось. Они были вынуждены уехать из своего Аbruццо и существовать в герцогском дворце, подобно зверям в зоо-

парке, которых показывают гостям. Как оставаться человеком, когда тебя воспринимают как забавную редкость, как экспонат в музее?

Рибера был потрясен их судьбой, мужеством и каким-то гордым смирением этих людей. И все это видно в его картине.

Донну Магдалену он поставил в центр. Ее грудь обнажена, она готова покормить младенца, которого держит на руках. За ее спиной стоит

*«Преображе-
ние Марии
Магдалины»*

сеньор Феличе, муж. Он уже очень не молод, на его лице — печаль и готовность терпеть все, что пошлет ему Господь.

Когда Рибера писал картину, Магдалене уже было 52 года, и, как полагают многие врачи-эндокринологи, у нее уже не могли рождаться дети, а потому, наверное, ребенок, которого она держит на руках, — не ее. Он тоже некий символ ее материнской судьбы, как и грудь, на-

писанная, с токи зрения анатомии, неправильно, слишком нарочито. Все это — и грудь, и дитя — говорит о женской сути Магдалены. Как и веретено, ее одежда, обручальное кольцо, головной убор.

А чтобы зрители понимали, что изображено на полотне, Рибера сопровождал картину подробной подписью.

Она была сделана на латыни, а в переводе звучит так:

*Портрет
Хосе Рибера*

«Великое чудо природы Магдалена Вентура из города Аккумоли у самнитов, в просторечии г. Абруцци, в королевстве Неаполитанском, в возрасте 52 лет. И примечательно, что в 37 лет она начала становиться волосатой и отрастила бороду столь густую и длинную, что скорее такую увидишь на бородатом мужчине, чем на женщине, которая родила перед этим троих детей от своего мужа, Феличе де Амичи, которого вы рядом видите.

Хосе де Рибера, испанец, [орденом] Креста Христова награжденный, второй Апеллес своего времени, нарисовал это с натуры для Фернандо II, 3-го герцога Алькала,

вице-короля Неаполя, 16 февраля года 1631».

Эта надпись вписана в композицию картины, а потому навечно с ней связана — художнику хотелось, чтобы все и всегда могли понимать, что изображено на полотне. При этом он сравнивает себя — без излишней скромности — с легендарным античным художником Апеллесом, а еще с удовольствием отмечает, что он, Рибера, награжден высокой наградой — орденом Креста Христова. Только избранные могли заслужить такую честь — получить орден из рук самого Папы Римского Урбана VIII. Так Ватикан отметил талант испанского художника.

*«Кающаяся
Мария
Магдалина»*

Картина понравилась заказчику. Герцог с удовольствием показывал ее своим гостям. Увидел ее и посол Венецианской республики Маркантонио Падованино. Он писал своим венецианским друзьям: «В комнатах вице-короля был очень знаменитый художник, писавший портрет замужней женщины из Абруццо, родившей много детей, у которой было полностью заросшее лицо с бородой, длиннее, чем в ладонь. Все ее груди волосаты, и Его Превос-

ходительство имел удовольствие продемонстрировать мне ее, как необыкновенную вещь, каковой она действительно и является».

Картина эта заняла достойное место в семейном собрании герцогов Алькала. В 1637 году, после смерти герцога, она покинула Неаполь и поселилась во дворце семейства Алькала в Севилье. Этот дворец прозвали «Дом Пилата» — герцог, однажды посетив Иерусалим, так вдохновился евангельской историей, что, вер-

нувшись домой, построил здание, очень похожее на то, в котором мог жить правитель Иудеи Понтий Пилат. Имущество 3-го герцога Алькала перешло к его племяннице Ане Марии Луисе Энрикез де Рибера, вышедшей замуж за 7-го герцога Мединасели, и «Бородатая женщина» украсила теперь уже коллекцию Мединасели. (Долгие годы эта одна из самых необычных картин Рибера бережно хранилась в коллекции Мединасели.)

В 1808 году в Испанию пришла наполеоновская армия. Во времена наполеоновских походов все выдающиеся произведения искусства, попадавшие в поле зрения французских экспертов, отправлялись в Париж, где должны были украсить Музей Наполеона. У него были хорошие специалисты, блестяще разбиравшиеся в искусстве и грабившие дворцы и храмы без зазрения совести. Отправили во французскую столицу и картину Рибера. Она вернулась на родину только в 1813 году, после падения наполеоновской империи. До 1829 года творение Рибера хранилось в Королевской академии Сан-Фернандо. Позже оно попало в руки герцогов Лерма и сегодня украшает их собрание («Бородатую женщину» можно увидеть в музее Госпиталя Таверы в Толедо).

Автору этой удивительной картины Хосе де Рибере еще предстояло прожить 15 лет. За это время он создал множество прекрасных полотен. Сегодня они — признанные шедевры, стоят огромные деньги. Художнику довелось узнать, что такое сла-

ва и успех, однако в конце жизни он испытал и забвение, и нищету. В 1644 году Рибера стал чувствовать возраст, начались болезни. А тут еще в 1647-м году в Неаполе разгорелось антииспанское восстание под руководством рыбака Мазаньелло (Томмазо Аньело). Народ восстал против власти Габсбургов, против непосильных налогов и бесправия. Неаполь оказался в руках толпы. Горели дома, всюду лилась кровь. Восставшая чернь с удовольствием грабила дома богатых испанцев. Придворному живописцу, да еще испанцу, Рибере грозила нешуточная опасность. Вместе с семьей он укрылся во дворце вице-короля. Конечно, восстание было подавлено, но все в Неаполе очень изменилось. Заказов становилось все меньше, а главное — у него не было сил работать, как прежде. В 1651 году Рибере пришлось продать дом — денег на его содержание уже не хватало. Но художник все-таки продолжал трудиться — искусство всегда помогало ему забыть о несправедливости и несовершенстве мира. Одна из его последних картин — «Кающаяся Мария Магдалина». В заплаканных глазах Марии столько скорби, столько отчаяния...

Умер Хосе Рибера 2 сентября 1652 года, почти нищий, никому, кроме самых близких, не нужный, забытый. Забытый почти на три столетия, и только в XIX веке его заново открыли — как блестящего реалиста, тонкого, глубокого живописца. □

ИВАН ЦВЕТАЕВ

Отец Марины и Музея

*«Цвет Греции и слава Рима, —
Неисчислимы тома!
Здесь — сколько б солнца
не внесли мы, —
Всегда зима.
Последним солнцем розовея,
Распахнутый лежит Платон...
Бюст Аполлона — план Музея —
И все — как сон».*

(М. Цветаева, поэма «Чародей», 1914 г.)

Эти строки — воспоминания Марины Цветаевой о детстве, где неизменно присутствовал тот самый Музей, который в семье всегда — по умолчанию — называли просто Музеем, с большой буквы. Для четверых детей семьи Цветаевых он всегда был «гигантским младшим братом», и даже подарки отец из своих зарубежных поездок распределял так: «Это — тебе, это — Асе, это — Андрею, а это — для Музея».

Сегодня мы знаем «гигантского младшего брата» под названием «Музей изобразительных искусств имени Пушкина», хотя изначально он был посвящен другому человеку, а если уже совсем по чести — должен бы

носить имя своего основателя, человека, который своим вдохновением и настойчивостью заряжал всех, кто так или иначе попадал в орбиту его кипучей деятельности. Человек этот — Иван Владимирович Цветаев.

Так сложилось, что прославить фамилию Цветаевых довелось одной из дочерей Ивана Владимировича — Марине, а его собственное имя теперь известно лишь довольно узкому кругу людей — тем, кто основательно интересуется искусством или развитием музейного дела. В те же времена, когда до «поэта Марины Цветаевой» было еще далеко, был гораздо больше известен ее отец, совершенно удивительный человек, достойный того, чтобы о нем, как о Пушкине, чье имя носит сегодня Музей, знал каждый.

О происхождении Ивана Владимировича впоследствии писала Марина: *«Оттуда — из села Талицы, близ города Шуи, наш цветаевский род. Священнический...»* Как и трое братьев, Иван получил духовное образование, окончив сначала училище Шуйского уезда, затем — Владимирскую семинарию.

После этого ему случилось некоторое время быть студентом Медико-хирургической академии, но, разочаровавшись в медицине, он решил посвятить себя гуманитарным наукам и перевелся в Петербургский университет — учиться классической филологии. Окончив университет с золотой медалью, еще два года Цветаев путешествовал по западноевропейским музеям, поражаясь красоте выставленных там произведений искусства.

Поначалу он преподавал греческий язык в одной из петербургских гимназий, затем был приглашен на должность доцента Императорского Варшавского университета по кафедре римской словесности.

Иван Владимирович защитил диссертацию на соискание степени доктора римской словесности по теме «Сборник осских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием», перевел ее на латинский язык и в 1879 году опубликовал перевод, сделав свою работу доступной всем исследователям. Это сочинение обратило на Цветаева внимание европейского ученого мира.

Профессор Туринского университета Ариоданте Фабретти прислал Ивану Владимировичу благодарный отклик на подаренные ему автором два тома «Сборника осских надписей...»: *«Эти исследования, в которые Вы так углубились, — плоды лингвистических изысканий, полученные Вами при горячей поддержке <итальянских коллег>, не могли не обрадовать меня тем, что и среди Ваших соотечественников вырастет, таким образом, понимание важности знакомства с древними говорами Италии. Ответить Вам тысячей благодарностей было бы недостаточно: к ним я добавлю, что считаю драгоценным украшением своей библиотеки два Ваших тома».*

В 1888 году Иван Владимирович отправился в очередную командировку за границу, которая начиналась в Италии с празднования 800-летия Болонского университета. Цветаеву

за его труды было присвоено звание почетного доктора этого университета.

Довольно поздно — уже после тридцати — Иван Владимирович женился. Брак был заключен по большой любви: супругой профессора стала оперная певица Варвара Иловайская. Дочь известного историка Иловайского, по учебникам которого учились целые поколения гимназистов, получила в качестве приданого дом в Трехпрудном переулке в центре Москвы. Именно об этом доме впоследствии Марина Цветаева напишет:

*В переулок сходи Трехпрудный,
В эту душу моей души.*

В этом браке появились дочь Валерия и сын Андрей. Но сразу после рождения сына Иловайская, которой было всего 32 года, умерла, оставив своего мужа в большом горе.

Однако он понимал, что детям нужна мать, и через год женился снова — на Марии Александровне Мейн, которая тоже родила Ивану Владимировичу двоих детей — дочерей Мари-

ну и Анастасию. Супруги прекрасно осознали, что этот брак основан на чем угодно — взаимном уважении, общих идеях и планах, детях, но только не на любви. И хотя Мейн тоже была чрезвычайно творческим человеком, Марина Цветаева всегда называла именно Иловайскую «первой и вечной любовью, вечной тоской отца». Она вспоминала: «Двадцати двух лет мама вышла за папу, с прямой целью заместить мать его осиротевшим детям... Папу она бесконечно любила, но первые два года ужасно мучилась его неугасшей любовью к В.Д. Иловайской».

Иван Владимирович был благодарен второй жене не только за то, что она растила всех четверых детей, но и за то, что она поделила главную мечту его жизни — о создании в России первого публичного музея, где можно было бы увидеть лучшие образцы мирового искусства.

Желание это, разумеется, родилось не на пустом месте. Будучи хранителем кабинета изящных искусств в

Слева:

**Варвара
Иловайская,
первая супруга
Ивана
Цветаева.**

**Мария Мейн —
вторая супруга
(мать Марины
и Анастасии)**

**Иван
Владимирович
Цветаев**

Московском университете, профессор Цветаев видел, как не хватает студентам наглядного материала. Сам Иван Владимирович писал: *«Идея этого музея — дать университету и нашему юношеству новое, идеально изящное учреждение. В этом вся награда, все честолюбие, наивысшее удовольствие».*

Конечно, открыть музей на пустом месте, без финансирования, было невозможно. Государство, в лице императора Николая II, вложило суммой небольшой, да и то после

предложения Цветаева присвоить музею имя отца царствующего монарха — Александра III.

Однако великий князь Сергей Александрович Романов помог с получением места для возведения музея — это был Колымажный двор. Архитектор Роман Клейн разработал проект музея, и строительство началось.

Помогали меценаты, общению с которыми Иван Владимирович посвящал огромное количество времени. В этом искусстве — убеждения, увещевания — он был великолепен!

Строительство музея

Справа: *Царская семья на открытии музея (31 мая) 13 июня 1912 года*

И.В. Цветаев и Ю.С. Нечаев-Мальцев на ступенях музея

К тому же сам факт (пусть и финансово незначительный) участия императорской фамилии в строительстве музея заставлял остальных жертвовать охотнее.

Профессор Московского университета Матвей Любавский вспоминал о Цветаеве: «*Это был прирожденный министр финансов, потому что так искусно добывать деньги из совершенно неожиданных источников, как это Иван Владимирович умел...это никакому графу Витте никогда не удастся*».

Он убеждал distinguished widows to bequeath their collections to the museum rather than to their relatives, who were «*unfailingly promoting*», and he negotiated with collectors to purchase not only for their private collections, but also for the museum, and so on, and so on, and so on...

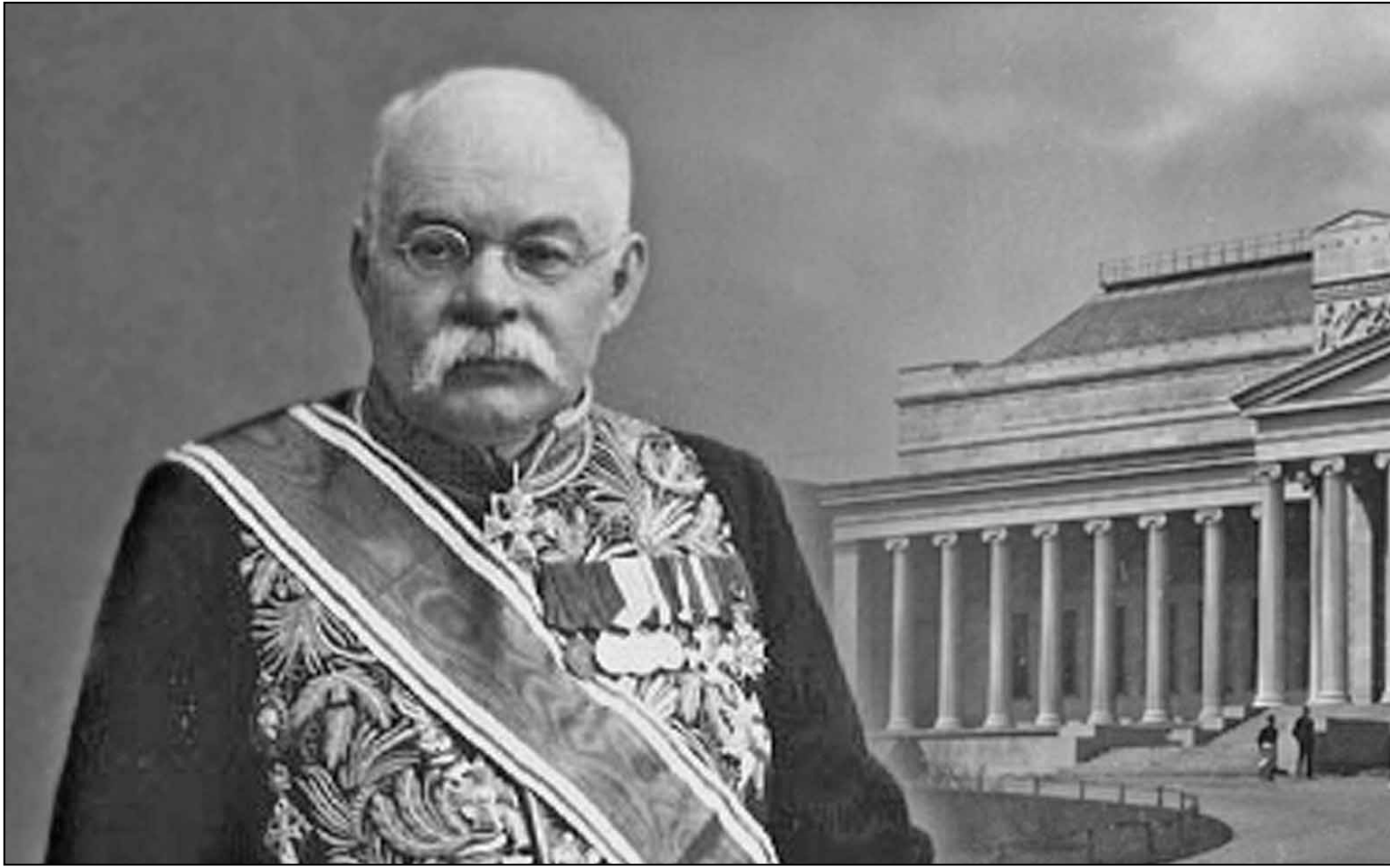
Одним из самых щедрых жертвователей музея стал крупный фабрикант Нечаев-Мальцев — он передал Цветаеву три миллиона рублей на строительство и приобретение экспонатов.

Сам Иван Владимирович тоже немало привозил для своего Музея. Существует даже документально зафиксированный (в воспоминаниях Марины Цветаевой) факт контрабанды: «В эту же весну отец из Германии привез от себя музею — очередной подарок: машинку для стрижки газона. А таможене не платил, ни-ни. Упаковал ее в ящичек, сверху заложил книжками и поставил в ноги. "А что это у вас здесь?" — "Это? Греческие книжки". Ну, видят — профессор, человек пожилой, одет скромно, врать не будет. Что такому и возить, как не греческие книжки! Не парфюмерию же. Так и провез без пошлины. Поми-

луйте! Да на пошлину вторую такую же стрижку купить можно. (Никогда не забуду, как он на самосеянном газоне перед музеем — первый — ревниво, почтительно, старательно и неумело, ее пробовал.) Думаю, что это был единственный за жизнь противозаконный поступок моего отца».

Здание музея было заложено в 1898 году, в присутствии императора. Однако впереди было еще немало трудностей: так, зимой 1904 года в еще строящемся музее случился пожар, и в огне сгорели 175 ящичков с прибывшими из Европы экспонатами.

Семьи Цветаевых не было в этот момент в Москве. Мария Александровна лечилась от туберкулеза во Фрейбурге — вся семья была рядом, — и страшное событие подорвало ее и без того хрупкое здоровье. В 1906 году она умерла в Тарусе, где сегодня находится музей семьи Цве-

таевых. Для Ивана Владимировича это был огромный удар — ведь Мария Александровна была его верным соратником в деле строительства музея. И все-таки от своего дела он не отступался даже в самые трудные дни. После известия о пожаре он всего лишь смиренно произнес: *«Ничего. Даст Бог. Как-нибудь...»*

И, конечно, у него все получилось. Открыли Музей изящных искусств имени императора Александра III (первоначальное название) в 1912 году, теплым майским утром. На открытии присутствовала императорская семья, в том числе и дети.

Анастасия Цветаева вспоминала впоследствии: *«И было тихое торжество радости: не папе дарят что-то сейчас сильные мира сего, а он да-*

рит всем, кто сейчас здесь, всей России — созданный им музей!..»

Он обожал сам водить экскурсантов по музею — причем всех, начиная от мальчишек и девчонок, ровесников своих детей, до самых влиятельных людей России. И словно не чувствовал разницы между ними, вдохновенно рассказывая и тем, и другим об экспонатах.

Накануне открытия, рано утром, за Иваном Владимировичем приехал курьер и срочно попросил быть в музее. Когда он вернулся домой, и домашние стали расспрашивать, в чем было дело, просто ответил: *«Показывал молодой государыне музей. Она, бедняжка, страдает нервами, не выносит скопления людей, вот и решила посмотреть заранее».*

Директором музея Иван Владимирович пробыл всего год — в сентябре 1913 его не стало. Он словно бы завершил дело своей жизни и, убедившись, что все идет, как надо, покинул этот мир.

На фасаде Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве установлены мемориальные доски в честь его создателя и первого директора Ивана Владимировича Цветаева и мецената Нечаева-Мальцева. Юрий Степанович скончался вскоре после Цветаева. В «Воспоминаниях» Анастасии Ивановны Цветаевой есть строки: *«...в сороковой ли день после смерти папы или чуть позже скончался его соратник по Музею изящных искусств имени Александра III — Юрий Степанович Мальцев,*

на средства коего было воздвигнуто здание Музея».

В настоящее время в музее насчитывается около 670 тысяч экспонатов. Здесь проводятся выставки шедевров мировой живописи, музыкальные фестивали, лекции, открытые уроки по искусствоведению, занятия для детей и много других мероприятий. В недалеком будущем ожидается реконструкция музея, которая позволит организовывать множество новых выставок из тех работ, что в данный момент находятся в хранилищах. И, что немало важно — эта идея обновленного музея наиболее полно отвечает всему тому, о чем мечтал и чему посвятил свою жизнь Иван Владимирович Цветаев. □

Розовый телефон

Что такое очередь в поликлинике, знают все.

Около заветной двери кабинета врача пациенты с грустными лицами то и дело бросают взгляды на лампочку над дверным проемом и оживляются, когда она вдруг на секунду вспыхивает. Кто-то поспешно встает со своего места, сжимая в руке пачку разных бумажек, и осторожно стучится в дверь косточками кулачка.

— Входите! Входите! Я же вызвала! — слышится из кабинета ворчливый голос.

— Можно? — Тихонько надавливая плечом, пациент просовывает голову в образовавшуюся щель.

— Можно! Заходите! — И дверь опять надолго закрывается.

Иногда из нее выпархивает медсестра с бумажками в руках и торопливо отделяет ими кого-то из счастливчиков, которому уже не нужно будет сидеть на жестких и холодных железных скамейках, а предстоит бегать с этажа на этаж сдавать анализы, ставить подписи или снова высиживать очереди у других кабинетов.

Чаще всего эти очереди составляют пенсионеры, пожилые женщины в большинстве. Но иногда сидят и мужчины. По их лицам, если приглядеться, можно прочитать их жизнь.

Хмурый, насупленный, глядящий исподлобья, бросающий реплики соседям приказным, не терпящим возражения тоном — явно домашний тиран. Если у него есть дома родственники, им с ним явно не сладко. Если он одет прилично и аккуратно, родственники есть. А если неряшливо и кое-как, то, скорее всего, живет один, или родные не обращают на него внимания, и он ловит возможность самоутвердиться в очереди к врачу.

Есть старички тихие, скромные. По их одежде тоже можно определить, как к нему относятся в семье, и есть ли она у него вообще. Такие молча сидят, устремив взгляд в себя, может быть, в свое прошлое. Кто-то непроизвольно улыбается, кто-то морщится, будто собираясь заплакать.

По внешности женщин о них нельзя сказать почти ничего. Одежда молчащей женщины не может сказать ни о семейном положении, ни о материальном достатке, даже об образованности не скажет. Скажет только о вкусе.

Однажды я определила из разговора двух пожилых женщин, что одна из них работала на заводе инженером, а другая имела на рынке овощной ларек. Обе тетушки были с довольно объемистыми талиями и не очень высокого роста. На бывшей инженерше были цветные обтягивающие брюки, которые еле удерживали свисающий «фартуком» толстый живот, и блузка в горизонтально расположенную разноцветную полоску. Портрет завершали торчком стоявшие налакированные волосы темно-вишневого цвета и черные, нарисованные дугой брови. Смотреть на нее было смешно и противно.

На продавщице овощей была длинная темная юбка, под которой не видно было ни ее живота, ни ее толстых ног. Поверх однотонной блузки с небольшим вырезом был надет неширокий кардиган почти до колен, застегнутый на три пуговики. Волосы естественного русого цвета (крашеные, конечно), были уложены в круглую гладкую прическу.

На ней хотелось задержать взгляд и посмотреть ей в лицо.

Очевидно, они были когда-то соседками, и разговор сводился к обмену сведениями о бывших знакомых: кто где работал, кто на ком женился, у кого какие дети и сколько внуков. Чисто бабий пустейший разговор. Невольных слушателей он раздражает, и все вздохнули с облегчением, когда одна из собеседниц, увидев моргнувшую над дверью кабинета лампочку, стукнула кулачком над ручкой замка и юркнула в тесноту вожделенного помещения. В закутке около кабинета воцарилась долгожданная тишина.

Скорее хотелось выбросить из головы тот мусор, который ненароком туда попал: и информация о знакомых этих женщин, и ненужные сведения об их работах, и внешний вид самих этих пожилых тараторок — все выбросить и забыть. Так все обыденно, скучно, стандартно, неинтересно. И только оставалось сожаление, что не получилось отвлечься от этой

раздражающей болтовни, назойливо вползающей в уши и не дающей мысленно сосредоточиться на чем-нибудь более для меня важном.

Всем, кто хоть раз сидел в поликлинике в очереди к врачу вместе с пенсионерами, это чувство хорошо знакомо. Как правило. Но, оказывается, из этого правила бывают исключения. Правда, очень редкие.

Кабинет терапевта, к которому я заняла очередь, находился в начале широкого коридора в небольшом закутке с окном, заставленным ухоженными цветами в горшках. Вдоль стен стояли три бежевых глубоких кожаных кресла и две коричневые скамейки с железными сиденьями в мелких ажурных дырочках.

Как только я вошла, над дверью в кабинет замигала лампочка, и сухонькая старушка в широких кроссовках торопливо вылезла из недр низкого кресла и засеменила к долгожданной двери.

Я с удовольствием заняла ее место. Теплое, глубокое и удобное, оно расслабляло и располагало к созерцанию и осмыслению окружающей действительности. А эта действительность состояла из молодого парня в наушниках, со светящимся экраном какого-то телефона в руках, и молодой беременной женщины. Она закрыла глаза и, судя по всему, ей было нехорошо. Оба сидели на железных скамейках.

В одном из кожаных кресел у стены сидел ухоженный старичок, опершись руками на выдавшую виды палку с костяным набалдашником.

В другом кожаном кресле, закрыв глаза, отдыхала ладненькая седая старушка в строгом сиреневом брючном костюме с замысловато завязанным вокруг шеи пестрым шарфом.

Шарф был в каких-то бордово-фиолетовых, сиреневых и бело-розовых штрихах, — сразу вспомнилась картина Врубеля «Сирень».

На ногах у дамы были тонкой кожи белые туфли на невысоком каблучке, а в руках небольшая белая дамская сумочка, достаточно вместительная, чтобы туда можно было положить косметичку, пакет с лекарствами и толстую, обычную у женщин в этом возрасте, медицинскую карту. В послевоенные годы моего детства людей с такими лицами называли «из бывших» или «из благородных». Сейчас их не осталось совсем. Но иногда встречаются лица, отмеченные следами настоящего счастливого детства. С хорошим здоровьем, хорошими мозгами и одухотворенным взглядом. Эта старушка, которую больше хотелось назвать пожилой дамой, и была именно из таких, когда-то правильно воспитанных детей.

Она неподвижно сидела в своем кресле и о чем-то думала.

Дверь терапевта открылась без лампочки. Оттуда вышла пожилая медсестра и окинула взглядом очередь.

— Кузнецова! — обратилась она к даме в сиреновом костюме. Та встала из кресла, и все увидели стройную ровную спину и молодую фигуру. На солидный возраст указывало только лицо с морщинками у еле заметно подведенных глаз и белоснежная седина, очевидно, сохраняемая специально и принципиально.

— Карточка ваша у вас с собой?— обратилась медсестра к Кузнецовой. Та молча подала ей карту.

— Вы посидите немного, главврача все равно еще нет, а когда он придет, я сбегаю и все направления вам подпишу. Хорошо? Потерпите еще, пожалуйста! — И она вернулась в кабинет.

В очереди все молчали, занятые своими мыслями. Я тоже о чем-то задумалась.

А дама в сиреновом достала из сумочки свой телефон розового цвета и стала нажимать на кнопки тонкими пальчиками, покрытыми неярким лаком.

Мелодичный, но уже со старческой хрипотцой голос зазвучал в тишине каменных стен.

— Виталик! Почему ты не звонишь? — сказала она и сделала паузу, выслушивая ответ.

«Опять слушать болтовню!» — поморщилась я от досады. Но было очень тихо, и голос дамы был слышен ясно и четко, несмотря на то, что она старалась говорить, приглушая звук.

— Ну? И где ты сейчас? Почему ты у меня не спросил? — вопрошала она через паузы ответов на том конце связи.

— О, Господи! А ты читал Эйзенштейна? Я же тебе давала книжку!

В разговорах в поликлиниках это было что-то новое. Я прислушалась.

— Что? Художественный монтаж? Так именно у Эйзенштейна все о нем написано. Плохо читал, если не понял. Ну, как я тебе в двух словах объясню?

Беременная женщина открыла глаза и с интересом посмотрела на даму в сиреновом костюме. Парень, не меняя выражения лица, вынул наушники и зажал их в кулаке. Дедушка с палочкой метнул в сторону дамы беглый взгляд из-под опущенных век, но позы не поменял.

Между тем, дама продолжала:

— Ну, ладно. Правда, я сижу в поликлинике, и сидеть мне еще долго, судя по всему. У тебя много времени? Постараюсь уложиться. Что делать! Пишешь? Ну, пиши. Итак... — Она чуть усилила голос и стала говорить медленнее и отчетливее: — Определение художественного монтажа, в отличие от нехудожественного, можно свести к простой формуле «один плюс один равняется три». Что это значит? Например, у тебя есть пленка,

на которой снята птичка. Ну, воробей, к примеру. Он летал, а потом сел на ветку. У тебя в руках эта пленка, на монтажном столе. Электронный монтаж — это только техника другая, а так все одно и то же. Не отвлекайся! Так вот. У тебя пленка в руке. В левой, да! Последний кадр на ней — птичка на ветке. А в правой руке у тебя пленка, где снята гуляющая кошка. Она идет по травке, потом ложится на спину, потом садится и смотрит вверх. В левой руке у тебя «один» и в правой руке «один». Имеется в виду кадр. И когда ты их склеиваешь на монтажном столе, то возникает нечто третье. Что? Правильно! Возникает твое чувство. Да. Страх, опасение, что птичке грозит опасность.

А вот теперь смотри. Если ты отрежешь пленку на том месте, где кошка гуляет по траве, то у тебя только возникнет мысль, что птичке может грозить опасность. Так? Но если ты отрежешь пленку на том месте, где кошка кверху пузом лежит, что у тебя возникнет? Возможно, она равнодушна к птичке. Может быть, делает вид, что равнодушна, а сама решила ее сцапать. Чтобы точно ответить на этот вопрос, нужно режиссеру монтировать дальше. А третий вариант, где кошка смотрит вверх, абсолютно конкретен. Кошка увидела птичку и захотела ее сцапать. Без вариантов. Удастся ей это или нет — другой вопрос. Зависит это от дальнейшего монтажа, то есть от желания режиссера, что он хочет дальше сказать. Понял, почему здесь такая арифметика? Цель художественного монтажа — вызвать чувство или мысль, или то и другое, что хочет режиссер. Нехудожественный? У него своя формула «один плюс один равно нулю».

Это, к примеру, если ты возьмешь ту же птичку на ветке и склеишь с кадром, где снят, например, утюг, включенный в розетку. Какая мысль возникает? Трудно. Если не невозможно совсем. Я не могу даже придумать ничего. И не сходу тоже не могу! Вот откуда и «ноль». Понял теперь? А это немножко другое, но, в общем-то, то же самое. Один человек идет в кадре слева направо, а другой — справа налево. Правильно! Навстречу друг другу, и скоро должны встретиться. Понятно хоть немножко? Ну, слава богу! Ты мне позвони потом, хорошо? Ладно, не за что! Маме привет передавай! Целую!

Не успела она договорить последних слов, как дверь в кабинет отворилась, и оттуда появилась медсестра с пачкой бумажек в руке.

— Кузнецова, а где ваше направление?

— Сейчас. Вот оно! — дама в сиреновом протянула медсестре листок, предварительно основательно порывшись в своей сумке.

— Главврач пришел. Вы ждите меня здесь. Я быстренько! — ласково проговорила медсестра и исчезла в конце коридора.

Из открывшейся двери терапевта, щуря подслеповатые глаза, просеменяла старушка в кроссовках. Но никто из очереди, кажется, ее не за-

метил. У всех на лицах было написано любопытство, кто же она такая, эта дама в сиреновом? Дедушка с палочкой искоса поглядывал на нее, стараясь не поворачивать головы. Парень с наушниками в кулаке рассматривал ее в упор, благо она снова опустилась в кресло и закрыла глаза. Беременная женщина смотрела на нее широко раскрытыми глазами, будто увидела какое-то чудо. Я тоже не отрывала взгляда от ее лица, пыталась угадать ее профессию и хоть что-нибудь, говорящее о ее жизни.

Между тем очень скоро вернулась медсестра с пачкой бумажек и стала объяснять даме, куда и во сколько ей надо прийти. Поблагодарив медсестру, та вышла в пустой коридор, на ходу засовывая в сумку ровно сложенную стопочку бумажек, а медсестра шагнула в кабинет.

Не прошло и минуты, как мне почему-то захотелось встать. Очевидно, затекшие ноги требовали движения. Я поднялась и увидела в кресле, где только что сидела дама в сиреновом, розовое пятно телефона. Наверное, он выпал из сумки, когда она там что-то искала.

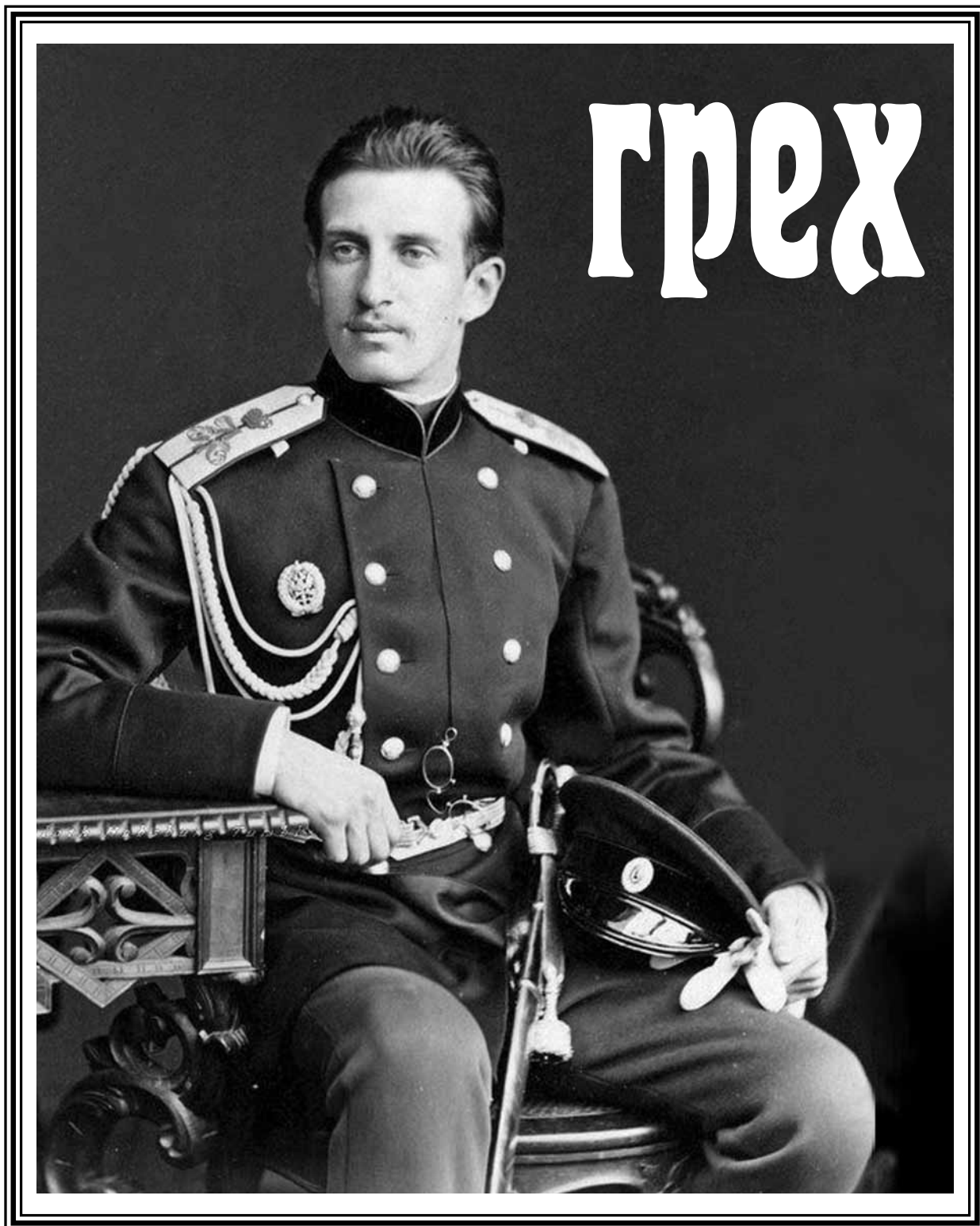
— Господи! Она телефон забыла! — Я схватила розовый телефон и бросилась в коридор, чтобы догнать его хозяйку. Но, почувствовав в руке какую-то странную легкость, остановилась. У меня в ладонях сама собой раскрылась пустая розовая коробочка с нарисованными на крышке кнопками. Точно такая же, как у моей внучки. Игрушка.

Я не стала догонять даму, хотя в конце коридора еще мелькала ее ровная спина с высоко поднятой головой. Мне сразу стала видна и ее яркая богемная молодость, и ее никем сейчас уже не востребованная образованность, и нынешняя отчаянно одинокая старость.

Не стала я отнимать у дамы в сиреновом радость от успеха этого странного спектакля. Самое главное, что никто из зрителей, присутствовавших на нем, не смог бы сказать, как когда-то говорил Станиславский: «Не верю!» □

Денис Логинов

Непростительный

В семье Романовых, которая к 1917 году насчитывала почти семьдесят человек, был человек, о котором родственники никогда не говорили: ни с другими, ни даже в своем кругу. И если подумать, были совершенно правы: человек этот совершил такой грех, который и простому обывателю не прощается, а уж особе царской крови... Но обо всем по порядку.

Рожденный в семье Константина Николаевича, великого князя, который был вторым сыном Николая I и двоюродным братом императора Александра II, Николая, так его называли близкие, был той самой «паршивой овцой», которая, правда, не слишком испортила все стадо, но нанесла семейной гордости сокрушительный удар, впрочем, оставшийся неизвестным российскому обществу. Грех, совершенный одним из членов царской семьи, был настолько велик, что его скрывали более чем тщательно.

А ведь, как говорится, «ничего не предвещало». Родители его поженились по взаимной страстной любви. С матерью Николая, Александрой, младшей дочерью герцога Саксен-Альтенбургского Иосифа-Фридриха, великий князь Константин Николаевич познакомился, когда приехал в Германию на свадьбу своей сестры Ольги Николаевны с наследным принцем Карлом Вюртембергским.

Константин был сражен наповал и даже написал родителям: «Она — или никто». (Категоричность, весьма характерная для мужчин из семейства Романовых.)

В октябре 1847 года принцесса приехала в Россию, а через несколько месяцев перешла в православие под именем Александры Иосифовны. 11 сентября 1848 состоялась свадьба в Зимнем дворце. Семья жила в Павловске, Стрельне и Мраморном дворце — самых, как бы сейчас сказали, престижных дворцах Санкт-Петербурга.

Александру Иосифовну по праву считали одной из первых придворных красавиц. Огромные голубые глаза, рыже-золотистые волосы, прямой нос и красивый рот — так выглядела молодая великая княгиня. Красота и элегантность девушки произвели сильное впечатление даже на императора Николая I, известного ценителя женской красоты. Он лично благословил молодую чету драгоценной фамильной иконой.

Новая великая княгиня пользовалась большим уважением всех четырех императоров, при которых ей довелось жить в России. В семейном кругу ее называли «тетя Санни». Она много занималась беспризорными детьми и даже учредила Столичный совет детских приютов.

У великокняжеской четы было шестеро детей: четверо сыновей и

две дочери. Младший сын, Вячеслав, скончался в шестнадцать лет от чахотки, средний, Константин, получил широкую известность в литературных кругах России, как поэт, переводчик и драматург, писавший под псевдонимом «К.Р.». Судьба была к нему милосердна: он тихо скончался 2 [15] июня 1915 года, в кабинете Павловского дворца и был отпет в дворцовой церкви. Константин Николаевич был последним из Романовых, умершим до революции и погребенным в великокняжеской усыпальнице Петропавловской крепости.

Единственным человеком в семье, пострадавшим от красного террора, был третий сын Константина Николаевича и Александры Иосифовны — Дмитрий. Он получил очень хорошее образование, прекрасно разбирался в классической лите-

ратуре, принимал участие в домашних спектаклях, брал уроки игры на скрипке.

Дмитрий Константинович никогда не был женат и слыл ярким женоненавистником. Свою нерастрченную любовь великий князь перенес на племянников и племянниц — детей брата Константина. Сначала его готовили к военно-морской карьере, но он страстно любил лошадей и, в конечном итоге, перешел служить в кавалерию.

Великий князь не смог принять участия в войне с Германией из-за близорукости, к 1914 году перешедшей в почти полную слепоту. Проклиная судьбу, Дмитрий Константинович занимался подготовкой кавалерии в тылу, совершенно не замечая происходящих вокруг него перемен. Лошади были нужны любой власти.

Его арестовали и отвезли в Петропавловскую крепость совершенно неожиданно. А в одну из январских ночей 1919 года расстреляли «за принадлежность к семье Романовых» (была такая статья в УК революции). В последние минуты он истово молился, повторяя: «Прости им, Господи, не ведают, что творят...»

Кстати, великий князь Дмитрий был канонизирован Русской Православной церковью за границей в сонме новомучеников российских 1 ноября 1981 года. Раньше, чем его августейший родственник. И в СССР, и в новой России о нем практически ничего не знали.

Слева:

*Александра
Иосифовна,
мать
великого князя
Николая
Константиновича*

*Великий князь
Константин
Николаевич
с сыном
Николаем*

А вот со старшим сыном Николаем великокняжеской чете фатально не повезло. Но подробности этой истории, этой необыкновенной судьбы стали известны много позже, поскольку Романовы хранили абсолютное молчание о темном пятне на своем гербе.

Мраморный дворец в Петербурге, умопомрачительной красоты Павловск — все это принадлежало

родителям одного из самых красивых князей того времени, прекрасному танцору и украшению всех балов, Николаю. Со временем ему предстояло полностью взять бразды правления этим в свои руки — так решил отец, полагая, что его огромного состояния хватит на всех детей, и никто не останется обделенным.

В 1868 году великий князь Николай Константинович поступил в Ака-

демию Генерального штаба, где никаких поблажек в связи с тем, что он был членом императорской семьи, ему отнюдь не давали. Несмотря на это, он окончил Академию в числе лучших выпускников, с серебряной медалью.

Николай поступил на военную службу, в 21 год стал командиром эскадрона лейб-гвардии, ему прочили блистательную карьеру и возлагали на него огромные надежды. Мать уже подбирала ему достойную пару среди самых красивых и знатных европейских принцесс. Готовить его к семейной жизни не было необходимости: романы Николай начал заводить еще в Академии, хотя найти для этого время и возможность было нелегко. Но дамы — самые изысканные — просто вешались ему на шею, а он был слишком хорошо воспитан, чтобы огорчать их отказом.

Беда пришла, откуда не ждали. И источником ее была, конечно же, женщина. Каким образом на один из великосветских балов попала американская танцовщица Фанни Лир — неизвестно. Но на этом балу она познакомилась с красавцем-князем, и, разумеется, начался очередной роман. Американка — это было экзотично и ново для уже пресыщенного аристократа.

К сожалению, женщина погубила его блестящую карьеру. Очередное амурное приключение — так думала о новой связи семья Романовых. Но когда отношения вскоре стали чем-то большим, чем простая лю-

бовная интрижка, все начали серьезно опасаться скандального брака. Тем паче, что отец Николая оставил свою красавицу-жену ради балерины Кузнецовой и открыто жил с ней в специально построенном особняке. Скандал? Нет, обычный для семейства Романовых маленький скандальчик.

И никому в голову не приходило, что еще одна балерина — отнюдь не роковая красавица, да к тому же иностранка низкого происхождения — погубит блестящую карьеру великого князя и в корне изменит его жизнь.

Как спасти сына — было главным вопросом давно не живших уже вместе его родителей. Отправка на войну — лучшее средство для излечения от любовной холеры, решили родственники. Очень кстати подвернулся поход на Хиву, в который молодой полковник Генерального штаба отправился вместе с экспедиционным корпусом в 1873 году, когда ему было 23 года. Фанни осталась в Петербурге и, как надеялись Романовы, в прошлом.

Великий князь Николай Константинович, имевший к тому времени уже звание полковника, в этом походе получил боевое крещение. Во главе авангарда Казалинского отряда, понесшего наибольшие потери, он следовал одним из труднейших маршрутов — через пустыню Кызылкум. Первая же разведгруппа, возглавленная им, попала в такой плотный артиллерийский огонь, что

в отряде их возвращения живыми уже не ждали. В этом походе Николай Константинович проявил личное мужество и являлся примером для других. За участие в Хивинском походе он был награжден орденом Святого Владимира.

После возвращения из Средней Азии, которой Николай был очарован, его всерьез заинтересовала ориенталистика. Он начал принимать участие в работе Русского географического общества: там среди ученых мужей вызревала идея Аму-

Он всерьез подумывал о переезде в Самарканд или Ташкент, но удерживали служба и, конечно же, Фанни, которая вовсе не разделяла увлечение возлюбленного жаркой и странной окраиной империи. А танцовщица по-прежнему царила в сердце князя: военный поход ничего в этом плане не изменил. Вернувшись из Хивинского похода, прежде чем принять участие в научной экспедиции, Николай Константинович отправился отдохнуть в Европу в компании своей возлюбленной.

Мраморный дворец в Петербурге, умопомрачительной красоты Павловск — все это принадлежало родителям одного из самых красивых князей, прекрасному танцору и украшению всех балов великому князю Николаю Константиновичу, которому предстояло со временем полностью взять бразды правления всем этим в свои руки — так решил его отец

дарьинской экспедиции. Ее целью было максимально изучить только что завоеванный Россией край и подвергнуть детальному научному анализу его потенциал.

Подобные планы взбудоражили, захватили блестящего флигель-адъютанта государя. В Географическом обществе были, разумеется, рады августейшему вниманию. Николая Константиновича избрали почетным членом этого общества и назначили начальником экспедиции.

Но весной 1874 года, после возвращения в Россию, случилось событие, которое полностью изменило жизнь великого князя. Хотя он и был безмерно богат, но тратить любые суммы денег не мог себе позволить. На личных расходах в царской семье было принято экономить. Их постоянно не хватало: на содержание Фанни возлюбленный тратил астрономические суммы, буквально осыпая ее дорогими подарками.

Выход из положения князь нашел, можно сказать, нестандартный для члена царской семьи.

В апреле 1874 года его мать — великая княгиня Александра Иосифовна — обнаружила в Мраморном дворце пропажу трех бриллиантов с оклада одной из икон, которой император Николай I благословил ее брак. Великий князь Константин Николаевич, скрепя сердце, обра-

тился в полицию, и вскоре бриллианты были найдены в одном из ломбардов Санкт-Петербурга.

Дальнейшие поиски привели к человеку, заложившему драгоценности — адъютанту великого князя Е.П. Варнаховскому, мнение о виновности которого сохранилось и позже. На допросе 15 апреля он категорически отрицал причастность

к краже и говорил, что лишь отнес в ломбард камни, переданные ему великим князем Николаем Константиновичем.

Николай, присутствовавший на допросе, поклялся на Библии, что не виновен (чем, как говорили, усугубил свой грех). Отцу же он сказал, что готов, выручая своего товарища Варнаховского, взять вину на себя. Император Александр II, взявший

дело под личный контроль, подключил к расследованию шефа корпуса жандармов графа П.А. Шувалова.

Расследование не оставило никаких сомнений в том, что племянник и крестник императора — вор и богохульник. Бриллианты были похищены Николаем Константиновичем, а вырученные деньги должны были пойти на подарки любовнице кня-

Слева:

*Роковая любовь
«ташкентского
изгнанника»
Фанни Лир.
В образе Венеры*

*Великий князь
Николай
Константинович*

зя — американской танцовщице Фанни Лир. А он поклялся именем Господа, что ничего подобного не делал.

На семейном совете — общем собрании членов монаршей семьи — после долгих дебатов (как варианты предлагались: отдать в солдаты, предать публичному суду и сослать на каторгу) было принято решение, наносившее минимальный вред пре-

стижу царской семьи. Решено было признать великого князя Николая душевнобольным, а затем он по указу императора навсегда высылался из столицы империи.

Фанни Лир была выдворена из России, с запрещением когда-либо сюда возвращаться. С великим князем она больше никогда не встречалась, но все дорогие подарки ос-

Та самая драгоценная икона, подаренная императором Николаем I родителям Николая в день бракосочетания, из оклада которой были украдены бриллианты

Справа:
Опальный князь в первые годы своего вынужденного изгнания

тались при ней, что существенно скрасило красавице горечь разлуки. В возможность брака — пусть и морганатического — она всерьез никогда не верила. Правда, и высылки из такой щедрой к ней страны тоже не ожидала.

В Америке Фанни Лир написала о своей «трагической любви» книгу, давала мелодраматические интервью, заработала миллионные суммы слезами и вздохами, но вряд ли в угаре славы вспомнила о человеке, который ради нее лишился доброго имени и человеческого достоинства.

Тайная высочайшая комиссия, во главе с лейб-медиком Двора, опытным врачом-психиатром И.С. Гауровицем, долгое время не решалась вынести окончательного вердикта. События ускорились, лишь когда царю доставили некий текст — не то прошение, не то исповедь, — где, обращаясь к своему дяде-монарху, похититель драгоценностей патетично вопрошал:

«Безумен я или преступник? Если я преступник, то судите и осудите меня, если я безумен, то лечите меня, но только дайте мне луч надежды»

на то, что я снова когда-нибудь увижу жизнь и свободу. То, что вы делаете — жестоко и бесчеловечно!»

И не слова искреннего, человеческого раскаяния, сожаления о содеянном, хотя бы попытки оправдания, пусть и по-мужски сдержанного!

Император был поражен. Он и сам не являлся безгрешным, и сам изведal все слабости страсти: его собственный роман с княжной Екатериной Долгорукой не был секретом для Двора, так что, вполне возможно, в глубине души император мог все понять, смягчить, предать забвению, наконец!

Но наглость и цинизм племянника вывели монарха из себя, и он решил его участь: 11 декабря 1874 года вышел указ Александра II об опеке над имуществом Николая Константиновича.

Ему было объявлено фактически два приговора. Первый — для публики — состоял в признании его безумным. Из чего следовало, что отныне и навсегда он будет находиться под стражей, на принудительном лечении, в полной изоляции.

Смысл второго приговора — семейного — состоял в том, что в бумагах, касающихся Императорского дома, запрещалось упоминать его имя, а принадлежавшее ему наследство передавалось младшим братьям. Он также лишался всех званий и наград, вычеркивался из списков полка, высылался из Петербурга навечно и был обязан жить под арестом в том месте, где ему будет указано.

За любовь к американской прелестнице великий князь заплатил самую высокую цену, какую только можно было вообразить, и в первое время действительно едва не тронулся умом. Он был увезен из Петербурга осенью 1874 года и до приезда в Ташкент летом 1881 года, то есть почти за 7 лет, сменил, по меньшей мере, 10 мест жительства. Ему нигде не давали приобрести хоть какой-нибудь дом и обзавестись связями. Местами ссылки были: Владимирская губерния, Умань, местечко Тывров близ Винницы.

Когда Николай Константинович был отправлен в Оренбург, он предполагал, что там надзор за ним не будет очень строгим, так как там постоянно шли боевые действия.

*Великий князь
Николай Кон-
стантинович
с женой
Надеждой
Дрейер
в Ташкенте*

Справа:
*Дворец
великого князя
в Ташкенте*

Действительно, в Оренбурге местное начальство на многое закрывало глаза. Да и шок от перемен в жизни мало-помалу начал проходить — характер у великого князя был легким.

Именно в Оренбурге в 1877 году 27-летний Николай опубликовал свою работу «Водный путь в Среднюю Азию, указанный Петром Великим», вышедшую без указания имени автора. Здесь ему удалось со-

вершить поездки в глубь казахских степей — верхом, вместе с такими же энтузиастами, он проделал путь от Оренбурга до Перовска.

Он был захвачен идеей постройки железной дороги из России в Туркестан. Посланный в Петербург проект был признан нерентабельным из-за малонаселенности земель, но отказ только подхлестнул проклюнувшиеся у Николая Константиновича способности к предпринимательству.

Великий князь вообще словно начал новую, совершенно другую жизнь, где не было придворных условностей, обязательных служебных дел, официальных пышных балов и приемов. В Оренбурге князь... женился, по-видимому, посчитав, что ко двору ему все пути окончательно перекрыты. Зимой 1878 года он тайно обвенчался с дочерью го-

по-настоящему, к величайшему изумлению своей сиятельной родни.

Он занимался предпринимательством, был владельцем ряда предприятий в Ташкенте: завел мыловаренный завод, фотографические мастерские, бильярдные, продажу кваса, переработку риса, хлопковые мануфактуры, регистрируя, во избежание родственного гнева, все орга-

родского полицмейстера Надеждой Александровной Дрейер, одной из признанных городских красавиц.

Разумеется, распространились слухи, и в Петербург был отправлен соответствующий доклад. К великому изумлению изгоя, император Александр III дозволил узаконить морганатический брак, правда, при этом молодым было предписано отправляться в Туркестанский край, в Ташкент. Там князь и развернулся

низуемые предприятия на имя своей супруги.

На деньги, получаемые от предпринимательской деятельности, им был построен первый в Ташкенте кинотеатр «Хива», на собственные деньги он занимался и прокладкой оросительных каналов в Голодной степи.

Доходы от предпринимательства составляли внушительную сумму — до полутора миллионов рублей в год. (Для сравнения: из Петербурга кня-

зю присылали на содержание в год 200 тысяч рублей.)

Николай Константинович оказался превосходным предпринимателем. Он одним из первых обратился к наиболее доходной тогда области промышленности в Туркестанском крае — строительству и эксплуатации хлопкоочистительных заводов. При этом использовал самые передовые технические идеи своего времени — на его заводах приме-

ся из Газалкента. После проведения Искандер-арыка тут zaloжили «великокняжеское» селение Искандер, а в стороне от поселка великий князь разбил большой сад.

В 1886 году великий князь приступил к «выводу» сырдарьинской воды, желая, во что бы то ни стало, оросить хотя бы часть Голодной степи между Ташкентом и Джизаком, и затратил на это много энергии и личных средств — работы, связанные с про-

В

Ташкенте великий князь занимался предпринимательством, был владельцем ряда предприятий: завел мыловаренный завод, фотографические мастерские, бильярдные, продажу кваса, переработку риса, открыл хлопковые мануфактуры, регистрируя все организуемые предприятия на имя супруги, дочери оренбургского полицмейстера Надежды Дрейер

нялся безотходный технологический цикл — семена хлопчатника, оставшиеся после переработки сырца в волокно, употреблялись в качестве сырья на маслобойнях, а жмых шел на удобрения и на корм скоту.

Уже своими первыми ирригационными работами Николай Константинович снискал большую популярность у населения. Первая из них — выведение из Чирчика по правобережью реки канала, названного им Искандер-арыком. Тогда на этих землях находилось лишь несколько домов бедных дехкан, выселивших-

ведением канала, обошлись ему свыше миллиона рублей. На прибрежной скале, у головного сооружения близ Бекабада, была высечена крупных размеров буква «Н», увенчанная короной. (Как говорится, род деятельности изменился, а фамильная гордость осталась прежней.)

В Туркестане великий князь жил сначала под именем полковника Волынского. Позже он стал называть себя князем Искандером.

Эту фамилию (в дальнейшем высочайше узаконенную) носили его потомки — князя Искандеры. По-

*Великий князь
Николай Константинович
с женой
Надеждой Александров-
ной и братом
великим
князем
Константином
Константино-
вичем в таш-
кентском
дворце*

следняя представительница этого рода — княжна Наталья Искандер — всю жизнь прожила в России, вышла замуж за кинорежиссера Досталю и скончалась только в 1999 году, удивительнейшим образом избежав каких-либо репрессий. Хотя из своего происхождения она тайны не делала, но и не афишировала его.

Будучи натурой противоречивой, князь Искандер был способен и на вполне благородные поступки. Получив от императора 300 тысяч рублей на постройку дворца, он пустил эти деньги на постройку театра. А ро-

скошный дворец для своего проживания, построенный в центре города, и сейчас является одной из самых заметных достопримечательностей Ташкента — ныне это дом международных приемов МИДа Узбекистана.

От Надежды Александровны у великого князя было двое сыновей: Артемий и Александр. Сама Надежда Александровна под именем «княгини Искандер» неоднократно посещала Санкт-Петербург, стараясь наладить связи с романовской родней. Возможно, она не вполне в этом преуспела, но их обоих детей

*Великий
князь
Николай
Константинович
Романов —
туркестанский
князь
Искандер*

взяли учиться в Санкт-Петербурге в привилегированный Пажеский корпус.

Во время Первой мировой войны Артемий воевал на фронте, в Гражданскую войну примкнул к большевикам. Скончался он в Ташкенте от тифа (через год после смерти отца). Детей после него не осталось.

Его брат Александр также воевал в чине поручика, затем ротмистра Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка. В апреле 1918 года вернулся в Ташкент и поселился в

доме покойного отца. Мать помогла ему устроиться на службу в суд.

19 января 1919 года в Ташкенте вспыхнуло восстание против большевиков, и князь Александр Искандер участвовал в нем в качестве командира роты. После провала этого восстания он эмигрировал в Европу. В эмиграции сначала находился в Греции, по приглашению своей тети и крестной матери — вдовствующей королевы Греции Ольги Константиновны. Отказавшись от ее помощи, работал в Афинах такси-

стом. Позже переехал во Францию, где также был таксистом, поваром, ночным сторожем, рассыльным.

Умер Александр Николаевич Искандер 26 января 1957 года. Дети его — сын Кирилл и дочь Наталья — остались в России с первой женой. Воспитывал их отчим, отца они не помнили, но каким-то образом узнали о своем происхождении.

А Николай Константинович Романов, князь Искандер, 27 января

кентского Совета рабочих и солдатских депутатов), где была опубликована заметка следующего содержания:

«Похороны гражданина Романо-ва. Вчера в Ташкенте состоялись похороны б. великого князя, гражданина Николая Романова, скончавшегося в воскресенье, 14 января, в 6 часов утра. Тело Романова предано земле у ограды военного Георгиевского собора».

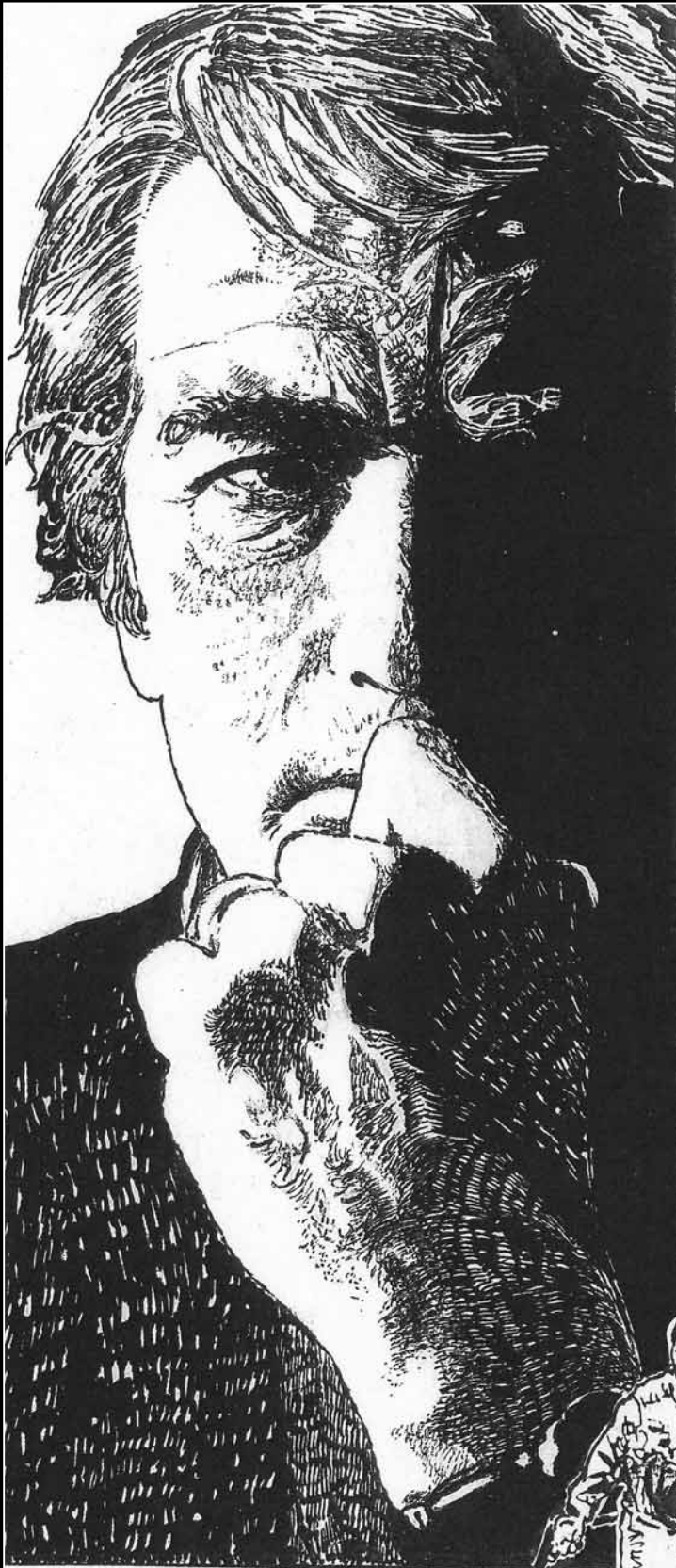
В Туркестане великий князь жил сначала под именем полковника Волынского, а позже стал называть себя князем Искандером. Эту фамилию носили его потомки — князья Искандеры. Последняя представительница рода — княжна Наталья Искандер — всю жизнь прожила в России, вышла замуж за кинорежиссера Досталю и скончалась только в 1999-м году, удивительнейшим образом избежав каких-либо репрессий

(14.01 по старому стилю) 1918 года скончался на даче под Ташкентом от воспаления легких. Его похоронили в Ташкенте у ограды собора, находившегося через дорогу от его дворца. В ряде поздних публикаций указывалось, что он был расстрелян большевиками, однако данные газетных публикаций 1918 года и архивов этого не подтверждают.

Зато сохранился экземпляр периодического издания «Наша Газета» №13 от 17 января 1918 года (орган исполнительного комитета Таш-

Вынужденная изоляция от семейства Романовых, судя по всему, позволила Николаю Константиновичу мирно скончаться в собственной постели, избегнув ареста и казни — участи, постигшей большую часть его родственников.

Он не завещал своей жене и сыновьям ничего, кроме пожалованного дворянства, герба, звонкой, загадочной фамилии Искандер и... высокомерной, истинно «романовской» гордости, которая не принесла им счастья. □

A

Андрей Быстров

ЗЕРКАЛЬНАЯ

УГРОЗА

АБОЗН

ЗЕРКАЛЬНАЯ

Когда я иду сквозь одинокую ночь,
И дорога моя темна,
Порой пробирает странная дрожь.
Мне кажется — НЕЧТО прячется там,
Мне кажется — рядом со мной.
О, эта фобия, страх перед тьмой!
Там что-то есть, наблюдает за мной!
Я думал, что слышу шаги позади.
Обернулся — нет никого...
Но шаг ускоряю,
Не в силах снова взглянуть назад,
Потому что уверен:
ТАМ — пляшущая тень,
ТАМ ЧТО-ТО ЕСТЬ!
О, эти ужасы темноты...

Стив Харрис

Часть третья

ЗЕРКАЛО ТЬМЫ

1

Жара была испепеляющей. Не осталось ни одного предмета, будь он металлический или деревянный, который не испускал бы удушающий жар. Не спасала ни предельно облегченная одежда, ни ледяные напитки из холодильника.

Доктор Францев не ожидал, что Барковский так спокойно воспримет его рассказ о побеге Кролика и последовавших за этим событиях. А Барковский словно был готов к подобному повороту.

Окончание. Начало в №6–7, 2018.

— Жаль терять Кролика, — сказал он и отхлебнул пепси со льдом из высокого стакана. — Он был лучшим... Но, к счастью, не единственным, коллега. Да, не единственным.

— Меня тревожит другое, — признался Францев, промокая платком вспотевший лоб. — Почему Декман обманул меня? Ведь это может означать, что Кролик сумел что-то внятно ему объяснить...

— Ну, не думаю, — отмахнулся Барковский. — После того как мы над ним поработали, любой психиатр признает его невменяемым. И потом, вы же выбрались из Москвы? Вот вам лучшее доказательство того, что властям ничего не известно.

— Властям — да, но этот чертов доктор! Он о чем-то догадывается.

— Это плохо, — согласился Барковский. — Вы считаете, что следовало бы его ликвидировать?

От столь прямого вопроса Францева даже перекошило. Он сознавал, с кем имеет дело, и все-таки предпочитал видеть в Барковском одаренного ученого, а не гангстера.

— Это ничего не даст, — ответил Францев. — Не он, так другой. Ваши люди не могут перестрелять всех психиатров Москвы.

— Исчезнуть должен не психиатр, — жестко произнес Барковский. — Исчезнуть придется Кролику. Это не так уж трудно, зато дает нам полную гарантию, что никто не прислушается к его бреду... Меня больше огорчает другое. Эксперимент сорвался, и мы не узнаем того, что хотели узнать... А это чертовски важно...

— Тут ничего не поделаешь...

Над дверью вспыхнула едва видимая в солнечном свете лампа, негромко прозвенел звонок. Барковский будто не слышал: он сидел, уставившись в одну точку, и думал о своем. Францев осторожно прикоснулся к его плечу:

— Владимир Сергеевич...

— А... Лаборатория? — очнулся Барковский. — Идите, коллега. Мне нужно сделать еще кое-что.

Францев покинул террасу. Барковский подошел к телефону и набрал номер. Ответили после доброго десятка гудков.

— Говорит ваш друг, — сказал доктор. — Разбили стекло в моей машине. Вы можете помочь? Спасибо... Когда можно к вам подъехать?

2

Доктор Барковский шагал по грязной окраинной улице небольшого городка медленно, с отвращением глядя под ноги и придирчиво выбирая ме-

сто для очередного шага. Дойдя до нужного ему дома, он поднялся на второй этаж. Звонка у двери не было, и доктор постучал. Через минуту дверь отворилась. На него пристально взирал человек лет тридцати, слишком хорошо одетый для этих трущоб.

— Здравствуйте, Борис, — приветствовал его Барковский с легким наклоном головы.

Тот посторонился, пропуская доктора в комнату, сравнительно чистую и опрятную. Указал на стул, вынул из шкафа бутылку коньяка и, наполняя рюмки, произнес:

— Ну что ж, я к вашим услугам. Чем скорее мы договоримся, тем быстрее я начну действовать.

— Вы правы, к чему тянуть, — согласился Барковский и поставил рюмку на стол. — Задание на сей раз особое, и я бы не сказал, что очень легкое.

— Говорите, об остальном позабочусь я, — самодовольно осклабился Ветров.

Доктор достал из кармана несколько фотографий Кролика в разных ракурсах и бросил на стол, пояснив:

— Наш друг в Москве.

— В этом вся трудность? — иронически спросил Ветров. — Знаете ли, доктор, что в Санкт-Петербурге, что в Хабаровске, что в Москве у человека одно сердце и одна сонная артерия. Какая разница, где...

Барковскому не нравилась самоуверенность киллера, но выбора у него не было.

— Нет, это не вся трудность, — с едва заметным оттенком раздражения произнес он. — Наш друг находится в психиатрической клинике. Зовут его Илья Иванович Заров, но под каким именем он в клинике — неизвестно. Возможно, он в отдельной палате и даже, может быть, под охраной. Вот адрес клиники. Вам, скорее всего, придется искать нашего друга визуально, «на глазок». А уж как — это ваше дело.

Ветров собрал фотографии и принялся изучать их чересчур внимательно.

— Насколько я понимаю, мне не будет позволено взять с собой помощников, — высказался он наконец, — и в Москве меня никто не подстрахует?

— Конечно, никто, — отрезал Барковский и тут же подсластил пилюлю: — Вы великолепный специалист... Мы доверяем вам.

— А как насчет гонорара?

— Назовите вашу цену.

— Втрое против обычного. — выдержав эффектную паузу, сказал киллер.

— Вчетверо, если отправитесь сегодня. Документы и деньги на текущие расходы для вас готовы. Вы знаете, где их получить.

Борис уселся в заскрипевшее плетеное кресло, помахивая носком щегольского ботинка.

— Что ж, не вижу причин откладывать, доктор. Работа есть работа, не всегда она в удовольствии. У вас что-то еще?

Барковский подошел к Ветрову вплотную и посмотрел ему прямо в глаза.

— Не рассчитывайте, Борис, что я не найду способа проверить, жив или нет некий сумасшедший. И если вы попробуете меня обмануть... Меня лично вы можете не опасаться, но вспомните о...

— Тсс! — Киллер вскочил и прижал палец к губам. — Давайте не называть вслух имя...

— Значит, вы меня поняли.

— Да.

— И вы убьете этого человека.

— Да.

3

Надя сразу поняла, что угодила в западню. Откуда-то раздался возглас «Вон он», затем шаги на крыльце... Сообразить, что это за гости, было нелегко. Девушка в страхе забилась в дальний угол кладовки, за какие-то ящики и проржавевшие баки. Отсюда она не разбирала слов, произнесенных в доме и во дворе, до нее доносились лишь звуки голосов. Кто-то заглянул в кладовку, но не заметил Надю. Когда схлынула волна паники, она принялась раздумывать, как помочь Андрею. Выбраться отсюда и бежать за участковым... Но как выбраться? Ее же увидят! Надо подождать удобного момента, но как узнать, когда наступит этот момент, если здесь ничего не видно и толком не слышно? Девушка напряженно прислушивалась, стараясь уловить хоть что-то, способное прояснить положение.

Проводив Хардина и Нежданова, Шило и Кривой в комнате наверху затеяли игру в «очко». Замусоленные карты нашлись в ветхом шкафчике. Пачку денег, не считая, разделили для ставок приблизительно поровну. Игра шла вяло, без увлечения.

— Не нравится мне тут висеть, — с раздражением отпихнул карты Шило. — И гады эти не нравятся, боссы, блин!

— А баксы тебе нравятся?

— Ба-аксы, — передразнил Шило. — Гнилой базар... И все гнилое. По мелочи нам, а что они унесли в чемоданчике?

— Они говорят, иконы...

— Вот видишь... Какого-нибудь, блин, века. За «лимон» сдадут. «Мочить» их надо было и чемодан забирать.

— Да куда бы ты сунулся с этими иконами? — возразил Кривой.
— Жрать охота... — Шило встал из-за стола. — Сиди тут сутки голодный.
— Да она раньше вернется.
— Хорошо бы... Слушай, а зачем это боссам так надо ее убирать?
— Да хрен их знает.
— Секрет у нее какой-то есть, понял?
— Нам-то что...
— Может, и ничего. А только поговорю я с ней, прежде чем башку отрезать.
— Поговори, поговори, — лениво кивнул Кривой. — Ты договоришься, тебе самому башку отрежут.
У Нади затекли ноги, и она попыталась очень осторожно изменить позу. Привстала, вытянула левую ногу, опираясь рукой о большой пустой бак... Что-то подалось вниз, какая-то трухлявая доска, и Надя, потеряв равновесие, пошатнулась. Бак полетел на пол с ящичков, оглушительно громяхая.
— Что это, где?! — схватились за автоматы Шило и Кривой.
— Где-то под полом, что ли...
— А ну, пошли!
Бандиты выскочили на крыльцо, обогнули дом, остановились перед дверцей кладовки.
— Может, там, — предположил Шило. — Только я здесь уже шарил. — Открыв дверцу пошире, он просунул голову внутрь. — Темно, блин... Нет тут ни хрена, одни ящички... А, вот этот бак свалился, он и гремел.
— Сам по себе свалился?
— Кошка, наверное, — не слишком уверенно сказал Шило, протискиваясь в узкий проем, и вдруг заорал: — А! Вот она, гадина! — Он как клещ вцепился в Надину руку: — Вылезай, тварь!
Вдвоем бандиты выволокли девушку из кладовки и затащили в дом. Надя пыталась кричать, но ей зажали рот и ударили так, что она и вздохнуть не могла.
— Привет, красотка, — тонким голосом пропищал Шило. — А мы-то жаждались...
— Босс велел спросить фамилию, — напомнил Кривой.
— И так, что ли, непонятно, кто она такая... Да, Вержина? Что же ты молчишь?
— Кончай гнать пургу, — поторопил Кривой, убирая автомат в подсумок. — «Мочи» ее...
— Сперва мы зададим ей пару вопросов... — ухмыляясь, процедил Шило и приблизился к девушке.
— Развлекаемся? — раздался вдруг от двери чей-то негромкий голос.

Бандиты и Надя разом обернулись. На пороге стоял Кедрин с пистолетом в руке.

— К стене! Руки за голову! — скомандовал он и шагнул вперед.

— Эй, мужик, ты чего... — заблажил Кривой с идиотской улыбкой. — Ты чего, мужик...

— Я сказал — к стене!

Кривой поспешил подчиниться, и пистолет Кедрина устоялся в физиономию второго бандита, совершенно оцепеневшего от неожиданности. В мутном зеркале у окна Кривой краем глаза увидел, что оружие теперь направлено не на него, и, мгновенно выхватив нож, с разворота метнул его в Сергея. Сверкающая сталь молнией пронеслась в воздухе. Кедрин быстро отклонился в сторону, и клинок глубоко вонзился в горло негодяя, которого с этой секунды было бы неуместно более именовать Шилом или как-то еще.

Надя отскочила, опрокинув стул. Смертельно раненный бандит бился в агонии на полу, заливая все вокруг фонтанирующей артериальной кровью. Помня, что стрельба в деревне — мера крайняя, Кедрин ударил Кривого ногой в грудь. С таким же успехом он мог бы атаковать мраморную колонну. Боже, на горилле еще и бронежилет, судя по отдаче...

Прыжок Кривого не застал его врасплох, но адекватно среагировать он не успел. Оба рухнули на пол, причем Кривой оказался сверху. Силы были примерно равными, и преимущества не имел бы никто, если бы не выгодная позиция бандита. Сдавив горло Кедрина правой рукой, левой он дотянулся до валявшейся поодаль половине ножниц с прикрученным к ней электрическим проводом, целясь острием в глаз противника.

Сознание Нади бездействовало, остались одни инстинкты и напряженные до предела эмоции. Она едва ли отдавала себе отчет в последствиях импульсивного порыва, когда подхватила с пола вторую половину ножниц и воткнула лезвие в ухо бандита.

Цепь замкнулась. Мозг Кривого закипел, словно запертый в перегретом котле. Вопль, готовый вырваться из разверстого рта бандита, был остановлен потерявшими управление голосовыми связками, и Кедрин услышал только жалкий хрип.

— Этих интеллигентных юношей было только двое? — спросил он, поднимаясь и отряхивая костюм. — Их «коллег» поблизости нет?

— Не знаю, — дрожащим голосом ответила Надя. — Я ничего не знаю, Господи!..

— Ну, ну, успокойтесь... Давайте по порядку.

— Они увидели Андрея... Наверное, их было много... Я спряталась в кладовке, а потом эти двое нашли меня... Тут появились вы... — Она огляделась и растерянно произнесла: — А чемодана нет...

— Того чемодана, который вы взяли на теплоходе? Он находился здесь, в комнате?

— Да, чемодан с плутонием...

— Ну что ж, — покачал головой Сергей, — раз вам это известно, нет смысла скрывать серьезность положения.

— Скажите только, Андрей жив? То есть... Он может быть жив?

— Думаю, да. Вы видели тех, кто пришел? У кого-нибудь из них были белые нашивки на комбинезонах?

— Нет. То есть, я не видела их... Не знаю даже, сколько их было...

— А железнодорожная станция далеко отсюда?

— Километров пять.

— Прилично, час ходу... Поедем на машине.

— У вас машина?

— Нет, но по дороге я видел грузовик. Не слишком комфортно, однако выбирать не приходится.

— Что вы хотите делать?

— Прежде всего... У вас паспорт с собой?

— Да, в кармане...

— Так вот, лучше не показывайте его никому. Я найду способ и без того отправить вас в Самару. Ваша война окончена, вам пора домой.

— А вы?

— А я поеду в другую сторону. Не хочу вас обнадеживать, но возможно, мне удастся помочь Андрею.

— Нет, — решительно проговорила Надя, — в Самару я не вернусь. Они нашли нас здесь, найдут меня и там...

— Гм... полагаю, у них и без вас забот хватит. Впрочем, вы правы, лучше не рисковать. Поедете со мной. Я позвоню другу, он придумает, где вас спрятать, пока все не кончится. Переоденьтесь! Вы похожи на хиппи.

— А я и есть хиппи... Бывшая, — улыбнулась девушка. — Но во что же мне переодеться?

Кедрин подошел к шкафу, открыл дверцу и воскликнул:

— Смотрите, сколько тряпья! Вот эта куртка даже почти сохранила пристойный вид.

Надя надела синюю куртку, повертелась у зеркала.

— Так сойдет?

— Славно, — одобрил Сергей. — Пошли...

Они вышли во двор и зашагали к калитке. Грузовик (фургон с брезентовым верхом) стоял метрах в ста от дома, накренившись у обочины. Скорее всего, машину бросил здесь напившийся до положения риз деревенский шофер.

В кабине Кедрин посмотрел на приборную доску, порадовался количеству бензина в баке и торчащему ключу зажигания. (Точно, под изрядной «мухой» был шофер!) Запустить двигатель грузовика не представляло труда и без ключа, но с ключом не в пример удобнее. Он выжал сцепление, и убогий фургон довольно шустро покотился по дороге, изобилующей рытвинами.

— Мы едем в Москву? — спросила Надя. — Тут километров пятьсот.

— Нет, просто подберемся поближе к столице. Я позвоню по телефону, и вместе с моим другом решим, как быть.

— А... Тогда жмите прямо и по проселку направо, там трасса...

Грузовик подкидывало на кочках и колдобинах. Все, что могло греметь, гремело нещадно. Несмотря на это, Надя, приткнувшись головой к стеклу правой дверцы, мгновенно уснула. Как же надо было измотаться душевно и физически, чтобы заснуть в гроыхающей тряской кабине!

4

Едва стихло рычание мотора, девушка очнулась и, осмотревшись во круг, спросила:

— Где мы?

— Не так уж далеко от Москвы, станция Верховая, — ответил Кедрин. — Выходите. Пора прощаться с нашим Росинантом.

— Я долго спала?

— Долго.

— Ну и ну...

Надя открыла дверцу и спрыгнула на асфальт. Кедрин покинул кабину вслед за ней.

— Вы будете звонить вашему другу? — спросила она.

— Да, но не с мобильного. Предпочел бы не выходить в эфир. На станции найдем телефон.

Они поднялись на платформу. Кедрин подошел к кассе и попросил позвонить, на ходу придумав какой-то повод. Кассирша разрешила, и он набрал домашний номер Свиридова. Ему никто не ответил, прямой служебный телефон полковника тоже молчал, как и его мобильный, по которому Сергей все же рискнул позвонить. Он вздохнул, поблагодарил кассиршу и медленно вышел. Вот, черт, Свиридову не удалось дозвониться именно тогда, когда он так отчаянно нужен! И тут же вспомнились с тревогой слова полковника: «Скорее всего, меня убьют...»

Что ж, придется действовать одному. До особняка Хардина можно добраться на грузовике — тут недалеко, судя по нарисованному Шадри-

ным плану. Не обязательно Хардин там, но это отправной пункт... А вот что делать с Надей? Свиридов бы эту проблему решил, а теперь как быть? Времени нет! С каждой минутой у Зорина (если он еще жив) все меньше шансов уцелеть, а у чемодана все больше шансов отбыть в неизвестном направлении.

— Надя, — повернулся Сергей к застывшей в ожидании девушке, — не дозвонился я до своего друга. Кроме него, помочь нам некому... И я ума не приложу, куда вас девать, а время очень дорого.

— Вы едете искать Андрея?

— Во всяком случае, туда, где надеюсь узнать о нем.

— Вот и чудесно! Я еду с вами!

— Это исключено. Погодите... я, кажется, придумал. Идемте в поселок.

— В какой поселок?

— В поселок при станции. Не может быть, чтобы ни одна бабушка не сда-ла комнату за соблазнительную сумму. А потом я за вами вернусь.

Поняв, что спорить бесполезно, Надя, понурившись, уныло поплелась за Кедриным.

Переговоры с первой встречной бабушкой увенчались успехом. Хозяйка провела их в чистенькую и опрятную комнатку, с гордостью продемонстрировала телевизор, после чего ей вручили щедрый аванс.

— Вы поедете на грузовике? — спросила Надя, едва они остались вдвоем.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что это опасно. Об угоне грузовика, наверное, уж всей полиции известно.

— Еще бы, преступление века...

— Вы забыли о трупах в Колдино.

— Ни о чем я не забыл. Не волнуйтесь, Надя. До свидания... Я обязательно за вами вернусь.

Кедрин вышел из дома и направился назад к грузовику. Немного подождав, Надя выбежала за ним — он уже сворачивал за угол. Девушка следовала за Кедриным до станции, а когда он снова поднялся на платформу (решил еще раз позвонить Свиридову), кинулась к фургону и забралась в кузов.

Минут через пять хлопнула дверца, заурчал мотор, машина тронулась. Трясло в кузове куда сильнее, нежели в кабине. Надя крепко вцепилась в жесткое деревянное сиденье. Было ли ей страшно? Еще бы! Но разве можно поддаваться страху, когда человек, успевший стать близким и дорогим, нуждается в помощи?

5

Особняк Виктора Георгиевича Хардина возвышался в надменном уединении, чванливо отстраненный от других богатых вилл. Он был окружен высоким глухим забором, оборудованным сигнализацией и телекамерами. Вокруг бродили охранники.

Хардин и Нежданов смаковали благородный французский коньяк в нижнем каминном зале. Им составлял компанию Андрей Зорин (пока он пребывал в беспмятстве, его раны обработали и перевязали, а самого переодели). Правда, Зорину коньяк не предлагали, а сидел он у стены, пристегнутый наручниками к дубовому креслу. В углу тихонько бормотал телевизор — Хардин не хотел пропустить первые сообщения о пиратском захвате «Валерия Брюсова». Никакой информации в эфир еще не просочилось.

— Напрасно, — сказал он, грея в ладонях пузатый бокал для наивысшей концентрации аромата, — напрасно вы упорствуете, юноша. Согласитесь, до Вержиной мы так или иначе доберемся. Мы знаем ее адрес, место работы... Она ведь обычная девушка, а не суперагент, чтобы уворачиваться от нас как угодно долго. Проблема не в том, чтобы ее взять, а в том, чтобы взять ее быстро, пока она не испортила нам праздник. Молчите? Зря. Вот отправлю вас в подвал, и там вами займутся не два тупоголовых недоумка, а настоящие мастера...

На столе мигнула лампочка переговорного устройства.

— Виктор Георгиевич, странное дело какое-то...

— Какое еще странное дело?

— Вас тут спрашивают... Некто Зубарев.

— Вот как, Зубарев? — Хардин многозначительно взглянул на Нежданова. — Так в чем же странность?

— Ну, он приехал на такой машине...

— На какой?

— Старый раздолбанный грузовик, фургон.

— Проверили?

— Конечно, проверили. В машине больше никого нет. В кузове только тряпки какие-то грязные...

— Попросите дорогого гостя поставить машину на нашу стоянку и проводите его в нижний каминный зал, — распорядился Хардин. — Да обращайтесь с ним повежливее!

— Не обыскивать?

— Боже упаси! Пиетет и еще раз пиетет... И пришлите ко мне Олега. Конец связи.

— Обыскать надо было, — покачал головой Нежданов. — Если он вооружен...

— Подумаешь, вооружен... Любой его выстрел здесь — самоубийство, а мне почему-то кажется, что он приехал не для того, чтобы героически свести счеты с жизнью. Очень интересно...

— Слушаю, Виктор Георгиевич, — вошел в зал охранник по имени Олег.

— Отведи юношу в подвал, запири и не отходи от двери.

— Понял. — Олег отцепил кольцо наручников, которыми Андрей был прикован к креслу. — Пошли...

Сердце Зорина билось теперь много сильнее, чем раньше, кровь получила дополнительную порцию адреналина. Зубарев! Этот человек жив, он здесь! Ведь зачем-то он появился! Может быть, все изменится к лучшему...

Охранник увел Андрея, а в это время двое других провели Кедрина через узкую дверцу в воротах и сопроводили в каминный зал. Хардин жестом отослал «почетный караул».

— Здравствуйте, Виктор Петрович. — Он с любопытством разглядывал гостя. — Видите, как удачно все складывается. Не получилось у нас побеседовать на теплоходе, так вы сами ко мне пожаловали. Рад, весьма рад... Садитесь, будьте как дома. Коньяк, виски, водка?

— Нет, спасибо, — отказался Кедрин, усаживаясь в кресло. — Полагаю, я говорю с Виктором Георгиевичем Хардиным...

— К вашим услугам.

— И Петром Михайловичем Неждановым?

Нежданов молча кивнул.

— Господа, — продолжил Сергей, — я очень устал и буду краток, если позволите... Вам известно, что я — сотрудник ФСБ...

— Ну, конечно, — подтвердил Хардин.

— У меня к вам два вопроса. Первый — плутоний еще у вас? И второй — Андрей Зорин жив?

— Если предположить, что на оба вопроса я отвечу «да», тогда что?

— Отдайте мне плутоний, освободите Зорина, и я постараюсь максимально смягчить вашу участь...

— Да полно вам... — коротко рассмеялся Хардин. — Какую участь, помилуйте!.. Что у вас есть против нас? Обладай вы сколько-нибудь ценными уликами, не явились бы сюда в одиночку, правда? А вы один, из чего я заключаю, что вы блефуете. Либо вам никто не поверил в вашей «конторе», либо вы почему-то ни с кем вашими открытиями не поделились. Не потому ли, что доказательств нет, а?

— Отчасти вы правы, — согласился Кедрин таким тоном, словно речь шла о вещах пусть и занятных, но довольно абстрактных. — Не хотел тратить время, поспешил прямо к вам. Но вы забыли о девушке. Двое ваших бандитов в Колдино мертвы, девушка в безопасном месте. У нее запечатанный конверт с адресом, а в нем — мои наблюдения и выводы.

— Ваши наблюдения? — небрежно произнес Хардин. — Они чего-нибудь стоят?

Нельзя сказать, что Хардина обрадовало известие о ликвидации бандитов в Колдино и о том, что девушка ускользнула. Но он не был обескуражен, так как по-прежнему считал, что все нити в его руках.

Лампочка переговорного устройства снова замигала.

— Виктор Георгиевич, приближается машина. Джип «хаммер» с тем номером...

Хардин и Нежданов переглянулись — это была машина Родриго Санчеса.

— Это тот, кого я жду, — бросил Хардин в переговорное устройство. — Встречайте. Конец связи.

Перемена в его настроении не осталась незамеченной и наполнила Кедрину тревогой. Что бы ни произошло, кто бы ни прибыл на джипе, это явное очко не в его пользу.

— Вы опоздали, Виктор Петрович, — сказал Хардин, широко улыбаясь Кедрину. — Плутония вам не видать. Но вы можете получить Зорина на определенных условиях. Они просты: вы направляете расследование по ложному пути, мы убеждаемся, что все устроено, отыграть назад невозможно... И Зорин свободен.

— Условия просты, да выполнить их непросто, — ответил Сергей.

— О, я уверен, что вместе мы сочиним превосходный план... А сейчас, извините, у меня деловая встреча. Вам пока придется посидеть в подвале, но это не страшно. Там у нас комфорт и уют... Заодно пообщаетесь с маэстро Зориным, удостоверитесь, что он жив и относительно здоров.

Нажатием кнопки Хардин вызвал охрану, отдал распоряжения. Кедрина отвели в подвал, там водворили в небольшую, действительно уютно обставленную комнату, заперли толстую, обитую металлом дверь.

У стены на кушетке сидел Андрей Зорин.

— Виктор Петрович! — воскликнул он.

— Как видите, — развел руками Кедрин, — мне тоже не повезло. Но не падайте духом.

— Где Надя?

— С ней все в порядке.

— Но где она?

— Там, где я ее спрятал, и где ее не найдут бандиты. Вы верите мне?

— Верю. — В голосе Андрея прозвучало искреннее облегчение. — Как, по-вашему, у нас есть шанс отсюда выбраться?

— Думаю, да. Они предлагают мне прикрыть их в ФСБ в обмен на вашу свободу. Попробуем этим воспользоваться...

6

Родриго Санчес, как всегда изысканно одетый, вошел в каминный зал, неся в правой руке атташе-кейс.

— Приветствую вас, друзья! — произнес он с ослепительной улыбкой.

— Счастлив видеть вас, амиго, — откликнулся Хардин. — Выпьете чего-нибудь?

— Благодарю, позже.

— Сначала дело, да?

По знаку Хардина ожидавший у дверей охранник вышел и вернулся с большим тяжелым чемоданом, после чего удалился. Хардин открыл чемодан. Санчес достал дозиметр, провел им над контейнерами и удовлетворенно кивнул. Хардин вручил колумбийцу папку с документами. Тот и раскрывать ее не стал.

— Это для специалистов, — проговорил он, — я там ничего не пойму. Но ведь наши отношения строятся на абсолютном доверии...

— Так и есть, — подтвердил Хардин.

Колумбиец открыл кейс — внутри лежали пачки долларов.

— Как и договаривались, миллион.

— Да, наличность на мелкие расходы. — Хардин взял одну пачку, подбросил на ладони. — А основная сумма?

— Вот она. — Санчес извлек из внутреннего кармана пиджака компьютерный диск. — Здесь все реквизиты.

Подойдя к компьютеру, Хардин вставил диск. Колумбиец напряженно ждал, но не появления информации на мониторе. Когда он доставал диск, его палец в кармане прикоснулся к сенсорному переключателю, и в «хаммере», оставшемся за воротами, прогудел короткий низкий сигнал.

— Пора, — обронил один из четверых боевиков Санчеса.

Сидевший за рулем парень кивнул, не оборачиваясь. Джип стартовал с площадки, описал полуокружность и понесся к воротам.

Экран монитора в каминном зале высветил три слова: «GO TO HELL».

— Что это значит? — похолодев, спросил Хардин.

— В переводе с английского это — «идите к черту», — любезно пояснил колумбиец. — В свете же наших отношений, амиго, это значит, что вы не получите ничего...

В руке его тускло блеснула сталь австрийского семнадцатизарядного пистолета «глок». В тот же момент бампер огромного джипа ударил в ворота. Строители уверяли Хардина, что ворота выдержат и удар танка, но они преувеличивали. «Хаммер» снес ворота вчистую, заодно придавив и замешкавшегося охранника.

Загрохотали выстрелы. Под перекрестным огнем парней Хардина джип мчался к дому. Нежданов выхватил «викинг-комбат» и выпалил в Санчеса, но промахнулся. Пуля, выпущенная колумбийцем в ответ, прошла под рукой Нежданова и угодила в стену.

Сокрушив толстые «витринные» стекла каминного зала, джип ввалился передними колесами внутрь и застрял. Массивная кованая решетка, несущая скорее декоративные, нежели защитные функции, обрушилась на спину Родриго Санчеса. Нежданов выстрелил снова — на сей раз метко, судя по окровавленному отверстию, появившемуся в черепе колумбийца.

Не дожидаясь, пока все атакующие выскочат из машины, Хардин и Нежданов рванулись к двери. В коридоре к ним присоединились охранники, осыпая джип градом пуль. Однако люди Санчеса лучше знали свое дело и были отменно вооружены. Один из охранников Хардина упал замертво с пулей в голове, второй получил серьезное ранение и выбыл из игры. Оставшиеся в строю прикрывали боссов и вместе с ними отступали на второй этаж. Олег, имевший приказ не отходить от двери подвала, оказался в сложной ситуации. А пока раздумывал, ввязаться ли в схватку или дисциплинированно стеречь вход в подвал, откуда-то прогремел достигший цели выстрел. Он медленно опустился на колени, завалился набок и умер, так и не успев разрешить проблему...

Перестрелка шла теперь на втором этаже, оборонявшихся теснили на третий. Щепки летели во все стороны от прошиваемой пулями роскошной мебели, взрывались бутылки и вазы. Да, на абсолютном доверии строились отношения Хардина и Родриго Санчеса...

7

Надя выбралась из-под воняющего машинным маслом рваного матраса, под которым пряталась в углу фургона. Ей пришлось пережить не очень-то приятные мгновения, ведь она слышала каждое слово, произнесенное охранниками Хардина. Когда она проковыляла к заднему борту фургона, чтобы выглянуть и осмотреться, поблизости зашумел мотор машины, и девушка отпрянула. Машина остановилась справа от грузовика, и Надя с величайшими предосторожностями заглянула в небольшую дыру, видневшуюся в грязном брезенте.

Возле грузовика стоял огромный джип, дальше тянулся серый высокий забор, а над ним торчала верхушка какого-то здания, расположенного в глубине территории. Этот забор не преодолеть, независимо от того, есть

кто-нибудь в джипе или уже нет. Да если и перелезть через забор — угодишь в лапы охранников!

Дальнейшее развитие событий было весьма неожиданным. Джип резко взял с места, разогнался по дуге и вышиб ворота. Послышались выстрелы, крики... О Господи, снова! А там Зубарев, может быть, и Андрей... Покидать грузовик смертельно опасно. Но не для того же она приехала, чтобы валяться на полу в кузове старого фургона! Надя вздохнула, оторвалась от дырки в брезенте и прыгнула на бетонированную площадку.

В ворота она вошла, почти не таясь. Никто не остановил ее, и, казалось, на огороженной территории нет вообще ни одного человека.

Джип застыл в гигантском «витринном» окне нижнего этажа шикарной виллы. Выстрелы трещали сверху, и на верхнем этаже разлетались стекла, но внизу было тихо. Неуклюже ступая по осколкам, Надя пробралась в зал и едва не наступила на прижатый к полу решеткой труп Санчеса. Возле трупа лежал пистолет. Она наклонилась, подняла «глок» двумя пальцами за ствол и, опустив его в карман куртки, двинулась к распахнутой настежь двери. В коридоре она увидела второй труп, дальше, в самом конце — третий. Этот третий раскинулся на ступеньках ведущей куда-то вниз лестницы, и подле него валялись ключи. Под аккомпанемент непрекращающейся стрельбы наверху девушка приблизилась к телу охранника, подобрала связку и сбежала по лестнице к двери подвала. Если они держат Андрея на этой вилле, то подвал — самое подходящее место.

Надя отперла ключом дверь, с усилием открыла ее и, очутившись в огромном, мрачном бункере, освещенном единственной лампочкой в сорок ватт, крикнула:

— Андрей!

— Сюда... Мы здесь! — донеслось из-за другой двери.

Она кинулась туда, дрожащими руками принялась перебирать ключи, вставляя их в замок по очереди. Четвертый легко провернулся в скважине, дверь отворилась, и Надя попала прямо в объятия Андрея Зорина.

— Что там за стрельба? — спросил у нее Кедрин.

— Не знаю, — ответила она в перерыве между поцелуями. — Джип выбил ворота... Вся эта стрельба наверху, первый этаж свободен, бежим!

Вытащив «снэйк», который у него так и не отобрали, Кедрин пошел впереди, готовый отразить нападение. Связку ключей он прихватил с собой. Андрей сильно хромал, однако мог передвигаться самостоятельно.

В каминном зале Сергей увидел раскрытый чемодан с блестящими контейнерами, атташе-кейс с деньгами, папку с документами на полу. Эту папку Кедрин запомнил еще на теплоходе, когда Картунов демонстрировал ее Хардину, и отличил бы среди сотни подобных. Положив папку в чемодан и захлопнув крышку, он произнес:

— Поехали!

— На грузовике? — взглянув на него, уточнила Надя.

— На грузовике мы далеко не уедем... У дома я заметил «мерседес», попробуем завести... Вот этот ключ точно от машины.

Протиснувшись мимо безнадежно застрявшего джипа, они покинули зал и быстро зашагали к серебристому «мерседесу».

Яростная схватка между людьми Санчеса и охраной Хардина бушевала на третьем этаже. Силы нападавших уменьшились до двух человек, оборонявшихся — до трех. Только один охранник теперь сражался рядом с Хардиным и Неждановым. Шансы троих представлялись весьма призрачными, потому что их загнали в одну из спален, откуда вторая дверь вела лишь в ванную.

Охранник выстрелил через тонкое дверное полотно. В коридоре раздался вопль, точнее, дикий рев.

— Попал! — азартно заорал он.

Дверь тут же вылетела под ударом ноги, и длинная автоматная очередь прорезала воздух. Все трое успели броситься на пол, никто не пострадал. Охранник подкатился под ноги ворвавшегося в спальню боевика Санчеса, сбил его, и Нежданов выстрелил с пола. Пуля попала боевику в висок.

— Кончено, — пробормотал охранник, поднимаясь.

Но ничего еще не кончилось, так как в коридоре зашевелился на полу боевик, раненный выстрелом из-за двери. Четыре его последних патрона скосили охранника наповал.

— Ах, ты... — задохнулся Нежданов и, подскочив к уронившему оружие парню, прижал ствол «викинга» к его затылку. Пистолет коротко рывкнул. — Вот теперь кончено, — произнес он осипшим голосом.

— Недурно, Петр Михайлович. — К Хардину возвращалось обычное хладнокровие. — Ба, да что случилось? Миллион долларов у нас, плутоний у нас... Найдем других покупателей.

— У нас? — Нежданов повернул Хардина к окну: — Смотрите!

С высоты третьего этажа тот увидел, как к «мерседесу» приближаются Андрей, Надя и Кедрин с чемоданом в левой руке и пистолетом в правой.

— Черт! — выругался Хардин и, подняв автомат, стволом выбил стекло. Прогремела очередь, у ног Кедрина взметнулись фонтанчики пыли.

— Скорее в машину! — закричал Кедрин, открывая ответный огонь из пистолета.

Андрей метнулся к передней дверце, распахнул ее, втолкнул в машину Надю, сам сел за руль.

— Ключи! — выкрикнул он.

Кедрин швырнул ему связку, в которой был ключ и от машины. Андрей быстро запустил двигатель, дал задний ход и, скомандовав Наде: «Открой

заднюю дверь, шире!» — притормозил возле Кедрина так, чтобы машина частично прикрыла того от пуль.

Надя перегнулась через спинку сиденья, распахнула заднюю дверцу. Кедрин бросил на сиденье чемодан, выстрелил напоследок в окно третьего этажа и сел в машину.

— Жми!..

Андрей переключил передачу, и «мерседес» молнией устремился к воротам...

— Уходят! — простонал Нежданов.

Хардин тщательно прицелился в спину Кедрина, хорошо видную ему через заднее стекло «мерседеса». Рывок машины с места помешал Сергею пригнуться. А вот Хардин не промахнулся — все шесть пуль поразили цель.

— Готов! — выдохнул он. — Я убил его...

— Надо было стрелять по крыше, чтобы всех сразу!

«Мерседес» летел по прямой, удаляясь от особняка на большой скорости. Хардин и Нежданов стреляли вслед, но попасть уже не могли...

8

В вечерней Москве, с ее ресторанами, клубами, барами и казино, скромная машина Свиридова терялась среди дорогих лимузинов. Полковник ехал к известному ему дому в центре столицы. Ему предстояла тяжелая миссия, и он отдал бы многое, чтобы необходимость в таких миссиях не возникала никогда. Нет ничего страшнее и гнуснее предательства.

Свиридов остановил машину у подъезда, поднялся по ступенькам широкого крыльца. Бравый отставник в будке у лифтов собрался, было, потребовать отчета, к кому и зачем явился гость, но, узнав Свиридова, промолчал. Едва тот скрылся в лифте, отставник поднял телефонную трубку, набрал три цифры и доложил:

— Иван Алексеевич, здесь Свиридов.

Полковнику не понадобилось звонить в дверь, хозяин его встретил у порога.

— Какими судьбами, Владислав Михайлович? — спросил генерал Шабалин, одетый в синий домашний халат. — У вас что-то срочное... По взрывникам?

— Нет, не по взрывникам, — ответил Свиридов, входя вместе с Шабалиным в большую гостиную, обставленную антикварной мебелью. — Дело

группы высокопоставленных лиц, замешанных в «черном» бизнесе и убийствах.

— Да? — Усаживаясь в необъятное кресло, Шабалин запахнул полы халата. — Ну, сейчас чем ни занимайся, обязательно выйдешь на «черный» бизнес... Рассказывайте.

— Вот здесь копии материалов, полученных мной от Олега Дмитриевича Букина. — Свиридов положил на стол атташе-кейс. — Полагаю, вам будет интересно ознакомиться с ними.

Шабалин прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

— Мастер, — пробормотал он. — Да, я всегда был уверен, что Мастер — слабое звено.

— Но он кое в чем проявил себя сильным игроком. Например, в части сбора информации о вас.

— Что с ним случилось?

— С Мастером? Я отпустил его. Такова была его цена, и я заплатил. Впрочем, я не обещал ему пожизненной неприкосновенности... Иван Алексеевич, мне нужны все имена и подробности.

— Имена? — усмехнулся Шабалин. — Что ж... Меня называли Советником. Псевдонимы еще троих — Коммерсант, Генерал и Дипломат... — Он помолчал немного и тихо спросил: — Что вы собираетесь делать? Ведь вы не отпустите меня как Мастера, в обмен на информацию?

— Нет. Вас — нет. И вы это понимаете. Что за смысл играть в прятки?

— Да, — вздохнул Советник. — Смысла никакого. Кончена жизнь...

— Это был ваш выбор. Одной видеозаписи, где вы договариваетесь с Мастером, достаточно, чтобы...

— Прекратите! Я буду говорить, но я тоже назначаю цену, свою цену. Дайте мне достойно уйти.

— Не поздновато о достоинстве вспомнили, Иван Алексеевич?

— У нас деловая беседа или лекция об офицерской чести?

— Хорошо, — произнес Свиридов после минуты тягостного молчания. — Но вы ответите на все мои вопросы перед видеокамерой. У вас есть камера, я знаю. Где она?

— Вон там, на секретере.

Полковник установил камеру так, чтобы лицо Шабалина было отчетливо видно на экране, и произнес:

— Итак, меня интересует атомная авантюра, из-за которой погибли Панин, Рубцов, Благин...

— Атомная авантюра? Так вы это называете? Ладно... По сути, это завершающий аккорд. Я начал сотрудничать с иранской разведкой еще в девяносто восьмом... Поначалу все шло гладко, но затем иранцы не смогли

предотвратить ряд срывов, из-за этого мне угрожало разоблачение. Я намеревался бежать за рубеж, но с деньгами, а их не было. Тогда я предложил иранцам купить партию оружейного плутония, компоненты ядерных боезарядов, а главное — ноу-хау, технологическую документацию для производства атомных боеприпасов. Иранцы ухватились за мое предложение сразу. Но я был только посредником... Даже, скорее, фигурой прикрытия...

— А каково происхождение плутония и документов?

— Скажем, одна западная страна...

— Нет, Иван Алексеевич. «Одной западной страной» вы не отделаетесь. Какой вам толк сейчас в этих увертках?

— Я так устал, Владислав Михайлович... Вы выиграли, а я проиграл. Все просто.

Шабалин встал, подошел к окну, отодвинул занавеску и, не оборачиваясь, заговорил с печалью в голосе:

— «Не жизни жаль с томительным дыханьем... Что жизнь и смерть? А жаль того огня, что просиял над целым мирозданием и в ночь идет, и плачет, уходя».

Он смотрел вниз, туда, где проносились разноцветные автомобили, делились наивными секретами девушки в легких платьицах, потягивали пиво из банок студенты, смеялись дети. Полковник не успел заметить, как и откуда в руке Шабалина появился пистолет. Он рванулся к Советнику, но было уже поздно. Тот поднял руку к виску и выстрелил.

9

В отдалении послышался вой полицейских сирен.

— Сейчас будут здесь, — обеспокоено проговорил Хардин. — Какая оперативность, пострелять не дадут вволю... Надо уходить, Петр Михайлович. Наша версия — перестрелка произошла без нас. Свидетелей для алиби я подготовлю, кого надо, подмажу. Идем...

Они поспешно обошли весь дом и убедились, что в живых не осталось никого из участников схватки. Хардин взял кейс с деньгами, Нежданов вывел из гаража «ауди».

— Куда? — спросил он.

— По южной дороге, за «мерсом». На наше счастье, джентльмены с сиренами едут по северной трассе.

«Ауди» выкатилась за ворота, и Нежданов свернул направо, преодолев длинный прямой отрезок. Он выжимал из машины максимум, но впереди было пусто. «Мерседес» нагнать не удалось.

— Словно испарились! Шумахеры! — зло процедил Нежданов.

— Да оставь, Петр Михайлович... Ты что, плохо меня понял? Займемся свидетелями.

— Виктор Георгиевич, — покачал головой Нежданов, — я как-то свыкся с тем, что вы умнее меня. Но не держите в потемках простого человека. При чем тут свидетели? Два главных свидетеля укатили на «мерседесе». Их-то вы не подготовите и не подмажете.

— Как всегда, ты прав, Петр Михайлович. И как всегда, наполовину, — слегка улыбнулся Хардин. — Вот если бы улизнул Зубарев, тогда я согласился бы: тушите свет, сливайте воду. Но Зубарев мертв, я лично всадил ему в спину очередь.

— Ну и что?

— А то, о чем я имел честь беседовать с тобой ранее. Я ни на йоту не верю, что наши влюбленные жаждут расстаться с грузом. До Колдино я еще допускал такую возможность, теперь — нет. Если они не побежали к властям сразу, не вижу, почему они должны сделать это сейчас. Нет, Петр Михайлович, молодой человек задумал свою игру. Но он слаб, а мы сильны. Где ему с нами тягаться...

— Вы считаете, что нам удастся найти их и вернуть плутоний?

— Конечно. И они понимают, что мы, вот так, от чистого сердца, плутоний им не подарим. Следовательно, будут прятаться. Вопрос — где? Не в Москве, это ясно. Москва — не их город, а наш. В Самаре, где у них полно знакомых, и где они могут рассчитывать отсидеться в безопасности.

— До Самары им еще надо добраться, — резонно заметил Нежданов.

— Да. И если у них это не получится, если они по пути влипнут в какую-нибудь историю, вот тогда плутоний для нас потерян. Но, думаю, не влипнут. Юноша довольно изворотлив... Придумает что-нибудь.

— Сомневаюсь в главном... Ну, зачем им плутоний, куда они его денут? Снесут на барахолку?

— Петр Михайлович, в жизни я много раз видел, как мальчишки с воображением пробуют играть в мужские игры, переоценивая собственные возможности. Кончается это всегда одинаково, но не в том соль... Они могут решить, например, попытаться вывезти груз из страны, хотя бы под видом туристов.

— Не выйдет.

— Разумеется! Но они-то этого не знают...

За окнами машины замелькали унылые однообразные перелески.

— Куда мы все-таки едем? — спохватился Нежданов.

— Есть тут у меня надежное место, где сидят не менее надежные люди... Второй поворот налево. Разберемся коротенько с нашими проблемами — и в Самару. На сей раз осечек не должно быть, Петр Михайлович.

10

Отряхиваясь от осколков разбитого пулями заднего стекла «мерседеса», Кедрин привстал с пола и вскарабкался на сиденье.

— Вы не ранены?! — тревожно спросила Надя.

— Поцарапан осколками, ерунда...

На дороге появилась быстро приближающаяся к «мерседесу» встречным курсом белая «восьмерка».

— Андрей, — обратился к Зорину Кедрин. — Кажется, он там один? Да, один... Препградите ему путь.

— Зачем?

— Затем, что я намереваюсь отобрать у него машину... Да делайте же то, что я говорю, не мешкайте!

Андрей притормозил, развернул «мерседес» поперек дороги. «Восьмерка» встала как вкопанная. Перепуганный водитель, едва завидев «снэйк» в руке вышедшего Кедрина, послушно покинул машину.

— Простите, — вежливо произнес Сергей. — Мы не бандиты, в известном смысле — наоборот... Но так сложились обстоятельства, что нам нужна ваша машина. И дайте мне ваш пиджак...

Озадаченный этими словами владелец «восьмерки» снял пиджак и протянул Кедрину. Тот переоделся, перебрасывая пистолет из руки в руку, и неожиданно приказал:

— Подойдите к машине! Не к моей... К вашей! Повернитесь спиной!

Водитель выполнил приказ, и Кедрин тут же огрел его рукояткой пистолета по затылку. Затем, поддерживая оседающего человека, распахнул дверцу, втиснул его на заднее сиденье «восьмерки» и провозгласил:

— Теперь мы — отъявленные преступники. Андрей, Надя, пересаживайтесь в его машину.

— А вы? — спросил Зорин.

— А я позабочусь о «мерседесе». Не хочется, чтобы они сразу его нашли, пусть поломают голову. Вон там я вижу симпатичный мостик через речку... Остановите где-нибудь рядом его машину.

Кедрин перенес чемодан в салон «восьмерки» и сел за руль «мерседеса». Подъехав к реке, выбрал место, где берег высоко нависал над водой, отвел машину подальше и начал разгон. «Мерседес» плавно наращивал скорость. В считанных метрах от обрыва Сергей выпрыгнул из кабины и покатился по траве. «Мерседес» по инерции совершил свободный полет едва ли не до середины реки и обрушился в воду, подняв сверкающий каскад брызг. А он сел в захваченную «восьмерку» и расположился сзади, возле поникшего водителя, на случай возможных осложнений с ним.

— Куда теперь? — спросил Андрей.

— Да в любой городишко поблизости, где можно сесть на поезд в Самару, — ответил Кедрин. — Куда именно ехать — сейчас соображу... А отправить вас в Самару, не «засвечивая» ваших документов, я сумею...

— Так вы отправляете нас домой?

— Пока да. В ближайшее время здесь будет жарко, очень жарко... Мне будет намного спокойнее, если вы некоторое время посидите дома. И сидите, пожалуйста, тише воды ниже травы! Никаких встреч, никаких разговоров. Позже, конечно, вам придется...

— Подождите! — перебила его Надя. — Как это — тише воды? У нас родственники есть! Они с ума сойдут от беспокойства после того, что произошло на «Брюсове»! Да и полиция будет нас искать...

— Родственникам сообщите, что вы живы и здоровы. А вот с полицией и прочими... гм... структурами пока, прошу, никаких контактов. По крайней мере, по вашей инициативе... Если вас все же будут расспрашивать, сошлитесь на шок, нежелание вспоминать этот кошмар. Надеюсь, такая конспирация ненадолго... Найдете, где можно будет тихо отсидеться?

— Пожалуй, но...

На сиденье заворочался и закричал владелец «восьмерки».

— Все в порядке, — обратился к нему Кедрин. — Вскоре получите вашу машину в целости и сохранности. Пиджак придется конфисковать, но за него я вам заплачу...

11

Кедрин и Свиридов сидели в квартире Кедрина при неярком свете лампы под желтым абажуром, разговаривали вполголоса. Несмотря на ободряющий контрастный душ и хорошую дозу виски, Сергей чувствовал себя измученным и разбитым. По-своему не легче пришлось и полковнику, но для обоих еще не настало время получать награду — желанный сон. Чемодан с плутонием стоял у стены.

— Что же мы имеем, Влад? — задумчиво проговорил Сергей. — Да ничего, в сущности...

— Разве плутоний — это ничего? — возразил Свиридов.

— Мы даже не можем его официально сдать, пока не узнаем, кто такие эти Коммерсант, Генерал и Дипломат. Иначе кто может гарантировать, что мы сами не отдадим его прямо в их руки?

— Какие идеи?

— Во-первых, работа с материалами Мастера. По крупницам анализировать все, что у него есть на Шабалина. Может нарисоваться след. Стоит

коснуться и других его дел, кто знает, куда ниточки потянутся... Далее — анализ служебных и внеслужебных контактов самого Шабалина...

— Согласен.

— Нет, но как же ты его все-таки упустил! В руках ведь все было!

— Не добивай меня, Сергей. Хотя... В одном его самоубийство нам полезно.

— В чем же?

— В изготовлении версии, откуда у нас плутоний. Официальной, я имею в виду. Если мы выложим все как есть, в тюрьму еще угодим... Наворотили-то мы немало. А так — Шабалин сам мне его отдал перед самоубийством, и весь сказ... Ладно, теперь вот еще что. Ты говорил, что Андрей Зорин узнал о плутонии из подслушанного разговора Кортунова и Мазина. Неплохо бы его расспросить об этом разговоре подробнее. Возможно, он припомнит важные детали. Пожалуй, ты поторопился отправить ребят в Самару... Кстати, договорился с ними о связи?

— Ну, они остались без мобильных... Оно и к лучшему — незачем кричать на всю страну... В Самаре собирались остановиться на даче у подруги Вержиной, координаты у меня есть. Это старая дача, там ни телефона, ни Интернета... Так что я просил их заходить в интернет-кафе, проверять сообщения на бесплатной почте.

— Хорошо. А что делать с Хардиным и Неждановым?

— А что с ними сделаешь? Их и без нас поймают, когда основательно раскрутят захват теплохода. Шила в мешке не утаишь. Только вот если... — Сергей вдруг осекся на секунду, затем медленно произнес: — Они стреляли в меня, Влад. Я сидел сзади, несколько пуль попало мне в спину, меня сбросило на пол. Они видели это и уверены, что я убит...

— Следовательно? — нахмурился полковник.

— Следовательно, Андрей и Надя в смертельной опасности. Боже, какой я идиот!

— погоди, Сергей. Что это, в сущности, меняет? Пусть они думают, что чемодан с плутонием остался у ребят. По логике, он давно сдан первому же полицейскому патрулю.

— Если бы они так рассуждали! Но нет, Влад, тут есть одна тонкость. Андрей и Надя не пошли в полицию в Колдино. Хардину это известно. Но Зорин поступил так по моему настоянию, и вот это ему не известно. Важнейшее звено изъято из его построений, и цепь замыкается накоротко. Что бы ты решил на его месте?

— Что Зорин намерен за чем-то присвоить плутоний.

— Правильно. Мы должны немедленно лететь в Самару, Влад. И сообщай, как провезти самолетом оружие.

— Придется воспользоваться аурой власти... Я — это не ты с твоей филькиной грамотой... Черт, как жаль, что нельзя связаться с ребятами!

— А что бы мы им сказали? Посоветовали бы сменить убежище? А чем любое другое безопаснее этого? Или призвали бы к осторожности? Это они и без нас знают...

— Но мы не можем лететь прямо сейчас.

— Почему?

— Потому что мне придется уладить кое-что на службе, а тебе необходимо поспать.

— Влад, но...

— Никаких «но»! Много от тебя будет толку, если ты по дороге хлопнешься в обморок от усталости...

12

Дача Тани Авдеевой располагалась на берегу Волги в тихом тенистом месте под раскидистыми кленами. Она была совершенно не похожа на роскошную резиденцию Хардина, да и вообще мало напоминала какую-либо резиденцию. Небольшой запущенный участок, где росло больше сорняков, нежели полезной флоры, деревянный дом солидного возраста в два этажа. Правда, второй этаж так и не был достроен после смерти деда нынешней владелицы дачи. Дед, единственный родственник Тани (ее родители погибли в автокатастрофе, когда девочке едва исполнилось пять лет), умер три года назад, а у Тани не нашлось ни денег, ни желания достраивать дом.

Тем не менее, минимальные удобства на даче имелись — электричество, вода, летний душ, печка и даже подслеповатый черно-белый телевизор. По нему и смотрели сейчас программу новостей Андрей и Надя. Миловидная дикторша рассказывала о небывалом преступлении — пиратском нападении на теплоход «Валерий Брюсов». Перечислялись громкие имена жертв, смаковались подробности...

— Выключи, — попросила Надя. — Меня от этого тошнит.

Андрей наклонился к телевизору, но задержал палец на кнопке и, вопреки просьбе девушки, прибавил звук.

— ...Считавшиеся ранее пропавшими без вести, — отчетливо донеслось до Нади окончание фразы. — Нашему самарскому корреспонденту удалось связаться с родными Андрея Зорина и Надежды Вержиной. По их словам, Зорин и Вержина живы и вернулись в Самару, но их местонахождение в настоящий момент неизвестно. Надежда и Андрей, если вы смо-

трите нашу программу, пожалуйста, позвоните в управление ФСБ по Самарской области по телефону...

Покачав головой, Андрей выключил телевизор и буркнул себе под нос:
— Разбежались!

Внезапно он насторожился и повернул голову к окну:

— Что это там? Вроде шаги какие-то...

— О Господи, трусишка! — улыбнулась Надя. — Ты так и будешь держаться от каждого звука?

— Боюсь, теперь это останется со мной надолго...

— А ты не бойся. Я сейчас покажу тебе одну штуку...

Она выбралась из-за стола, скрылась в другой комнате и вышла с пистолетом в руке. Это был «глок», принадлежавший некогда Родриго Санчесу и подобранный ею на полу в особняке Хардина.

— О, какой дулливер, — сказал Андрей, взвешивая на ладони оружие. — За такой года три дадут...

— За любой дадут, а с ним спокойнее. — Надя забрала пистолет у Андрея, положила его на верхнюю полку стенного шкафчика и прошептала: — Иди ко мне...

...В то время, когда они занимались любовью на старой, по-чеховски романтической даче у Волги, к зданию самарской филармонии подъехала угнанная машина. В ней находились Хардин и Нежданов.

13

— Молодой человек! — позвал Хардин, опустив стекло дверцы.

— Я? — повернулся к нему высокий юноша с буйной артистической прической, полминуты назад покинувший филармонию через служебный вход.

— Да, вы... Подойдите.

Юноша приблизился. Хардин издали показал ему удостоверение Кедрина, на котором даже не удосужился переклеить фотографию.

— Зубарев, сотрудник ФСБ. Представьтесь, пожалуйста.

Молодой человек поколебался, но удостоверение и хмурый вид сидевшего за рулем Нежданова убедили его.

— Невзоров Павел, пианист.

— Вы знакомы с Надей Вержиной, Паша?

— Ну, конечно... Мы вместе работаем...

— А мы расследуем дело о нападении на теплоход «Валерий Брюсов». Слышали, разумеется?

— Ну, да...

— И нам, — продолжал Хардин, — крайне важно поговорить с Вержиной, да вот найти ее нигде не можем. Дома ее нет, в филармонии нет... Вы не знаете, где бы она могла быть?

У Павла отлегло от сердца. Из телепередачи ему было известно, что ФСБ ищет Надю. Это естественно... Все в порядке.

— Я не знаю, — чуть виновато произнес он. — Мы с ней не очень-то, понимаете... Здравствуй — до свидания. Вам бы к Тане Авдеевой обратиться, скрипачке. Они подруги.

— А где найти Авдееву?

— Как раз репетиция закончилась, она должна сейчас выйти, если еще не ушла... Да вон она... Таня!

Изящная девушка в светлом платье оглянулась. Павел помахал ей рукой, и она подошла ближе.

— Тут вот... Из ФСБ, хотят с тобой поговорить... А я свободен?

— Как ветер, — кивнул Хардин.

Невзоров ушел. Хардин усадил Таню в машину и слово в слово объяснил ей то же, что и Павлу.

Девушкой владели противоречивые чувства. С одной стороны, Надя строго наказала ей хранить секрет, с другой — ФСБ, дело о захвате теплохода, это не шутки... Таня растерянно молчала.

— Мы заботимся о безопасности Вержиной, — поднажал Хардин. — Открылись новые обстоятельства, и ей может понадобиться наша помощь.

Эти слова оказались решающими.

— Она на моей даче, — сказала Авдеева. — Если хотите, я могу поехать с вами, показать, где это.

— Спасибо, мы сами доберемся. Только нарисуйте нам план.

Девушка вынула из сумочки записную книжку, авторучку, начала рисовать.

— Здесь увидите большую рыжую цистерну для воды, за ней повернете к Волге... И налево... Участок сорок четыре...

Когда Таня уходила прочь от машины, на душе у нее скребли кошки. Подвела она Надю или оказала ей услугу?

— Поехали! — Хардин хлопнул Нежданова по плечу.

14

Надя и Андрей перетащили телевизор на второй этаж, где было хоть и жарче, зато меньше комаров. Андрей сразу с головой погрузился в транс-

ляцию футбольного матча, Надя забралась на диван и раскрыла найденный внизу томик Ронсара.

— Сколько бы поэты не писали, — заметила она, не отрываясь от книги, — пишут все об одном и том же...

— Весьма тонкое наблюдение, — иронично поддержал красивый баритон за дверью, и в комнату шагнул Хардин.

Надя завизжала от ужаса. Она никогда не видела Хардина без маски (и за окном третьего этажа особняка во время бегства, конечно, не разглядела), но этот голос! Голос человека, который хотел убить ее на теплоходе в назидание остальным! Может ли тут ошибиться музыкант с абсолютным слухом?

Отшвырнув стул, Андрей рванулся к балкону, чтобы спрыгнуть вниз и бежать в комнату за пистолетом... Но Нежданов, проникший на балкон по приставной лестнице, грубо втолкнул его обратно.

— Заседание клуба объявляю открытым, — заговорил Хардин, вытаскивая внушительный пистолет Стечкина, — поскольку кворум налицо... Андрей, как вы недоверчивы! Я ведь вам говорил, что убью вас, и даже предлагал выбрать смерть по вкусу... Вы не поверили, устроили мне довольно-таки обременительный экзамен, и кто в результате прав? Ладно, ладно, не надо меня бояться, я пошутил. Дарю вам жизнь. Не верите? Честное слово.

— Вы уже давали слово, — напомнил Андрей. — На теплоходе.

— Кто старое помянет, тому глаз вон. Отдайте плутоний, и мы уйдем.

— Плутоний?! Но он... — Андрей прикусил язык.

— Да? — подхватил Хардин. — Где он, что он?

— Он там, где я его спрятал. Вы его получите. Условия таковы. Первое — девушка уезжает отсюда сейчас...

— Ладно, посмотрим. А что еще?

— Сто тысяч долларов наличными, тоже сейчас.

— Сейчас? — удивился Хардин. — Вы полагаете, я вожу с собой маленький частный банк?

— Понимаю, с собой у вас нет. Отправьте за деньгами его, — кивнул Андрей в сторону Нежданова, — или давайте встретимся позже и совершим обмен.

Багровый от ярости Нежданов угрожающе взмахнул пистолетом:

— Он смеется над нами, Виктор Георгиевич! Привяжем девицу к стулу и вырежем ей глаз, как в вашей поговорке. — В его левой руке появился острый как бритва нож с выкидным лезвием.

— Ну, ну, — неодобрительно покосился на нож Хардин. — Вообще-то я противник экстремальных мер... Но, надо признать, иногда они срываются. Действуйте, Петр Михайлович!

Нежданов начал приближаться к девушке, похожий на бесстрастного робота-убийцу из фантастического фильма.

И тут в неподвижном жарком воздухе вдруг зазвенели стальные ноты нового голоса:

— К стене! Быстро, я сказал!

Молниеносно обернувшись, Нежданов выстрелил в Свиридова, бесшумно прокравшегося по лестнице и теперь загородившего дверной проем. Удар пули оторвал щепку от косяка над ухом полковника. Почти одновременно, с запозданием на четверть секунды, Свиридов выстрелил в ответ. Нежданов закатил глаза, выронил пистолет и нож, шатаясь, шагнул к балкону, но, потеряв равновесие, перевалился через низенькие перильца и рухнул с трехметровой высоты на землю. Его тело сотрясла последняя судорога.

Скорость реакции Хардина была поразительной. За тот короткий промежуток времени, пока Нежданов и Свиридов палили друг в друга, он метнулся к дивану, рванул девушку за плечо и крепко сдавил ей горло, а ствол пистолета в его правой руке прижался к виску Нади.

— Бросьте оружие! — приказал он Свиридову и показавшемуся вслед за ним Кедрину.

Полковник разжал руку, и пистолет с жестким стуком упал на пол. А вот Сергей не спешил расставаться со «снэйком».

— Застрелите ее, — сказал он. — Мой друг немного сентиментален, но я — нет. Застрелите ее, чтобы я мог со спокойной совестью всадить вам пулю в лоб...

— Я не верю, что вам все равно, Зубарев, — нервно засмеялся Хардин. — Вы блефуете... Отойдите к стене!

Кедрин сделал шаг назад.

— Ага! — торжествующе выкрикнул Хардин и, поддев носком ботинка пистолет полковника, отбросил его через балкон. Пистолет Нежданова полетел следом. Еще сильнее стиснув горло Нади, он двинулся к выходу. Пятясь, стащил девушку по лестнице и, не отрывая ствола от ее виска, направился к калитке. Кедрин и Свиридов медленно шли за ним на солидной дистанции. Напряжение достигло предела — казалось, в воздухе потрескивают электрические искры. Сергей держал голову Хардина на прицеле, но стрелять не решался — слишком велик был риск попасть в Надю. Не решался стрелять в вооруженного противника и Хардин. Тогда ведь придется выпустить из рук заложницу, и в случае промаха ему конец...

У калитки он остановился и, скривившись в злой ухмылке, выкрикнул:

— Прощайте, господа! Сегодня выигрыш мой. Девушку я забираю. Скорее всего, вы вскоре найдете ее труп в канаве, но если она мне понравится, я увезу ее в свой замок в Шангри-Ла...

Договорить Хардин не успел. Грянул выстрел, и выше его правой брови расцвела алая роза с отвратительной черной сердцевинкой. Надя отшатну-

лась, и тот, кого звали Виктором Георгиевичем Хардиным, уткнулся лицом в землю.

Кедрин и Свиридов разом повернулись на сто восемьдесят градусов. На ступенях крыльца стоял Андрей Зорин, стискивая в руке дымящийся «глок».

— Великолепный выстрел, — потрясенно пробормотал Свиридов. — Подумать только, с тридцати метров...

Надя подбежала к Андрею и кинулась в его объятия.

— Я не знала, что ты так хорошо стреляешь, — прошептала она.

— Хорошо стреляю? — с неподдельным изумлением повторил Андрей. — Да я никогда в жизни не стрелял, ни разу. Даже в тире из пневматической винтовки.

— Что? Ты хочешь сказать... Боже! Ты ведь мог убить меня!

— Надо же было что-то делать, — пожал он плечами. — У истории нет со-
слагательного наклонения, Надя... Происходит то, что происходит. Вот и все.

15

К ним подошли Кедрин и Свиридов.

— Далеко здесь отделение полиции? — деловито осведомился полковник.

— Если соседи позвонят из-за стрельбы, — ответила Надя, — они будут здесь не раньше, чем минут через двадцать. Хотя могут и не позвонить. Тут детишки любят пиротехникой развлекаться, так что пальба — дело привычное.

— Я бы не стал на это рассчитывать, — покачал головой полковник. — Но двадцать минут — фора солидная, успеем.

— Что успеем?

— Соорудить тут кое-какую инсценировку и исчезнуть, — пояснил Кедрин. — Мы с Владиславом Михайловичем здесь не совсем на законных основаниях... Да и на законных выкручиваться было бы трудновато... Кстати, перед вами Владислав Михайлович Свиридов, полковник ФСБ. А меня зовут Кедрин Сергей Николаевич.

— Не Зубарев? — удивился Андрей.

— Зубарев — это оперативный псевдоним.

— А, понятно.

— И вы едете с нами... Снова в Москву.

— Вот как! Сюда и обратно!

— Да, сюда и обратно. Я считал, что здесь для вас безопаснее, но, как видите, ошибся. И теперь ситуация изменилась не в лучшую сторону. Вам нужно алиби, а обеспечить его мы сможем только в Москве.

— Но с подачи наших родственников, — проговорила Надя, — весь мир знает, что мы вернулись в Самару.

— Подумаешь! Приехали, уехали... Главное, что вы не были на этой даче во время... событий.

— А Таня Авдеева?

— Ваша подруга, хозяйка дачи?

— Да.

— Придется ее предупредить. Но не будем терять времени...

Инсценировка выглядела так. «Глок» вложили в руку Нежданова, а пистолет полковника бросили возле трупа Хардина, предварительно уничтожив все лишние отпечатки. Остальное оружие — «снэйк», «стечкин» и нож Нежданова — забрал Свиридов. Все следы пребывания Нади и Андрея на даче были также тщательно ликвидированы.

— И никто не знает, — прокомментировал Кедрин, — кто эти двое, как попали сюда, почему между ними произошел этот конфликт... А главное, мы не знаем. Впрочем, кое-чего я и впрямь не знаю! Например, откуда у вас пистолет, Андрей?

— Я ведь уже говорила вам, Сергей Николаевич, — улыбнулась Надя, — что натянуть вам нос — пара пустяков!

16

В номере московской частной гостиницы Кедрин открыл четыре банки пива — для себя, Свиридова, Андрея и Нади. Пиво было безалкогольным, потому что их беседа не предполагала даже небольшого расслабления внимания... А речь шла о разговоре Картунова и Мазина, подслушанном Андреем на теплоходе. На столе стоял включенный диктофон.

— Андрей, — говорил Кедрин, — постарайтесь припомнить все абсолютно точно, до мелочей. Даже то, что кажется вам несущественным.

— Попробую, — кивнул Зорин. — Значит, я тогда перебрал... Не так чтобы слишком, но, в общем, был подшофе. Потерял ключ от каюты и решил залезть в окно. Перепутал, влез не в свое окно, а в чужое. А это как раз оказалась каюта Картунова и этого... Мазина. Когда они стали открывать дверь, я испугался и спрятался в туалете. Их разговор... Ну, Мазин сказал, что ему не по себе, потому что они практически сидят на атомной бомбе. Картунов ответил, что плутоний не взрывается сам по себе и что от радиации защищают надежные контейнеры. Тогда Мазин сказал, что боится влипнуть в историю с каким-то доктором... Вот фамилию я забыл.

— Он и фамилию доктора назвал?

— Назвал, но я не могу вспомнить.

— Постарайтесь, Андрей! Вы понимаете, как это важно. Вспоминайте. Фамилия была длинная или короткая? Звучала обыденно по-русски или скорее экзотически? На какую букву начиналась?

— Скорее, длинная... Начиналась... не помню, а вот кончалась, кажется, на «ский». Ну да, точно на «ский». Напоминала какую-то знаменитую фамилию, не то Тарковский, не то Буковский... Нет. Не помню.

— Ладно, — вздохнул Сергей. — Продолжайте.

— Картунов сказал, что этот доктор — человек Ферязина...

— Ферязина? — вмешался Свиридов. — А эту фамилию вы точно запомнили?

— Да, эта почему-то врезалась в память. Ферязин.

— Дальше?

— Дальше Картунов начал рассказывать о лаборатории или клинике этого доктора, куда ездил со своим шефом.

— Имени шефа не называл?

— Нет. Описывал эту клинику или лабораторию. По его словам, там была необычная медицинская аппаратура. На него произвела впечатление какая-то машина с двумя зеркальными кругами на передней панели. В этих кругах были зеленые трехлучевые звезды, наподобие эмблемы «мерседеса». Он говорил, что медицинская аппаратура ему не в диковину, но такого он никогда и нигде не видел...

— А что за лаборатория, где расположена, чем там занимаются?

— Об этом он не говорил... Собственно, это почти все. Тут за Картуновым зашла какая-то женщина, и он ушел с ней. Спустя какое-то время Мазин лег спать, и я выбрался в коридор.

Кедрин выключил диктофон и положил его в карман.

— Хоть чем-то это вам поможет? — поинтересовался Андрей.

— Надеюсь, что да, — ответил полковник и встал. — Во всяком случае, одна фамилия у нас есть... И этот доктор... Подумаем. Поехали, Сергей.

— Куда?

— Объясню по дороге. А вас, — обратился он к Андрею и Наде, — очень прошу, из гостиницы ни шагу!

Спустившись вниз, Свиридов и Кедрин сели в машину.

— Так, — заговорил Сергей. — И что же у нас получается?

— Получается интересная вещь, — загадочно улыбнулся Свиридов. — Точнее, интересный человек — Ферязин...

— Я заметил, как ты среагировал. Кто это такой?

— О Ферязине чуть позже... А с Михаилом Павловичем Кипеловым ты знаком?

— Кипелов! Легенда нашей «конторы»... Ну, как же... Не могу сказать, что был знаком с ним близко — так, здоровались в коридорах. Но наслышан, конечно!

— Он недавно вышел в отставку. Как раз вплотную занимался делом этого самого Ферязина... Давай-ка его навестим, Сергей.

— Но придется все ему рассказать?

— Хотя бы главное. Да не тот человек Кипелов, от кого я стал бы шифроваться...

— Ясно. Значит, едем к Кипелову.

— Сейчас позвоню, узнаю, дома ли он.

Полковник достал телефон и набрал номер.

17

Свиридов имел все основания доверять Кипелову — человеку, который не раз выручал его мудрым советом, и не только. Михаилу Павловичу перевалило за шестьдесят пять, чего никак нельзя было сказать, глядя на его энергичную подтянутую фигуру и молоджавое лицо с пронизательными серыми глазами. Лишь поблескивающая в коротко остриженных волосах седина выдавала возраст. Кипелов начал рядовым оперативником и закончил службу начальником одного из важнейших отделов. Безупречная честность, безукоризненное понятие о чести и долге, острый ум и тактическая изобретательность этого человека вошли в поговорку, но именно поэтому у него не было близких друзей. Едва ли мог причислить себя к близким людям и Свиридов, хотя все же как-то ухитрялся с ним ладить. И вот теперь он решил рассказать Кипелову все, что можно, вернее, все, что необходимо для понимания проблемы.

Свиридов и Кедрин поднялись по лестнице на второй этаж. Полковник дважды надавил кнопку звонка у обшитой деревом металлической двери. Замок загремел почти сразу.

— Здравия желаю! — сердечно произнес он и протянул руку.

— Не через порог, — буркнул Кипелов, отступив в сторону, чтобы пропустить гостей в прихожую. — Знаешь, Влад, к старости мы все становимся суеверными... И вам здравствуйте, Сергей Николаевич, — пожал он руку Кедрину и провел их в маленькую уютную гостиную.

Первые несколько минут были посвящены ни к чему не обязывающим репликам, а потом, пристально взглянув на полковника, Кипелов произнес:

— Выкладывай, Влад, что привело вас ко мне?

— Трудновато будет начать... — вздохнул Свиридов. — Уж больно история закрученная.

— А вот давайте вместе и раскрутим, — предложил Михаил Павлович, набивая крепким табаком вишневую трубку.

Полковник кратко, сжато и точно изложил Кипелову последние события, подчеркивая роль Кедрина, и остановился на фамилии Ферязина.

— Вот о нем-то, — заключил он, — мы и хотели бы поговорить. Я более или менее в курсе, а вот Сергей о нем не знает ничего.

— Дело гнусное, Сергей Николаевич, — произнес Михаил Павлович. — Этот Ферязин... Да, он был авантюристом высокого полета. Интеллектуал, с невероятной фантазией... Изощренной, я бы сказал. Покончил с собой, не дожидаясь ареста, и нам пришлось всю грязь разгрести уже без него. Я бы не удивился, если бы узнал, что история с плутонием — его наследство. Такое ему, пожалуй, было по плечу... Хотя ничего подобного не всплывало даже намеками. Но вас ведь интересуют не мертвые, а живые? Этот доктор, как я понимаю?

— Да, — ответил Кедрин, — конечно, доктор. Если это человек из окружения Ферязина, то... Беда в том, что зацепок маловато. Ну, доктор... А доктор чего? Поскольку это связано с плутонием, логично предположить, что доктор физики или чего-то в этом роде. Но клиника или лаборатория с медицинским оборудованием наводит на другую мысль... Непонятно.

— Непонятно, — согласился Кипелов. — Но любопытно вот что. Нам удалось накрыть практически всю сеть Ферязина. Но когда я допрашивал свидетелей, нарисовалась занятная картина. На горизонте как будто маячила еще одна фигура, только подходов к ней не было никаких. Ферязин встречался дома, на даче, ездил на рыбалку с каким-то неизвестным человеком. Имени его никто не знал, описания внешности давались противоречивые, по фотографиям из окружения Ферязина никто его не опознал. А ведь выходило, что они с Ферязиным были чуть ли не закадычными друзьями. В общем, Кентервильское привидение. Есть человек — и нет человека. Формально не было оснований его искать. Ладно, приятель Ферязина, дальше что? И у преступников могут быть приятели, не замешанные в их делах. Но в частном порядке я кое-что предпринял. Я рассуждал так. Если человек не прячется, хоть кто-то из очерченного круга его знать должен. А раз никто не знает, значит, он прятался... Почему? Причина должна быть серьезной. И если так, не поспешил ли он исчезнуть после гибели Ферязина? Я поднял списки людей, пропавших без вести в Москве и Подмосковье в конкретный период. Таковых насчиталось, ни много ни мало, две тысячи шестьсот семьдесят два человека... — Заметив удивление гостей, Михаил Павлович улыбнулся и продолжил: — Цифра только выглядит впечатляюще.

Большинство из них можно было отбросить сразу. Дети, женщины, а также люди слишком молодые или слишком старые. К тому же вряд ли этим таинственным другом Ферязина мог быть слесарь или школьный учитель. Поэтому я вычеркнул еще многих и оставил в списке девять имен. Мужчины в возрасте приблизительно от сорока до пятидесяти лет, с определенным статусом, заинтересовавшие меня психологическими портретами. Далее начались гадания, но не лишённые логических оснований. Пять душ бизнесменов, их я с большой долей уверенности исключил. Во-первых, не того полета птицы, чтобы попасть в орбиту Ферязина. Во-вторых, они, похоже, стали жертвами разборок или сбежали от таковых. Оставались прокурор, сотрудник министерства, банкир и врач.

— Врач! — воскликнул Кедрин. — Доктор!

— Подождите, Сергей Николаевич, выслушайте сначала.

— Простите...

— Так вот, я решил заняться всеми четырьмя, но тут нашелся прокурор, и выяснилось, что это явно не искомое лицо. Итак, их осталось трое... Я тщательно покопался в биографии каждого. В принципе, любой из них мог быть тем самым, но наибольшее подозрение вызвал у меня именно врач... Врач-то не простой, а весьма примечательный. Начинать с психиатрии, потом в Англии изучал нейрофизиологию и нейрохиргию. Талантливый ученый, разрабатывал какие-то новые методики лечения болезней, ранее считавшихся неизлечимыми. Подозревали, что он экспериментирует на пациентах, но тут ничего не доказано. Знавшие его люди отмечали в нем смелость и независимость мышления, эгоцентризм, демонстративное презрение к принятым нормам, склонность к рискованным эскападам. Личность определенно неординарная... А что особенно для нас важно — совпадение дат и мест. Этот доктор Барковский почему-то часто оказывался в тех местах, где бывал Ферязин, и как раз в то время.

— Барковский, — пробормотал Кедрин. — Фамилия на «ский»... Но куда же он подевался?

— А вот этого мне узнать так и не удалось, — ответил Кипелов. — Возможно, уехал за границу под чужим именем...

— Но если это тот самый доктор, — заметил Свиридов, — значит, вернулся...

— Значит, вернулся, — подтвердил Михаил Павлович. — И тот это доктор или не тот, поискать его явно стоит.

— Но как же его искать? Мы не знаем даже, как его сейчас зовут. И если он и впрямь такая осторожная лиса, то наверняка действует через подставных лиц... Хотя бы фотографии его вы можете нам дать?

— Фотографии я вам дать могу. И те сведения, что о нем собрал.

— Но нам не на кого опереться в Управлении. Любой, кому я доложу, может оказаться Коммерсантом, Дипломатом или Генералом! Я никому не верю...

— Так уж, и никому? — прищурился Кипелов. — А что скажешь о Квитко?

— Начальник специального отдела «Буран»?

— Да, о нем. На мой взгляд, он человек дельный.

— Дельный... Но к нему я обращусь только тогда, когда в моих руках будут неопровержимые доказательства! Такие, чтобы никакой Дипломат.. или Коммерсант... не мог бы уже ничего затормозить или развернуть!

— Разумно, — согласился Михаил Павлович. — А дипломаты эти с коммерсантами... Это раньше они могли вести себя нагло. А теперь, когда нет Советника, и у них все трещит по швам, поостерегутся, будут шкуру свою спасать.

— Это меня мало утешает. И заяц бывает опасным, если его загнать в угол. А они далеко не зайцы...

18

— Надя, мы должны помочь им, — сказал Андрей.

— Угу, — промычала она с набитым ртом и вдруг встрепенулась. — Кому?

— Как кому? Кедрину и Свиридову, конечно... Эти люди спасли нам жизнь!

— Подожди, но... Как же мы им поможем?!

— Есть у меня одна мыслишка...

— Какая? — Надя даже бутерброд отложила. — Если ты...

— Да нет, нет, ничего такого авантюрного. Просто я подумал, что если мы достанем для них важные сведения, то...

— Да как же мы достанем такие сведения?! Тем более что нам приказано сидеть в гостинице...

— Мало ли что кому приказано! А они что, приказы выполняли, когда за нас подставляли себя под пули этих гадов?

— Но что же мы можем сделать?

— Мы можем попытаться. Не выйдет, так не выйдет... Помнишь, ты мне говорила на теплоходе о своей подруге? Той, что работает в РИКОНе?

— Лена? Конечно, и что?

— Так я вот о чем подумал... Доктор этот... С его загадочной аппаратурой... Может быть, он ее за границей заказывал... Или хотя бы части ап-

паратуры... И Лена может об этом что-то знать. Не было ли чего-то такого... По части необычной медицинской аппаратуры... Недавно...

— Ты с ума сошел! — отрезала Надя.

— Может быть, — медленно произнес Андрей. — А они?

— Что они?!

— Тоже с ума сошли, рискуя собой ради нас?

Надя помолчала немного, потом согласно кивнула:

— Да, ты прав. Ну, не выйдет, так не выйдет... Я сейчас позвоню Лене.

Она дозвонилась до подруги, поговорила с ней и, отключившись, подошла к Андрею:

— Значит, так, — начала она без предисловий. — Сама Лена никак с медицинским оборудованием не связана, это не ее отдел. Но были у них там подозрения... насчет некоего Леонида Анатольевича Кравцова и счетов компании «Верентис». Несколько странных перечислений, и как раз по поводу медицинской аппаратуры... Служебный адрес Кравцова она мне дала, а вот о компании «Верентис» не знает ровно ничего... Говорю же, это не ее сфера...

— Это московская компания?

— Понятия не имею! Но отдел, где работает Кравцов, здесь, в Москве, недалеко...

— Я поехал!

— Куда?

— К Кравцову.

— Я с тобой!

— Хорошо, но ты подождешь меня на улице.

19

В кабинете начальника таможенной службы аэропорта Шереметево-2 было шумно из-за доносящегося из коридора гвалта. Хозяин кабинета, Борис Юрьевич Логвиненко, плотнее прикрыл дверь. Полковник Свиридов сидел перед ним на неудобном стуле и перетасовывал в руках три фотографии трех различных людей, наделенных определенным сходством между собой. Логвиненко вглядывался в фотографии по очереди. В его глазах мелькали то тени сомнения, то безусловное отрицание. Снимок Барковского он держал в руке долго, подносил близко к лицу и отодвигал подальше. Свиридов молча ждал.

— Возможно, — пробормотал таможенник, — да, не исключено...

— Вы видели этого человека? Вспоминаете его?

Логвиненко положил фотографию на стол и пожал плечами:

— Трудно сказать определенно, Владислав Михайлович. Запоминаются обычно пассажиры, причинившие хлопоты. А этот... И лицо у него ничем не примечательное. Как будто я видел его. Но когда... Вроде он вылетал в Лондон... Но как его звали... Простите, Владислав Михайлович, не припомню. Спросите моих ребят, кто знает, может, с ними вам больше повезет...

— И он вернулся?

— Не помню... У ребят лучше спросите, — повторил таможенник.

— Спросим, — кивнул Свиридов, хотя и не планировал такого опроса. Каким бы именем ни назывался Барковский, эти документы послужили ему лишь ненадолго — ясно, как день. Полковник вновь задал Логвиненко тот же вопрос:

— Будьте очень внимательны, Борис Юрьевич. Этот человек... Словом, это наверняка он?

Таможенник снова сравнил три фотографии и утвердительно кивнул:

— Да, без сомнения, точно он.

Свиридов облегченно вздохнул. Все-таки он получил подтверждение почти бесспорного для него факта, что Барковский пересекал границу России.

Но оставалась другая проблема: как теперь быть? Ведь никаких доказательств преступной деятельности Барковского у него нет! Но ничего, они с Кедриним обязательно доберутся до этого «ученого преступника», черт подери!

20

Андрей боялся, что его не пропустят. Но это оказалось самое обычное учреждение, где принимают посетителей. Ему выписали пропуск, и он, поднявшись на лифте на седьмой этаж, очутился в кабинете того самого Леонида Анатольевича Кравцова.

Леонид Анатольевич смотрелся так же потерто и уныло, как и все остальное в здании. Он невыразительно уставился на Андрея и пробормотал нечто, что могло означать: «Что вам угодно», или «Идите к черту», или, с тем же успехом, «Неплохая погода сегодня».

Перед визитом сюда Зорин долго прикидывал, под каким видом ему явиться: журналиста, частного детектива, сотрудника спецслужб? (Последнее отпало сразу: Андрей так же походил на сотрудника спецслужб, как яблоко на чемодан). Он решил выбрать имидж некоего загадочного человека себе на уме и сразу приступил к делу:

— Я — представитель общественности...

— Чем могу служить? — проскрипел чиновник.

— Меня интересуют сведения о зарубежных компаниях, поставляющих медицинскую аппаратуру по частным заказам.

Кравцов откинулся на спинку кресла и принялся разглядывать Андрея, как диковинную экзотическую рыбу в аквариуме.

— Каким именно?

— Не вполне законным, скажем так.

— Не знаю, кто вас информировал, — чуть свысока произнес чиновник, — но вы, по-видимому, не совсем представляете себе специфику проблемы.

— Совсем не представляю, — самоуверенно заявил Андрей. — Вот вы меня и просветите. Связи с общественностью — часть вашей работы. А я и есть общественность.

— Что ж, охотно, — пожал плечами Кравцов. — Видите ли, любая компания имеет право производить и продавать медицинское оборудование, которое прошло клинические испытания, рекомендовано Всемирной организацией здравоохранения и имеет соответствующий сертификат. Наша задача как раз в том и состоит, чтобы строжайше следить за выполнением этого правила. Любое отступление от него и есть нарушение закона.

— Но существуют же частные клиники, — не сдавался Андрей. — Их владелец может заказать аппаратуру для себя?

— Конечно. Если у такой клиники есть медицинская лицензия Росздравнадзора, если хотя бы один из ее учредителей является человеком с медицинским образованием... Следить за этим — и есть наша задача...

— Леонид Анатольевич, — перебил его Андрей, — теперь мне кажется, что это не я, а именно вы плохо представляете, как вы изволили выразиться, специфику проблемы.

— Что вы под этим подразумеваете? — беспокойно заерзал в кресле Кравцов.

— Я доподлинно знаю, что одна или несколько фирм выполняли не вполне законные заказы. Знаю, когда и для кого...

Немного блефа обедни не испортит!

Кравцов вытянул шею и глотнул, словно у него пересохло в горле.

— Я уже сказал вам, — хрипловато выдавил он, — что такое невозможно. Это преступление, понятно? Если бы нам стали известны подобные случаи, мы немедленно обратились бы к властям.

— Но теоретически, повторяю, те-о-ре-ти-чес-ки, — отдельно выговорил Андрей, — такая ситуация возможна, ведь правда?

— Не знаю, — с тоской протянул Кравцов. — Теоретически все возможно. Я утверждаю, что такая деятельность преступна. Но законом за-

прещается масса преступных деяний. Тем не менее, они происходят... И не я в этом виноват!

— Что ж, это уже кое-что. Следовательно, мы чисто умозрительно можем представить себе казус: на фирме «икс» работает инженер «игрек», возглавляющий скромный, но великолепно оборудованный цех, выпускающий точную электронику. И если бы, допустим, я предложил этому инженеру впечатляющую сумму, и если бы, допустим, инженер и пять-шесть его подчиненных оказались бы не слишком лояльными по отношению к фирме и закону...

— Что тогда? — упавшим голосом произнес Кравцов.

— Тогда, — торжествующе закончил Андрей, — инженер смог бы тайно изготовить аппаратуру или часть ее по моим чертежам, а вы бы смогли способствовать ее ввозу в Россию.

— Вы не представляете себе систему контроля на таких заводах, — заметно побледнел Кравцов. — Никто не сможет беспрепятственно воспользоваться оборудованием. Это абсурд!

— Может быть, — пробормотал Андрей под нос. — Но мы не учли другой вариант. А если это небольшая фирма, где работает всего с десяток человек? Если они во главе с владельцем делят гонорар за «левые» заказы? Если они для прикрытия противозаконного ввоза платят вам, чтобы вы закрывали глаза на их фокусы? И если одной из их машин является аппарат с зеркальными кругами и зелеными звездами? Разве эта зеркальная угроза не угрожает лично вам?

Кравцов вскочил. Шум его дыхания доносился даже до Андрея.

— Откуда вы? — напрямую спросил он.

— Не все ли равно, — небрежно обронил Андрей. — Чего вы так испугались? Ведь я привел чисто вымышленную картину. Вы-то не занимаетесь этими вещами, а?

Чиновник снова сел, но не успокоился.

— Безусловно, нет, — отрезал он. — С чего это вам в голову пришло?!

Андрей пронзил Кравцова рентгеновским взглядом и, поднявшись, иронично поклонился:

— Надеюсь, мы еще увидимся.

— Стойте! Чего вы хотите?

— Малого. Всего лишь адрес компании «Верентис». Реальный, а не юридический.

Кравцов сник. Ему позарез надо было выяснить, как много знает этот молодой нахал, и нельзя ли каким-то образом вывернуться.

— Но предупреждаю, — зло бросил он, — могу уделить вам только десять минут, так что будьте кратки.

— Что вы, Леонид Анатольевич, — расцвел в обаятельной улыбке Андрей. — Смею вас уверить, что вы можете уделить мне гораздо больше времени. Сколько мне потребуется. Я ни в коем случае не хочу причинять вам неприятностей. Вы — мне, я — вам. Да? Реальный адрес «Верентиса», и я никогда вас больше не побеспокою. По рукам? Вам ведь платили за то, чтобы вы закрывали глаза на «левые» заказы определенной компании, так? И сейчас вам, вероятно, переводят небольшие суммы за то, чтобы у вас вдруг не проснулась совесть или память — что вам больше нравится. Немного страха, немного денег — и дело сделано, как говорил Роберт Льюис Стивенсон. Нет?

Кравцов, неожиданно обретя уверенность, жестко заявил:

— Вот что. По-моему, вы попросту берете меня «на пушку». Никаких доказательств у вас нет, да и быть не может. Мне следовало бы сообразить сразу. А коли так, то и разговора не будет. Прощайте!

Андрей был готов к подобному развитию событий, и в общем-то, не ожидал мгновенного успеха.

— Одну минуту, давайте взглянем на это иначе. Вы — человек небогатый. Жалованье у вас так себе, да и ваши друзья вряд ли осыпают вас «золотым дождем». Ну, сколько они дают вам за молчание — в месяц? Тысячи полторы, две? Уверен, что не больше... Но это лучше, чем тюрьма?

Чиновник не торопился с ответом. Андрей попал в самую точку. Кравцову и впрямь доплачивали немного — Андрей даже преувеличил. Всего восемьсот долларов ежемесячно получал он за молчание. Расчет делался на то, что самому Кравцову болтать ох как невыгодно, и обошлись минимальной суммой — издевательской пародией на пожизненную пенсию. А тут перед ним... Кто?! Чиновника сковывал страх. С кем он связан, зачем ему эти сведения? Ведь не с потолка же он взял данные?! И очень не хочется, чтобы вслед за ним пришли другие...

— Только адрес... И все, я — ни при чем, — пробормотал Кравцов.

— Согласен, — кивнул Андрей.

Чиновник продиктовал адрес, он записал его, попрощался и покинул кабинет.

21

Ветров занял позицию под прикрытием темных деревьев и принялся наблюдать за подъездом клиники. Где-то через полчаса появился доктор Декман, сел в «Жигули» и осторожно тронул машину. Киллер быстро шмыгнул за калитку. Но в главный корпус он не вошел, а направился к одиноко

стоящему в отдалении флигелю. Оглядевшись, отпер отмычкой замок металлической двери.

В полуосвещенном коридоре никого не было. Ветров поднялся по лестнице на второй этаж и очутился в узком проходе, по одной стене которого тянулся ряд дверей с большими панелями из стекла. Из коридора можно было разглядеть все, что происходит внутри палат, но в обратную сторону взгляд наткнулся на обычное зеркало. Он двинулся вдоль коридора. Три первых палаты были пустыми, а в четвертой горел свет. Убийца достал пистолет, открыл дверь, собрался, было, войти... и вдруг замер. С противоположной стороны в полумраке двигалась темная фигура.

Это был санитар, который, в свою очередь, тоже увидел человека, держащего в руке хорошо знакомый ему, бывшему спецназовцу, предмет — пистолет с глушителем. Он весь напрягся, как готовый к прыжку хищник, а когда стеклянная панель скрыла от него незнакомца, ринулся вперед и ногой с силой ударил в дверь. Она резко распахнулась, и на корпус и голову убийцы пришелся такой удар, что тот рухнул к ногам санитаря, обливаясь кровью.

Пациент доктора Декмана сжался на кровати, перепугано пялясь на жуткую сцену в дверях. Санитар мельком взглянул на него, подобрал пистолет и перевернул бесчувственного киллера на спину. Одного его вида хватило, чтобы понять: говорить он сможет не скоро...

22

— Андрей, разве этого недостаточно? — спросила Надя. — Мы можем позвонить Кедрину...

— Нет. Это не только его дело, это и наше дело... Вот узнаем точно, что за фирма такая, тогда у нас будет что ему сказать.

Надя забрала у Андрея бумажку и прочитала адрес:

— Черногоринск... Это не доезжая Тулы... Ты хочешь туда съездить? Электричкой можно, автобусом... Это недалеко, но... Зачем?!

— Да не бойся ты! Не собираюсь я в эту чертову фирму соваться. Просто хочу посмотреть... чтобы вернуться к Кедрину не с пустыми руками.

— Я не боюсь!

Вскоре Надя и Андрей уже стояли на центральной улице Черногоринска и сквозь дрожащее марево раскаленного воздуха наблюдали сценки из туземной жизни. Все это выглядело забавно и колоритно, однако долго предаваться созерцанию они не могли.

— Ты хоть знаешь, куда идти? — спросил Андрей.

— Ничего подобного, — призналась девушка. — Я даже не уверена, что здесь есть еще улицы, кроме этой... Может, попробуем поймать такси?

После получаса тщетных усилий они притормозили у обочины довольно потрепанную колымагу. Когда Андрей прочитал по бумажке адрес фирмы «Верентис», водитель согласно кивнул. Андрей и Надя забрались на заднее сиденье.

Машина вскоре покинула живописный центр Черногоринска и углубилась в район если не трущоб, то весьма непрезентабельных строений. Чем дальше они ехали, тем тяжелее становились запахи в воздухе, угрюмее стены домов, извилистее и темнее переулки.

— Что-то непохоже, чтобы фирма, ворочающая солидными капиталами, располагалась в таком месте, — шепнула Надя.

— Возможно, это просто кратчайший путь в деловой район, — предположил Андрей. — Или, наоборот, нас везут в обход, чтобы счетчик накрутил побольше.

Его догадки не оправдались. Старый автомобиль остановился перед двухэтажным кирпичным домом, казавшимся заброшенным.

— Ну и ну, — пробормотал Андрей. — Этот абориген не перепутал, случайно, улицы?

Он попросил таксиста доехать до угла и убедился, что название на табличке совпадает с названием в его памятной записке. Номер дома также совпадал.

— Чудеса! — прокомментировала Надя. — Может быть, в Черногоринске две улицы с одинаковым названием?

Последовали новые объяснения с таксистом. Убедившись, что такая улица действительно существует в единственном числе, они расплатились и отпустили машину.

— Что же нам делать? — растерянно проговорила Надя.

— Может быть, я ошибся в адресе? Хотя... Как я мог? Все вроде точно...

Они подошли к дому. Окна не выбиты, и дверь на вид крепкая, но запустением веяло от каждого кирпича. И никакой вывески, свидетельствующей о существовании какой-либо конторы.

— Идем, — сказал Андрей, — не возвращаться же назад...

Он поднялся по трем осыпающимся ступенькам, поискал звонок и не нашел. Потянул за ржавую ручку, и дверь отворилась. Они вошли в длинный сумрачный коридор, сырой даже в этот жаркий день. В конце коридора маячила еще одна полуоткрытая дверь.

За ней Андрей и Надя обнаружили комнату, кое-как обставленную явно бросовой мебелью.

— Здорово влипли, — огорченно произнесла Надя. — Здесь нет никого и ничего.

— Не совсем так, господа, — прозвучал вдруг за их спинами чей-то полный сарказма голос.

Андрей стремительно обернулся. На пороге стоял мужчина средних лет в сером костюме. Его вид не внушал опасений, но вот двое двухметровых громил, выросших за его плечами, просто пугали. Впечатление подкреплялось пистолетами в их руках.

— Здравствуйте, — учтиво проговорил незнакомец в сером. — Не будете ли так любезны представиться?

— Меня зовут... Э-э... Максим Климентов. — Вне себя от страха, Андрей машинально вспомнил имя школьного друга.

— Климентов, так Климентов, — не стал спорить незнакомец. — Впрочем, это мы выясним в свое время... А у нас его будет много, времени для бесед. Не зря вы так торопились к нам, господа. Мы ужасно рады вас видеть. А теперь не угодно ли вам проследовать в наш автомобиль? Не «кадиллак», конечно, но вам будет удобно.

Андрей быстрым взглядом смерил расстояние до окна. Если опрокинуть на них стол... Этот в костюме повалится на громил, они не успеют выстрелить. Да и не захотят они стрелять, Андрей и Надя нужны им живыми, иначе бы сразу... Первой вытолкнуть в окно девушку, потом выброситься самому...

Андрей яростным движением швырнул стол под ноги троих... Больше он не успел сделать ни шага. Куда уж пианисту, не привыкшему изнурять себя физическими упражнениями, тягаться с тренированными рослыми парнями!

Мелькнувший в воздухе пистолет он еще увидел, но удара по голове рукояткой уже не ощутил — окружающее мгновенно погрузилось в крошечный мрак, будто в глухом подземелье отключили электричество.

23

Машина Виктора Шелера вкатилась во двор клиники доктора Барковского. Чтобы не привлекать повышенного внимания, Шелер попросил своих московских «друзей» подобрать ему автомобиль поскромнее.

Владимир Сергеевич Барковский ждал визита хабаровского дона. Он вышел навстречу Шелеру в легком белом костюме, сияя улыбкой. Доктор выглядел уверенным в себе... Но только выглядел. События последнего времени довольно сильно изменили Владимира Сергеевича... И его очень встревожила настойчивая просьба Шелера о встрече.

Барковский зашагал к машине гостя. Первым из автомобиля выбрался водитель, открыл заднюю дверцу с подобающим торжественно-почтительным выражением лица. Шелер ступил на раскаленный бетон двора.

— Счастливы вас видеть, доктор, — приветствовал он Барковского.

— Я тоже, Виктор Александрович, — скромно отозвался тот.

Они оба были далеко не счастливы, и каждый знал это о другом.

После сердечного (такого сердечного, что едва ли кто-то заподозрил бы фальшь) рукопожатия хозяин провел гостя на террасу под тентом возле жилого здания. На террасе был накрыт столик на двоих, в ведерке со льдом мерзла бутылка «Кэнэдиан Мист».

Минут двадцать Шелер и Барковский говорили ни о чем. Владимиру Сергеевичу светский треп стоил немалого труда, и когда Шелер заговорил, наконец, о деле, он вздохнул с облегчением, хотя ничего приятного от беседы не ожидал.

Но лучше уж сразу в холодную воду с головой...

— Как продвигаются ваши исследования, доктор? — осведомился гость, раскуривая толстую коричневую сигару.

— Я могу представить полный отчет, — обтекаемо ответил Барковский, зная, что Шелер откажется вникать в непонятные ему научные выкладки.

— Вам известно, что я не специалист в данной области, — поморщился тот. — Меня интересуют лишь результаты. Как скоро мы сможем перейти к практическому применению вашего открытия?

— Все не так просто, Виктор Александрович. В науке трудно планировать по дням и часам. Эйнштейн, например...

— Оставим Эйнштейна! — довольно грубо перебил Шелер. — Я не вижу причин ходить вокруг да около и поставлю вопрос прямо. Если в ближайшие десять дней работы не будут завершены, я вынужден буду прекратить финансирование.

Барковский похолодел. Он боялся, что Шелер не даст ему более двух-трех месяцев, но десять дней?!

— Десять дней? — побледнев, растерянно пробормотал он. — Но почему?

— Вы понимаете, почему. Провал транзита и прочее... Конечно, наука есть наука... Я вижу, что вы не водите меня за нос, мои деньги уходят строго по назначению. Откуда я это знаю? — усмехнулся Шелер. — Ну, доктор... Вы же не ребенок. Поверьте, наблюдение за вами ведется самым пристальным образом... Но! Есть еще одна вещь. Мы рассчитывали на транзит, и расчет наш не оправдался. Денег осталось очень мало. И немалую долю этих денег я уже ухлопал на ваши исследования, доктор. За-

метьте, я не торопил вас, положившись на ваше слово. Но согласитесь, если так пойдет и дальше, я останусь без гроша. Мне нужны хоть какие-то гарантии. Кстати, — резко сменил он тему. — Каковы известия от нашего друга, которому поручена операция в Москве?

— Никаких, — честно признался Барковский.

— А вот это уже совсем скверно, — нахмурился Шелер. — Если он провалился... Он ведь знает и вас, и меня.

— Он нас не выдаст, — не очень убежденно заявил Барковский. — Ветров боится вас...

— Боится! Почему вы знаете, какие методы к нему применяют? Кто может поручиться за наемного убийцу? И если он не убрал вашего... Кролика, что ли? Вот вам уже два источника информации.

— Ветров — специалист высокого класса. Я жду известий с часу на час.

— Ждите, ждите, — пробормотал Шелер. Он поднялся и тяжелыми шагами прошелся по заскрипевшим доскам террасы. — Вот что, доктор. История с транзитом — не шутки. Нас будут преследовать беспощадно и рано или поздно загонят в угол. Конечно, все это не имело бы ни малейшего значения, удайся ваш эксперимент... Тогда мы могли бы поплевать с высоты хоть на любое правительство мира. И дай вам бог удачи... Повторяю, у вас есть десять дней. Но по истечении этого срока вы станете для меня главной опасностью. Вы и ваша клиника — основная нить ко мне. И как бы я ни верил в вас, доктор, как ни чудесны перспективы — я вынужден буду обрубить эту нить.

Барковский поднял взгляд на неумолимого Шелера и ничего не сказал. Он все и так понимал. Неожиданностью оказался только срок, отпущенный ему. Десять дней жизни.

24

«...Здесь так темно... Я боюсь, боюсь. Здесь никто не живет. Здесь вращается пустота в зеленых звездах... Затягивает в холод. Холодно, холодно. Электрические провода заменили мои нервы. Искры, короткое замыкание. Замыкание на пустоту. Мы проходим? Нет. Увеличивайте напряжение, увеличивайте напряжение. Плохо, мне плохо. Сильный фон...»

Декман протянул руку, выключил магнитофон и пустил пленку на обратную перемотку.

— И вот так — шесть часов записей? — пожал плечами Кедрин. — Как же вы ухитряетесь вытаскивать из этого бреда хоть что-то вразумительное?

— Понимаете, Сергей Николаевич... — замялся доктор. — В психиатрии существует ряд безошибочных признаков, позволяющих определить характер заболевания. Те или иные симптомы присущи обычно одной и только одной болезни. Если же мы наблюдаем так называемое смешение симптомов — значит, перед нами симулянт. Симулянты бывают опытными, подкованными, но они всегда прокалываются, в конце концов... А этот случай уникальный. Я не знаю, что и думать.

— Подробнее, пожалуйста, — попросил Сергей.

— Так я как раз и говорю... Безусловно, этот человек тяжело болен, но подобной болезни я не встречал ни в личной практике, ни в литературе... Но это не самое интересное. Важно то, что у меня создалось такое впечатление: некоторые аспекты его бреда не укладываются в клиническую картину. Другими словами, его мозг словно разделен на две части. Одна находится во власти безумия, но то, что помнит другая часть, вполне могло происходить в реальности, каким бы невероятным это ни казалось.

— Угу... И что же он говорит?

— Пленки я вам дам, но вы запутаетесь в них, как неспециалист... А я нарисовал себе примерно такую картину. Этот человек долгое время находился в некоей клинике, скорее всего где-то в Подмосковье — или у него почему-либо создалось мнение, что это Подмосковье. Клиника была оснащена необычной медицинской аппаратурой — по его описаниям я не опознал ни одного устройства. Он неохотно говорит об этом, воспоминания об аппаратуре тревожат его. Особенно сильный, безотчетный страх вызывает у него машина с вращающимися трехлучевыми звездами в зеркальных кругах на передней панели...

— Что это может быть?

— Понятия не имею. Экраны какого-то осциллографа или воздействие с целью гипноза... Но рассказы об аппаратуре не похожи на бред.

— Вы полагаете, ваш пациент стал объектом каких-то медицинских экспериментов?

— Я бы не исключал такую возможность.

— Но что это за эксперименты, какова их цель?

Декман беспомощно развел руками.

— Я дам вам пленки, — повторил он. — Изучайте... Может быть, вам повезет больше, чем мне.

— Ну, хорошо, — подвел итог Кедрин. — Пока довольно об этом... Теперь опишите человека, который приходил к вам за сведениями о пациенте.

Декман дал подробное описание внешности Францева и пересказал их разговор почти дословно.

— Спасибо, Ян Карлович, — поблагодарил Сергей. — Пожалуйста, не отлучайтесь пока из Москвы и ничего не бойтесь. Вы под надежной охраной.

Сам он далеко не был уверен в безопасности доктора.

25

В состоянии Бориса Ветрова наметились незначительные улучшения, но врач пока не разрешал майору Авдониному перевести его из специального охраняемого лазарета в камеру. Впрочем, Свиридову было все равно, где допрашивать киллера. Допив кофе, они с Авдониным направились в палату.

Киллер лежал на койке с закрытыми глазами, лицом вверх. От его рук, ног и головы тянулись соединенные с электронной аппаратурой провода. Пульсирующие линии на экранах докладывали о деятельности мозга и сердца.

— Как он, доктор? — спросил Авдонин хлопотавшего у приборов врача.

— Вашими молитвами... Пожалуй, вы сможете с ним поговорить. Я ввел ему стимулятор. Через минуту-другую он очнется.

— Хорошо. — Авдонин повернулся к Свиридову: — Он ваш, Владислав Михайлович... Смотрите, он приходит в себя.

Лежащий на койке парень открыл глаза, застонал, произнес что-то невразумительное.

Свиридов наклонился к нему и отдельно, четко выговаривая слова, спросил:

— Вы слышите меня? Вы можете говорить?

— Да, — тихо ответил тот.

— Вот и отлично. Мы не станем мучить вас долго. Ответьте на пару вопросов и отдыхайте. Как вас зовут?

— Борис Ветров... И больше я ничего не скажу. Я устал, мне плохо, оставьте меня в покое...

— Да вы, кажется, даже не хотите, чтобы вас оставили в покое, — притворно удивился Свиридов. — Странно. А, впрочем, свободы вам так и так долго не увидеть...

— Я ничего не сделал, — выдохнул парень.

— Вот как, ничего! А разгуливать по Москве с пистолетом с глушителем — по-вашему, ничего? С взломом проникать в помещение — по-вашему, ничего? Позвольте вас просветить — означенные деяния считаются преступлениями и караются тюремным заключением. А уж когда мы выясним, кто вас нанял...

Ветров тревожно дернулся. Свиридов переглянулся с майором и продолжил:

— Но мы готовы пойти вам навстречу. Отвечайте на вопросы, и суд учтет вашу откровенность... Итак, кто вас нанял, и где искать этого человека?

Ветров прикрыл глаза, помолчал и, наконец, ответил слабым невыразительным голосом:

— Несколько лет в тюрьме — это жизнь. Ответить вам — это смерть. Что бы вы выбрали на моем месте?

— На вашем месте я вел бы себя разумно, — сурово проговорил полковник. — Как вы понимаете, нам важны не вы. В сущности, для нас и нет резона затевать над вами процесс и поднимать шум. Вы исчезнете, Ветров. Бесследно и навсегда. Перед этим вы все равно расскажете нам все, что знаете, но для вас лично это уже ничего не изменит. Выбирайте.

— Дайте мне подумать, — простонал киллер.

— Думать надо было раньше.

— Хоть минуту...

— Ладно, — кивнул Свиридов и посмотрел на часы: — Минута пошла.

— Если я назову вам имя этого человека, гарантируете ли вы мне, что он никогда не узнает...

— Да, да...

— Я могу вам верить?

— Можете не верить. Но в то, что я обещал вам раньше, верьте безоговорочно.

— Этого человека зовут Владимир Сергеевич Барковский.

Свиридов показал Ветрову фотографию:

— Это он?

— Да.

— Адрес?

— Он... Доктор... У него нечто вроде клиники под Москвой. Дайте бумагу, я нарисую план...

— Это Барковский сам сказал вам про клинику? — с недоверчивой интонацией спросил полковник.

— Я — профессионал... — На губах Ветрова показалось некое подобие улыбки. — Прежде чем принимать заказ, не вредно узнать кое-что о заказчике. Уверен, что Барковский знает обо мне куда меньше, чем я о нем. И вот видите, пригодилось... Вы подтверждаете ваши гарантии?

— Подтвердим не раньше, чем проверим информацию, — пообещал Свиридов. — Рисуйте.

Он вручил Ветрову дощечку с прикрепленным к ней листом бумаги и фломастер. Кое-как, одной рукой киллер нацарапал план.

Врач, наблюдавший за графиками на экранах, обернулся к Свиридову и предостерег:

— Достаточно. Пациент на пределе, дальше опасно.

— На сегодня нам и так хватит, — согласно кивнул полковник.

Врач склонился над Ветровым со шприцем, а он тем временем вытащил из магнитофона кассету с записью допроса.

26

Андрей очнулся. Он лежал на чем-то упруго-мягком, как поролоновый матрац. Странно, но головная боль не была всеобъемлющей, как следовало ожидать, — болела только правая сторона головы, но зато так, что сильнейшее похмелье показалось бы раем в сравнении с этой болью.

Осторожно пошевелившись, Андрей обнаружил, что не связан. Глаза постепенно привыкали к темноте, через забранные решетками окна большой комнаты просачивалось снаружи немного света. Он со стоном приподнялся, осмотрелся. Мебели почти не было — только диван, куда его положили в бесчувственном состоянии, стол и пара стульев. Главное было ясно — Нади здесь нет. И еще — это не та комната в доме так называемой фирмы «Верентис». Если он по-прежнему находится в том же доме, то в другом помещении.

Андрей с усилием встал, доковылял до двери и нажал на изогнутую ручку. Разумеется, заперто. Подергал дверь — она загремела, из чего стало понятно: толстый металлический засов. Если кто-то слышал возню, они не замедлят явиться.

Однако ничьи шаги не нарушили тишины. Андрей подошел к столу, ощупал его со всех сторон и с трудом оторвал от крышки длинную полосу фанерного шпона. Эту импровизированную отмычку он просунул в дверную щель и попытался подвинуть засов, который был хорошо смазан и подался без особых усилий. Он отъехал в сторону, дверь тяжело распахнулась, и Андрей ступил в коридор, освещенный тусклой лампочкой. В конце коридора у другой двери (на этот раз крепко и основательно запертой на замок) на тумбочке стоял телефонный аппарат. Он воззрился на этот столь обычный предмет в таком изумлении, словно увидел корабль космических пришельцев. Кем бы ни были похитившие его люди, не так же они глупы, чтобы предоставить ему возможность запросто сообщить о своем местонахождении... Наверняка телефон отключен.

Андрей машинально поднял трубку. Телефон работал.

Ну и что, подумал он. Может, это внутренний телефон... Или ловушка — они подслушивают, чтобы узнать, куда он будет звонить и что говорить.

Вдруг Андрей горько расхохотался — смех отдался головной болью. Он не сможет ничего сообщить Кедрину, ведь он не знает, где находится! Не знает даже, в Черногоринске ли еще: его могли вывезти в бессознательном состоянии в другой город. И все же... Шанс есть. Попробовать передать Кедрину то небольшое, что известно...

Пока Андрей раздумывал, рука автоматически набирала номер. Телефон все-таки оказался не внутренним — он с облегчением услышал гудки соединения, а затем — далекий голос Кедрина:

— Слушаю.

— Это я. — Андрей истово молился, чтобы Кедрин узнал голос, чтобы не пришлось называть ни его, ни себя по имени. Так и вышло.

— Что случилось... Где вы?

— Не знаю...

— Как это?!

Андрей торопливо соображал, каким образом сжать информацию до нескольких слов, чтобы успеть сказать Кедрину главное, ведь в любой момент связь может прерваться, или того хуже — сюда могут войти.

— Запоминайте... Черногоринск... Фирма «Верентис»... Ее адрес...

Адрес он назвать не успел, потому что отчетливо услышал шаги по другую сторону двери и, поспешно швырнув трубку на рычаг, прижался к стене. Вот и все, его засекли... Сейчас они войдут и спросят: кому это вы звонили?

Шаги замерли у самой двери. Ручка со скрипом повернулась... Но ключ как будто не вставляют в замок, и... Шаги удаляются? Кто-то всего-навсего проверял, надежно ли заперта дверь? Так или иначе, о повторном звонке не может быть и речи. Хотя он и так сказал Кедрину достаточно...

Андрей беспокоился напрасно. Его никто не подслушивал, и телефон не был ловушкой. Тем, кто его запер, и в голову не могло прийти, что он так быстро очнется, сумеет открыть засов и рискнет сунуться в коридор.

Он попятился к двери в комнату, служившую его камерой. Самым сложным было задвинуть за собой наружный засов, чтобы замести следы вылазки. Андрей резко хлопнул дверью, одновременно придерживая ее ладонью и смягчая громкий звук. После третьей попытки засов чуть подался. Просунув в щель свою полоску шпона от крышки стола, он запер сам себя и лег на диван.

И что теперь? У него сжалось сердце при мысли о том, что они могут допрашивать Надю в эту минуту, и еще о том, что это он втянул девушку в злополучную авантюру... Оставалось только ждать и надеяться.

Ожидание не затянулось. Засов лязгнул, вспыхнул яркий свет. Вошел тот, кто застиг их с Надей в пустой комнате. Он увидел, что пленник в сознании, и удивленно что-то пробормотал.

— Не понял, что вы сказали? — спросил Андрей.

— Сказал, что рад видеть вас в полном здравии, — иронично ответил человек в сером костюме. — Право же, мы не хотели причинить вам вред. Вы сами напросились... И еще, давайте будем дружить. Для удобства можете называть меня «Валерий Александрович» или «господин Демин». А о вашем настоящем имени я спрашивать не буду, нам оно неинтересно, Климентов, так Климентов. Я ведь тоже не Демин. А интересно нам вот что. Как вы узнали о нас, что именно, кто еще знает, зачем вы явились?

— Сначала скажите, что с девушкой? — задал встречный вопрос Андрей. — Она жива?

— Жива, — неохотно подтвердил Демин. — И здорова... Пока. Но статус-кво может измениться, если вы станете упорствовать.

— Я не стану упорствовать, — поспешил заверить Андрей.

— Так говорите.

— Я работаю в РИКОНе, — начал он. — У нас там были подозрения насчет незаконных поставок медицинского оборудования фирме «Верентис». Я сам провел небольшое частное расследование. Моей целью было узнать о вас побольше, чтобы потом шантажировать... Что до девушки, это моя коллега... Я просто использовал ее втемную...

— Вот как? — Демин удивленно приподнял брови. — Вы или суперхрабрец, или суперидиот. Впрочем, это одно и то же... Да вы представляете, с кем связались? Хотя это неважно... Из ваших слов я заключаю, что вы ни с кем не поделились информацией, так?

— Так, да не совсем, — медленно ответил Андрей, лихорадочно придумывая версию на ходу. Сказать, что он единолично обладает сведениями — значит, подписать себе смертный приговор с немедленным исполнением. Назвать еще кого-то — можно запутаться. — Видите ли, Валерий Александрович, вы и правы, и неправы...

— Что за чушь? — нахмурился человек в сером.

— Вовсе не чушь. Да, я один знаю о вас, и немало... ПОКА я жив... Но у моего друга хранится пакет с информацией. Я звоню ему каждые двадцать четыре часа. Если очередного звонка не будет, он вскроет пакет, и содержащиеся в нем три одинаковых письма разошлет по трем адресам. Одно в РИКОН, другое на телевидение, третье в полицию. До следующего звонка осталось четыре часа.

Демин с сомнением покачал головой. Заявление его пленника с равным успехом тянуло и на правду, и на вымысел. Коль скоро этот пронырливый шантажист настолько умен, что сумел добраться до фирмы «Верентис», то с него станется и организовать трюк с письмами. Но если это блеф, а Демин поверит и оставит парня в живых, события могут повернуться

нежелательной стороной. Барковский и Шелер будут весьма недовольны. К счастью, существует старый добрый способ проверить правдивость любых заявлений — пытки. И, кажется, пришла пора прибегнуть к этому способу... Однако сначала надо испробовать кое-что другое.

— Ну, хорошо, — сказал он, затягиваясь сигаретой. — Оставим это пока. Просто любопытства ради, ответьте — сколько вы намеревались потребовать?

— Пятьдесят тысяч долларов, — наобум бросил Андрей.

В лице Демина ничего не изменилось.

— А если мы дадим вам эти деньги, вы позвоните другу под нашим контролем и велите уничтожить пакет?

Предлагая сделку, он ничем не рисковал. Деньги можно как дать, так и отобрать, а чистая работа всегда лучше грязной.

— Раз вы с такой легкостью расстаетесь с полусотней тысяч, я говорю — сотня... — засмеялся Андрей.

— Пожалуйста, пусть будет сотня, — пожал плечами Демин. — Я не понял главного: в принципе вы согласны?

— В принципе — да. Но нужно обдумать массу деталей... Гарантии моей безопасности, сохранности денег, скажем, какой-то счет в банке... Как приятно обсуждать эту тему!

И тут Андрей совершил непростительный промах, в один миг превративший достигнутое им в прах и пепел.

— Девушка должна быть освобождена первой, — с деланной небрежностью бросил он. — И уехать...

Он осекся, прочтя в сощуренных глазах Демина, что разоблачен полностью. Ни один шантажист не стал бы заботиться о сохранении жизни использованного расходного материала, просто забыл бы о нем в эйфории успеха. Андрей не забыл, а, стало быть, нет и шантажа, нет и никаких писем.

27

Демин рывком поднялся со стула.

— Прелюдия окончена. Теперь будет разговор всерьез.

Вскочил и Андрей, мгновенным движением схватил с тумбочки пистолет и нацелил в лицо человека в сером.

— Да будет вам, пылкий влюбленный... — скорчил презрительную гримасу Демин. — Черта с два вы станете стрелять в безоружного!

— Ах, так? — разозлился Андрей. — Ну, получи, гадина! — и изо всех сил врезал пистолетом по виску Демина. Тот растянулся на полу и не дви-

гался. — Вот это да, — растерянно прошептал он. — Здорово я его уложил... Никогда бы не подумал, что справлюсь. Мне бы в боевиках сниматься...

Но восхищаться собой было некогда. Андрей опустился на колени, обшарил карманы поверженного противника и извлек увесистую связку ключей. Больше в карманах не оказалось ничего, достойного внимания — сигареты, зажигалка, носовой платок, немного денег.

Стиснув револьвер в руке, он прокрался по коридору и с третьей попытки отпер наружную дверь. С маленькой площадки винтовая лестница вела наверх. Андрей поднялся на второй этаж и услышал приглушенные голоса. Значит, в комнате не менее двух человек... Не раздумывая, ударил ногой в дверь, которая с треском распахнулась, и обвел стволом пистолета оторопелые лица двух крепких парней — тех самых подручных Демина.

— Спокойно, джентльмены! Где девушка?

Парень, что стоял ближе к двери, заговорил глуховатым голосом:

— Какая девушка? Нет тут никакой...

Андрей не стал ждать окончания фразы и выстрелил в телевизор. Осколки кинескопа просвистели по комнате, словно взорвалась граната.

— Следующая пуля в твоего дружка, — сказал он, — а потом — в тебя.

— Да клянусь же! — взвыл тот в отчаянии. — Здесь нет никаких женщин! Поверьте! По-вашему, мне хочется на тот свет?! Я бы вам родную сестру подарил, будь она здесь! Вашу девушку увезли куда-то! Не мы, другие!

Положение становилось глупым. Неужели парень не лжет, и Надю отвезли куда-то в другое место? Что же теперь делать? Не убивать же их. Но и уходить нельзя. Если эти типы не знают, где Надя, это должен знать Демин. Надо вернуться, растормошить его...

— Эй, ты... Свяжи-ка своего дружка, да покрепче, — приказал Андрей. — Я проверю.

Парень выполнил приказание, воспользовавшись нейлоновыми шнурами от штор.

— Теперь повернись к стене, руки за головой, ноги шире плеч!

Парень повиновался. Андрей оглушил его рукояткой пистолета, проверил узлы на руках и ногах второго — как будто крепкие — и связал лежащего без сознания. После этого тщательно обыскал их карманы и комнату. Ничего, что могло бы навести на след Нади, он не нашел и вернулся в комнату, где оставил Демина.

За эти несколько минут Андрей ухитрился совершить максимум промахов в минимум времени.

Он не догадался спросить у парней о своем местонахождении и повторить звонок Кедрину, сообщив ему точный адрес. Не подумал о том, что

эти парни могли уметь вязать узлы так, что те казались надежными, а на самом деле, достаточно было потянуть шнуры особым образом, и они легко развязывались. Возвращаясь к Демину, он даже не запер за собой ни одну дверь. Он был так поглощен мыслью о немедленном спасении девушки, что никакой из перечисленных пунктов элементарно не пришел ему в голову.

Войдя в комнату, Андрей увидел, что Демин ожил и пытается подняться, и рывком усадил его на диван.

— Вы слышали выстрел? Не такой я гуманист, как вы полагали. Где девушка?

Демин молчал и злобно смотрел на пистолет.

— Где девушка? — жестко повторил Андрей. — Скорее, мне некогда. Да и вам тоже. Если мой выстрел слышал кто-то еще...

— Ее нет здесь, — едва слышно ответил Демин после затянувшейся паузы.

— Где она?!

Демин обхватил голову руками, застонал.

— Давайте договоримся... Хотите двести тысяч?

— Хочу. И девушку в придачу.

— Да не будьте же вы таким ослом!

Андрей направил ствол пистолета в колено Демина:

— По счету «пять» я прострелю вам ногу. Один... Два...

Внезапно в глазах у него потемнело от резкой боли. Это бесшумно выросший за его спиной парень из комнаты наверху вывернул руку с пистолетом и без труда отобрал оружие. Второй парень спросил что-то у Демина, и тот ответил успокоительным жестом.

Андрей проклинал себя последними словами. Убьют ли они его сразу или подождут — теперь все одно, для Нади все кончено.

Его выволокли из комнаты, протащили по коридору, потом по крутой каменной лестнице вниз и бросили на бетонный пол абсолютно темного сырого подвала. Тяжелая дверь захлопнулась.

При падении на бетон Андрей сильно ударился головой. Сознание померкло, а когда он очнулся, ничто не изменилось в его положении. Временная могила на пути к могиле окончательной...

28

В последние дни доктора Францева все чаще посещали мысли о крахе, о фатальной ошибке. Совсем не так он представлял себе положение, когда

давал согласие работать с Барковским. Собственно, он никак и ничего не представлял. Он был целиком захвачен увлекательнейшей научной проблемой и закрывал глаза на моральные издержки, считая их неизбежными...

Бреясь перед зеркалом, Францев с отвращением разглядывал свое лицо — лицо пособника гангстеров, ученого-преступника, мало чем отличающегося от лихих экспериментаторов из нацистских концлагерей.

К завтраку доктор вышел с десятиминутным опозданием, но Барковский еще не появился. Слуга, он же охранник, молча поставил перед ним столовые приборы.

Барковский показался на террасе только через полчаса. Он был небрит, небрежно одет, от него разило перегаром. Он плюхнулся на стул перед Францевым, начал торопливо и шумно есть, вдруг отбросил вилку и остановившимся взглядом вперился куда-то в пространство. За все время он не произнес ни слова, даже не поздоровался.

Щелчком пальцев Барковский подозвал слугу:

— Принеси вина... Того, из нижнего ящика.

— Вы слишком много пьете, коллега, — сдержанно заметил Францев.

— Да? А вы считаете, у нас есть еще какое-то занятие? Давайте взглянем в лицо фактам, доктор. Все кончено, мы заблуждались. Шелер дал нам десять дней, но с таким же успехом он мог бы расщедриться на сто лет. Работы бесперспективны.

Слуга водрузил на стол открытую бутылку французского белого вина. Барковский налил себе полный бокал, предложил Францеву, который из вежливости кивнул, но пить не стал, и продолжил:

— В общем, так, коллега. Я предлагаю не ждать, пока пули приятелей господина Шелера превратят нас в инертную протоплазму. В оставшиеся дни я хочу еще поэкспериментировать с новым материалом...

— С новым материалом? — удивился Францев.

— Вы не знаете? Привезли девушку... Ладно, это детали. Я хочу снова попробовать вариант «игрек-семнадцать»...

— Это ничего не даст, как вам известно.

— Да, — скривился Барковский, — основной цели нам уже никогда не достичь, это ясно. Ошибка фундаментальна, она в самой постановке проблемы... Просто мне хочется удовлетворить напоследок научное любопытство... Помните тот занятный побочный эффект в эксперименте «четыре»? Впрочем, я не знаю, имеем ли мы в запасе хотя бы несколько дней... Посланный в Москву человек молчит. Не ровен час, за нами придут — не Шелер, так какие-нибудь... Кому там положено этим заниматься...

— Что же вы предлагаете — бежать? — спросил Францев, снова ощутив резкий прилив отвращения к себе.

— Придется... Может быть, не сегодня, не завтра, но придется.

— А клиника, ассистенты, охрана... Пациенты? Что будет со всем этим?

— Охрану рассчитаем, пусть убираются, куда пожелают. С ассистентами поговорим и посоветуем разъехаться по разным городам, а лучше странам, и не высовываться. Денег у них достаточно... Оборудование разберем, разломаем, что можно, утопим в озере. Что до экспериментального материала, его мы вынуждены будем уничтожить...

— Это невозможно!

— Почему?

— Потому что это бесчеловечно!

— А вскрывать черепа и рыться в мозгах человечно, доктор?

— Это совсем другое дело! Мы хотели дать этим людям новые возможности и способности, мы работали ради их же пользы...

— Мы работали вовсе не ради их пользы, а ради своей собственной, и вы об этом отлично знаете... — презрительно махнул рукой Барковский. — Ладно, если вам угодно убаюкать совесть, пожалуйста, я не против... Но будьте последовательны...

— Я ученый, а не убийца, — сказал Францев, опуская взгляд. — Бог мой, Владимир Сергеевич! Да неужели вы сами станете ходить по палатам и пристреливать этих несчастных одного за другим?!

— Инъекции, доктор, инъекции! Легкая, безболезненная смерть. Подумайте, а разве для них самих это не лучше, чем долгая растительная жизнь в психиатрических заведениях и вечная одержимость страхом темноты? Однако в отличие от вас я не склонен прятаться за эвфемизмами. Да, я забочусь отнюдь не о них. Мне будет спокойнее, если никто даже в бреду не сможет рассказать о моих работах.

— Я расскажу, — тихо, но твердо заявил Францев.

— Что?! — Барковский просверлил его жестким взглядом.

— Если вы не откажетесь от планов убийства, я выдам вас.

— Вот как... Но если вы погубите меня, погибнете и сами.

— Меня это не пугает. Я давно уже мертв.

— О нет, доктор, вы живы, — иронически усмехнулся Барковский. — Как врач, вы должны хорошо понимать разницу между жизнью и смертью. Уверяю вас, смерть — совсем иное состояние души и тела. Подумайте об этом.

— Я уже обо всем подумал, — возразил доктор. — Я вас предупредил.

— Гм... Ну, что же. Придется отнестись к вашей позиции с уважением и изменить модус операнди. Будьте любезны подождать здесь с минуту.

Залпом допив вино, Барковский вышел из-за стола и спустился с террасы. Францев терялся в догадках. Удалось ли ему переубедить Барковского, подействовала ли угроза?

Он узнал это ровно через минуту, как и было обещано. Барковский вернулся с пистолетом в руке и, прицелившись ему прямо в грудь, приказал:

— Встаньте, доктор! Повернитесь и идите в клинику.

— Хотите меня застрелить? — Повинуюсь, Францев не удержался от язвительного замечания. — Вы ведь, кажется, стояли за инъекции?

— Бросьте нести чепуху, — поморщился Барковский, — никто в вас стрелять не собирается, если, конечно, будете вести себя благоразумно. Я запру вас в подвале, чтобы у вас было время подумать на досуге. Когда я сделаю все, что нужно, выпущу вас. А вот тогда, если вы будете упорствовать, уж извините — застрелю.

Францев молча повернулся и зашагал к дверям клиники, ни на секунду не сомневаясь, что, стоит ему дернуться в сторону, и Барковский выстрелит. Отперев дверь подвала, тот подтолкнул Францева стволом:

— Посидите пока тут, коллега.

Дверь захлопнулась, загремел замок.

По каменным ступенькам Францев спустился в подвал, зажег свет, присел на ящик. Помышлять о побеге — пустая трата времени. Только бы Барковский не начал осуществлять зловецкие планы до того, как придет поговорить с ним! А он придет, для него это важно... Тогда можно еще раз попробовать уговорить его...

А Барковский уже забыл о Францеве, увлеченный мыслями о последнем опыте, который ему хотелось поставить во что бы то ни стало. В будущей жизни, как бы она ни сложилась, вряд ли появится возможность вести практическую работу, а значит, все, что можно, надо сделать сейчас. Систематизировать и записать результаты, чтобы потом было что подвергать анализу и над чем работать хотя бы теоретически... Может быть, он напишет книгу, которая перевернет научный мир. Может быть, обессмертит свое имя, опровергнув собственную теорию. Зablуждения в науке столь же ценны, как и открытия, ибо они выводят на правильный путь...

29

Свиридов и Кедрин стояли перед закрытой дверью ветхого здания — согласно выясненному адресу, резиденции фирмы «Верентис». Сергей взбежал по ступенькам, толкнул незапертую дверь, и они вошли в коридор. Света было мало — день клонился к вечеру, а электрическое освещение не работало. Пройдя по скрипучим доскам коридора, они попали в обшарпанную комнату с перевернутым столом. Свиридов озирался по сторонам.

— Если в этой конторе кто-нибудь и работает, то это, скорее всего, привидения, — прокомментировал он. — Похоже, мы вытянули пустой лотерейный билетик.

— Постой-ка! — Кедрин опустился на колени, осмотрел пол. — Дай фонарь, в моем батарейки подсели.

При свете фонаря он провел пальцем по доске пола. Свиридов склонился над ним:

— Кровь?

— Или что-то похожее... Пятно довольно свежее, во всяком случае, ему не месяцы и не годы. И, учитывая предысторию, я сказал бы, что это кровь.

— Вот вам и пустой билетик, — пробормотал полковник. — Ты думаешь, что Андрей...

— Не знаю... Давай осмотрим весь дом.

Они обошли особняк сверху донизу, перепачкались в пыли и паутине, но ничего и никого не нашли. И вдруг, после долгих поисков, наткнулись на незамеченную ранее узкую металлическую дверцу. Она оказалась запертой. Кедрин осторожно постучал — ни звука.

— Попробуем открыть? — предложил Свиридов.

— Давай!

Полковник достал связку отмычек и долго ковырялся в замке. Наконец дверь со скрипом отворилась. Сначала Свиридов, а за ним Кедрин шагнули в темноту. Лучи их фонарей терялись во мраке, не достигая стен и потолка.

— Здесь никого нет, — сказал Сергей, и его голос гулко прокатился по огромному пустому пространству.

— Но что это... Склад или что-то в этом роде?

— Давай поищем рубильник.

Лучи фонарей заскользили по серому металлу справа и слева от двери. Обнаружив рубильник, Кедрин дернул ручку. Под потолком вспыхнули ряды ярких ламп, заливая желтоватым светом почти пустой длинный ангар со сводчатыми куполами наверху, укрепленными решетчатыми фермами. У дальней стены громоздились большие деревянные ящики и ребристые контейнеры, в каких перевозят крупногабаритные грузы.

Кедрин и Свиридов погасили фонари, обменявшись многозначительными взглядами.

— Обрати внимание, — сказал полковник, — ни одного окна, даже вентиляционного. Что бы они здесь ни делали ночью, свет не просочится наружу.

— Удобно для тех, кому есть что скрывать, — кивнул Кедрин.

Они двинулись к дальней стене.

— Но чем же они, черт бы их подрал, здесь занимались? — не выдержал Свиридов.

— Монтировали аппаратуру, — толкнул ногой пустой контейнер Сергей.

Полковник оторвал доску от одного из деревянных ящиков. Внутри оказались только стружки.

— Если и была тут какая-то аппаратура...

— Была, — ответил Кедрин. — Здесь ее собирали и вывозили — очевидно, в клинику Барковского, в этих контейнерах.

— Почему было не собрать прямо в клинике?

— А кто их знает... Наверное, ящики с частями аппаратуры доставлялись сюда, чтобы не «засвечивать» клинику... А потом им было проще провезти за один раз один контейнер, чем гору ящиков... Может, у них и другие какие соображения были. Я только предположил. Но здесь пусто...

— Мы в тупике?

— Гм... погоди. Вон там как будто еще одна дверь.

Действительно, прямоугольный металлический блок в противоположной стене ангара несколько отличался по цвету и был обведен тонкой темной линией. Это было что-то вроде калитки в огромных воротах. При осмотре Кедрин обнаружил петли, но никаких признаков замочной скважины не нашел.

— Открывают же они ее как-то, — раздраженно буркнул он.

— Может, снаружи?

— Ну да, входят, а выходят как?

— Через другую дверь.

— Если есть дверь, должен быть и замок, — упрямо покачал головой Кедрин. — Но он может быть с дистанционным... Стоп, вот он, — указал Сергей на почти незаметную, утопленную в стене круглую кнопку. Свиридов протянул руку, нащупал кнопку и надавил на нее. Массивная панель двери медленно подалась и бесшумно растворилась наружу.

30

За открывшейся дверью в стене ангара царила темнота, и ощущалось едва уловимое дуновение свежего воздуха. Невдалеке за деревьями были видны освещенные окна двухэтажного дома. На мгновение Кедрина охватила холодная волна разочарования. Просто выход... И все?

Нет, не может быть. Ведь сюда они привозили части аппаратуры, вывозили собранную... Рядом с посторонним домом, рискуя тем, что его оби-

татели присмотрятся к странной деятельности и что-то заподозрят? Как бы то ни было, подобраться к дому на разведку необходимо. Кедрин тихо сказал об этом Свиридову, и они двинулись вперед по невидимой во мраке дороге.

Дом был окружен невысоким забором, никаких проводов и прочих признаков сигнализации на этом заборе не оказалось. Сергей тихонько свистнул, но собачьего лая в ответ не раздалось, и они перебрались во двор.

Осторожно подойдя к окну, Сергей заглянул внутрь.

На первый взгляд представившаяся ему картина была вполне мирной. Не слишком молодой человек в сером костюме ужинал за столом. Казалось бы, обыкновенная сценка обыкновенной жизни, если бы... не пистолет, лежащий рядом. Однако сам по себе пистолет еще ни о чем не говорил. Он мог оказаться газовым. Дом расположен уединенно, почему бы его владельцу не иметь газового пистолета для самозащиты?

Кедрин и Свиридов продолжали наблюдение. Вошел парень в футболке, подчеркивающей внушительные мускулы. Человек за столом что-то ему сказал, парень кивнул. Показался второй, оба исчезли за боковой дверью, но вскоре вернулись... И не одни.

Под локти они волокли Андрея Зорина.

Сергей едва удержался от вскрика. Андрея было трудно узнать. Лицо превратилось в кровавую маску, один глаз заплыл. Изодранная одежда чудом не падала с плеч, правая рука висела плетью.

Бандиты швырнули его на стул и пристегнули ремнями, не дававшими ему упасть. Человек, сидевший за столом, поднялся, подошел к Андрею вплотную, задал какой-то вопрос и, не получив ответа, наотмашь ударил Андрея по лицу.

Кедрин прикоснулся к рукаву полковника, и они отступили в глубь двора для «военного совета». Ни тот, ни другой не подвергали сомнению необходимость немедленной атаки, кратко и четко обсуждались только детали.

Подобрав увесистый булыжник, Сергей снова подошел к окну — Свиридов тем временем с пистолетом в руке занял позицию у другого окна — и, размахнувшись, через стекло швырнул камень в комнату, целясь в голову человека, ударившего Андрея. Бросок был направлен точно: булыжник врезался в затылок человека в сером, тот покачнулся и упал. Полковник выстрелил из своего пистолета, и они ворвались в дом одновременно со звоном бьющихся стекол.

Но бандитов оказалось не так-то просто застать врасплох. Мгновенно оценив обстановку, один из них бросился на Кедрина и отменно отработанным приемом опрокинул его на пол. Второй едва не выбил пистолет

из руки Свиридова ногой. Кедрин вскочил, дотянулся до упавшего пистолета и скомандовал:

— Лицом к стене!

Затем кинулся к Андрею, схватил со стола нож, разрезал ремни. Тело едва живого Андрея поникло в его руках.

— Надя, — шептал он, — Надя...

— Ничего, ничего, — успокаивающе проговорил Сергей. — Починим тебя, не таких чинили...

— Нет, вы не понимаете... Надя, она приехала со мной... Ее нет здесь, они увезли ее куда-то... Скорее. Вон тот знает, которого вы камнем... Демин...

От столь длинной речи Андрей совсем обессилел, вывернувшись из объятий Кедрина, он упал на диван.

— Похоже, времени у нас не очень много, — заметил Сергей.

Он пнул ногой лежащего на полу Демина, поднял его за шиворот и, усадив на стул, спросил:

— Где девушка?

— Не знаю я никакой девушки, — ответил тот.

— Если этому идиоту угодно упорствовать, я могу допросить его и по-своему, — угрожающе проговорил полковник.

— Что вы сделаете со мной? — спросил Демин.

— Так-то лучше, диалог налаживается, — удовлетворенно кивнул Сергей и повторил: — Где девушка?

— Я требую гарантий...

Подошедший Свиридов с размаху ударил его в солнечное сплетение и снизу вверх в лицо.

— Гарантия номер один, — прокомментировал он. — Номер два хочешь?

— Она в клинике Барковского, — разлепил окровавленные губы Демин. — Я дам вам адрес...

— Мы его знаем, — произнес полковник. — Что же, Сергей... Вот и пришло время подключать Квитко и его бойцов из «Бурана».

— Расскажи о клинике, — потребовал Кедрин. — Что это за гангстерский притон?

— Я мало что знаю... хотя и помогал набирать охрану...

— Как организована охрана? Численность, вооружение?

Демин приступил к подробному рассказу...

Тем временем Андрей не только пришел в себя, но ухитрился даже встать и, не обращая внимания на боль, выкрикнул:

— Вы хотите ехать туда без меня?! Это исключено! Там Надя. Я втравил ее в это дело, и я должен...

— Вы должны лежать в постели, — оборвал его Свиридов. — Нам вы ничем не поможете, а вот помешать способны. Не время для свиданий, Андрей. Сюда придут специалисты, и с ними вы...

— Я поеду в клинику, — непреклонно прошептал Андрей. Кричать он уже не мог.

— Пусть едет, — вздохнул Кедрин. — Ничего с ним не поделаешь... Где тут аптечка? Хотя немного его подремонтировать...

Согласование операции с Квитко заняло довольно много времени. Бойцы спецгруппы «Буран» скрытно окружили клинику Барковского лишь следующим утром...

31

Заперев доктора Францева в подвал, Барковский вернулся к прерванному завтраку, но есть не хотелось. Он подумал, было, выпить еще вина, однако опасался не рассчитать дозу. Сегодня обязательно нужно провести запланированный эксперимент.

Барковский распорядился убрать со стола, вошел в здание клиники и отпер дверь своего святого святых — исследовательского сектора. По обе стороны коридора тянулись ряды белых дверей. За некоторыми из них располагались комфортабельные палаты, подобные той, где ранее обитал Кролик, но за большинством скрывались лаборатории и операционные.

Владимир Сергеевич был один в корпусе — ассистентам запрещалось появляться здесь без непосредственного вызова. В маленьком кабинете он переоделся, надел докторскую шапочку. Сделав шаг к двери, вдруг колебался, вернулся обратно и, набрав комбинацию на панели сейфа, открыл дверцу.

Там в специальных ячейках поблескивали смертоносные ампулы. Одна инъекция вызовет глубокий сон, переходящий в неощутимую милосердную смерть.

Доктор смотрел на эти ампулы до тех пор, пока от их блеска у него не заболела голова. Никогда в жизни он никого не убивал своими руками. Бывало, пациенты гибли на столе во время операций, но это совсем иное... Сможет ли он?

Взяв связку ключей и тихо насвистывая, Барковский, пройдя по коридору, отпер дальнюю дверь и вошел в палату. Надя спала после укола. Он невольно залюбовался ее лицом, но тут же нахмурился и отогнал от себя мешающие рабочему настрою мысли. Эта девушка — лишь объект исследований, и ничего более, просто она по всем параметрам подходила для

задуманного опыта... Барковский склонился над ней, тронул ее за плечо, и Надя открыла глаза.

Действие наркотиков еще не прошло, и она плохо соображала. Где она находится, что с ней происходит? Ее расспрашивали какие-то люди... Это она помнила. Но что она могла им сказать, кроме того, что приехала в Черногоринск с Андреем? Убедившись, что от нее ничего полезного не добьются, они прекратили расспросы, потом везли ее куда-то... И вот она здесь. Но где это — «здесь»? Кто этот человек в одежде доктора?

— Где я? — негромко спросила Надя. — Где Андрей?

— Успокойтесь, с ним все в порядке, скоро увидите, — мягко ответил Барковский. — Вы в больнице, а я — врач.

— Об этом я догадалась. Но что со мной?

— Ничего особенного, просто вас надо немного подлечить. Вставайте и идите за мной.

— Куда?

— На процедуры, — как о чем-то само собой разумеющемся, бросил через плечо Барковский.

Надя приподнялась и села на кровати. В ушах стоял высокий звон, и в голове была какая-то удивительная прозрачность, словно она попала в освещенный солнцем лес после летнего ливня. Она не чувствовала тревоги, напротив — почему-то прониклась доверием к незнакомому человеку в докторской шапочке. Ничего плохого с ней не сделают, скоро она встретится с Андреем... А подлечиться и в самом деле не мешает. Видимо, она больна, иначе почему так путаются мысли? Как будто она не может вспомнить что-то важное...

Надя слезла с кровати, и Барковский, придерживая ее за локоть, довел девушку до главной операционной и повернул ключ в замке.

Глаза Нади широко раскрылись при виде диковинной аппаратуры. Никогда и нигде она не видела ничего подобного. Из громоздящихся от пола до потолка, угрожающе нависающих над ней машин знакомым был разве что компьютер.

В центре комнаты стоял операционный стол. Она испуганно попятилась к дверям.

— Что это? Зачем вы привели меня сюда? Я... Будет операция?

— Нет, нет, никакой операции, — торопливо проговорил Барковский. — Просто я сейчас вас обследую и тогда смогу назначить лечение. Раздевайтесь. — Видя, что девушка с сомнением покосилась на него, он нетерпеливо повторил: — Да раздевайтесь же! Я не мужчина, я — врач! Вы что, первый раз в больнице?

Надя разделась медленно, как в полусне.

— Теперь садитесь в это кресло.

Девушка сделала шаг к креслу, похожему на зубоврачебное, и заколебалась. Барковский развернул ее, несильно толкнул, и она упала на сиденье. С лязгом в ее запястья и лодыжки вцепились автоматические захваты. Барковский укрепил голову девушки в фиксаторе — теперь она не могла пошевелиться. Надя с ужасом уставилась на приближающегося с бритвой доктора и непослушным голосом прошептала:

— Что вы хотите делать?

— Да уж не глотку вам перерезать, — усмехнулся Барковский. — Всего лишь сбрую ваши прекрасные волосы, чтобы они не мешали присоединить датчики.

Надя истерично завизжала. Барковский в раздумье посмотрел на нее, набрал в шприц содержимое ампулы и ввел в предплечье девушки. Ему требовалось, чтобы она пребывала в сознании, но препарат утихомирит ее, а иначе своими воплями она будет мешать.

По телу девушки прокатилась теплая волна. Она уже равнодушно позволила намылить ей голову и привычными отработанными движениями сбрить волосы. Падающие на пол пряди навели ее на умиротворяющую мысль об осенних листьях.

Барковский перекинул рычаг. Автоматические захваты убрались в свои гнезда, и доктор помог безучастной Наде перебраться на операционный стол, где другие захваты и фиксаторы надежно удерживали ее.

Устроившись во вращающемся кресле у пультов, Барковский одну за другой нажимал кнопки, перебрасывал тумблеры. Загорались экраны, индикаторы, шкалы приборов. Комнату наполнял электронный гул — разные виды гула, перекрывающие друг друга, каждый раз новый при новом нажатии очередной кнопки.

Наконец над операционным столом ослепительно вспыхнула гроздь бестеневых ламп, и Надя зажмурилась. Действие введенного Барковским препарата не было ни сильным, ни продолжительным. Оно ослабевало с каждой секундой, и с каждой секундой девушкой овладевал страх. Она уже понимала, что с ней делают что-то ужасное, необратимое, после чего она никогда не будет такой, как прежде...

Медленно разошлись никелированные створки над ее головой. Из темной глубины выдвинулся оцетинившийся лезвиями сияющий полукруг — устройство для трепанации черепа. Бесстрастная машина, повинувшись командам из компьютера, опустила этот механический терновый венец на лоб девушки.

Неожиданно откуда-то со стороны парка донесся короткий вскрик. Барковский чертыхнулся, распахнул окно и выглянул наружу. Ничего, все

спокойно... Но что это было?! Неужели проклятые дураки-охранники перепились и...

Стоп! Они не дураки, и они не пьют. Тогда что же?

«Потом разберусь», — решил он и вернулся к пульту. Нажатие кнопки перевело устройство для трепанации в активный режим.

Гул усилился... и неожиданно смолк. Лампы погасли, индикаторы и экраны умерли.

— Дьявол! — Барковский вскочил, подбежал к распределительному щиту. Странно, все вроде в норме... Отключили подачу электроэнергии? Такого здесь еще не случалось... Может быть, авария на электростанции?..

И тут в коридоре послышались шаги. Но он же запер дверь! У ассистентов есть ключи, к тому же они никогда не войдут без вызова... Мелкие иголки страха закололи спину. Шелер, угрозы Шелера... Что-то произошло, и он решил не ждать десять дней. Сейчас сюда войдут неразговорчивые ребята с автоматами. Бежать, но куда? В окно? Они наверняка подумали об этом...

32

Барковский бессильно опустил в кресло, глядя на дверь.

Она открылась, но автоматной очереди не последовало.

Вошли совершенно незнакомые ему люди, один из которых был весь в бинтах. Он сразу бросился к операционному столу.

— Надя! — Андрей попытался сорвать никелированный обруч со лба девушки. — Надя, ты жива... Что они с тобой сделали?!

— Андрей... — Девушка слабо улыбнулась. — Я знала, что ты придешь.

Кедрин и Свиридов в упор смотрели на Барковского.

— Здравствуйте, господа, — сказал тот. — Позвольте представиться: я — доктор Владимир Сергеевич Барковский. Добро пожаловать в мой маленький приватный ад.

Кедрин подошел к операционному столу и коротко приказал:

— Освободите ее!

— Не могу! — развел руками Барковский. — Вы же выключили электричество. А без него ничего не работает.

— Включите ток, — распорядился Квитко, обращаясь к одному из своих людей. — Но без фокусов! — предупредил он Барковского.

— Какие уж тут фокусы... — пробормотал доктор и вдруг поник в кресле, словно силы оставили его. Тихим невыразительным голосом он спросил: — Кто вы, господа?

— Спецгруппа ФСБ, — лаконично ответил Квитко.

— А, понятно...

Лампы снова вспыхнули. Простым движением компьютерной «мыши» Барковский освободил Надю от металлических объятий, из которых девушка сразу попала в другие — объятия Андрея. Они отошли к окну, глядя друг на друга, изъясняясь междометиями и ласковыми осторожными прикосновениями. Никто им не мешал.

В дверь заглянул доктор Францев и под конвоем двух оперативников проследовал дальше. Как только его извлекли из подвала, он сразу настойчиво потребовал отвести его в исследовательский корпус. Только убедившись, что подопытные живы, Францев подумал о собственной судьбе. Очевидно, его ожидает суд, долгие годы тюрьмы. Но теперь это не имеет никакого значения. Ничто больше не имело значения для доктора Францева. Все кончилось. Конец игры, конец истории, конец ужасной мечты. Занавес.

Квитко попытался увести из операционной Андрея и Надю, но не тут-то было. Воскресший Андрей снова стал таким же упрямым, каким и был всегда.

— Вы что, собираетесь допрашивать этого... доктора без нас?! — возмущенно воскликнул он. — Как бы не так! Это я навел Кедрина на след. Без меня вы еще, бог весть сколько топтались бы на месте!

— Что ж, — произнес Свиридов со сдержанной улыбкой. — Полагаю, господин Зорин и госпожа Вержина имеют право присутствовать. Но без реплик, договорились?

— Имейте в виду, не такой уж я преступник, — подал голос Барковский, — я никого не убил. И вообще... Быть может, когда вы узнаете обо мне побольше, не станете слишком уж осуждать меня в душе. Я нарушал законы, я нарушил их столько, что хватит на пожизненное заключение... Наверное, это и есть мое будущее, но... — Он неожиданно поднялся с кресла. — Джентльмены, не угодно ли вам перейти в мой коттедж? Это более удобное место для беседы.

— Вас проводят, — сухо бросил Квитко.

В сопровождении оперативников Барковский покинул комнату, в последний раз оглянувшись на машины, не оправдавшие его надежд.

— Думаешь, он будет изворачиваться? — спросил Кедрин Свиридова.

— Разве что в мелочах... Все ключи у нас, и он это понимает... — Полковник расхаживал по операционной, рассматривая пульта и блестящие панели. — М-да... Франкенштейн мог только мечтать о таком. Нашим экспертам будет над чем поломать голову...

Кедрин, Свиридов, Андрей и Надя направились в коттедж Барковского, предоставив действовать на территории клиники Квитко и его людям. Там

в большой гостиной они расположились в креслах. Барковский предложил коньяк, сигареты. Кедрин согласно кивнул, так как терпеть не мог игру в принципы, и заговорил:

— Итак, доктор, мы готовы выслушать вашу историю.

Барковский сел в кресло, катая в руках пузатый бокал, и, прикрыв глаза, произнес:

— Не знаю, с чего начать. Вряд ли есть что-то такое, что вам еще неизвестно обо мне... Раз мной занимаются спецслужбы...

— Начните с ваших медицинских занятий, — отозвался Кедрин.

— Разве Шелер вам не сказал? — встрепенулся Барковский.

— Мало ли что сказал Шелер, — уклончиво ответил Сергей, который впервые услышал эту фамилию. — Хотелось бы послушать вас.

Барковский поднялся с бокалом в руке, подошел к окну, задумчиво посмотрел на верхушки деревьев вдали и, не оборачиваясь, снова заговорил:

— Информация, господа, вот в чем весь секрет. Вам когда-нибудь приходило в голову, что вся современная цивилизация построена на лжи и умолчании? Между тем, это именно так. Тайны семейные, банковские, промышленные, военные, государственные и так далее. Войну выигрывает тот, кто сумел овладеть информацией противника. Но представьте себе, кем стал бы человек, владеющий всей информацией, что есть в мире? Точнее, не всей, а любой — в любое время, в любом месте, по своему усмотрению, или желанию, или прихоти, как хотите...

— Богом, — усмехнулся Андрей.

— Господин Зорин! — прикрикнул Свиридов. — Вас же предупреждали...

— Молчу!

Барковский продолжал, не обратив внимания на эту короткую пикировку.

— Информация в современном мире хранится в компьютерах, она живет в компьютерных сетях. Компьютеры излучают радиоволны. Следовательно, должна быть возможность принимать и расшифровывать эти волны на расстоянии.

— Вы имеете в виду дистанционное считывание информации по паразитным радиоизлучениям? — уточнил Кедрин. — Аппаратура для этих целей известна давно, и я не вижу...

— О нет, — пренебрежительно отмахнулся Барковский. — Самый чувствительный приемник не примет такого сигнала дальше, чем за полкилометра. Более того, нужно знать интенсивность и частоту излучения, а эти параметры могут существенно меняться даже при незначительном вмешательстве в схему компьютера — например, при смене однотипных деталей.

К тому же компьютеры можно экранировать, защитить скремблерами, генераторами шума и так далее. В общем, этот дистанционный перехват — кустарщина, и мало чем отличается от традиционного шпионажа. Нет, я задумал нечто принципиально иное... Человеческий мозг также представляет собой электрическую систему, он генерирует, излучает и принимает различные типы полей и волн, но при этом он неизмеримо сложнее любого суперкомпьютера. И возможностей у него больше — в потенциале. Я решил усовершенствовать мозг человека так, чтобы в нашем мире излучений и колебаний он мог без помех отыскивать нужные сигналы на любом расстоянии и воспринимать их непосредственно в виде готовой информации.

— Другими словами, вы пытались создать идеального шпиона? — присвистнул Андрей.

— Нет, не ШПИОНА, юноша, — презрительно подчеркнул Барковский. — Шпион всегда работает на кого-то, а на кого же станет работать человек, обладающий такими способностями? Он выше всех, для него нет тайн, все принадлежит ему.

— И вам это удалось? — поинтересовался полковник.

— Нет, — горько произнес Барковский, — Кролик... Тот пациент, которого мы послали на испытания в Москву... Так мы его называли... Он был лучшим на предварительном этапе. Но и ему по-прежнему требовалась помощь электроники. Мы не смогли достаточно эффективно подавить фоновые радиоизлучения и выделить несущий сигнал. Мозг Кролика перегорел. Потом я нашел ошибку, она фундаментальна. Существует определенный предел, порог, перейти который в принципе невозможно. За ним — только безумие и больше ничего.

В комнате воцарилась тишина, которую через пару минут нарушил Кедрин:

— Но почему Москва? Вы что, не могли провести эксперимент прямо здесь?

— Здесь мы спускаемся из сфер научных на грешную землю, — печально улыбнулся Барковский. — Мне необходимо было точно знать, как продвигаются ваши расследования дел Ферязина — грубо говоря, не сели ли мне на «хвост». У меня были информаторы, но... Словом, поэтому объектом эксперимента была избрана компьютерная сеть ФСБ...

— Ничего себе, — пробормотал Сергей. — А вы не опасались, что в случае успеха Кролик наплюет на вас и сам воспользуется новым даром? Ведь он стал бы сверхчеловеком.

— Это был неизбежный риск, — пожал плечами доктор. — Я попытался встроить в Кролика некие... ограничители, что ли, которые помешали бы ему...

— Он все время говорил о страхе темноты. Он боялся темноты... Почему? — заинтересованно спросил Сергей.

— О, да. Они все боятся... Просто досадный побочный эффект.

— Ладно, — заключил Свиридов. — Схема ясна. Сначала отработка методики, потом применение этой методики к себе, и может быть, к нескольким приспешникам... Хотя нет, скорее всего, только к себе, зачем делиться... Но коль скоро ваш план провалился, то и говорить о нем нечего. Переходите к практическим вопросам. Например, финансирование.

— Как близкий к Ферязину человек, я был в курсе многих его операций. В частности, плутоний — это была его идея, его разработка, его контакты. Он не успел ее осуществить, я лишь пошел его путем. Но я нуждался в помощи могущественного покровителя — не просто какого-нибудь криминального авторитета, который забрал бы все и пристрелил меня, а человека с воображением, который поверил бы в мою мечту. Таким человеком — по крайней мере, из доступного мне круга — мог стать только Шелер.

— Кто такой Шелер?

— Как?! Вы не знаете?!

— Отвечайте на вопрос!

— Виктор Александрович Шелер, «хабаровский дон».

— Хабаровский?

— Сейчас он в Москве...

— Понятно. К Шелеру мы еще вернемся. А кто вас прикрывал? Нам известно, кем был Советник, но он погиб. Кто скрывается за псевдонимами Дипломат, Генерал, Коммерсант?

— Не знаю. Этим занимался Шелер. — Доктор обвел присутствующих долгим взглядом и с задумчивым видом произнес: — Мне терять уже нечего, господа, но у меня есть к вам одна просьба.

— Да? — недовольно буркнул Свиридов, думая, что Барковский собирается оговаривать для себя некие привилегии.

— Доктор Францев, мой коллега... Он был против моих планов уничтожения экспериментального материала. Это я посадил его под замок. Надеюсь, это достаточное основание для того, чтобы отнестись к нему снисходительно.

— Но скажите же, наконец, — торопливо спросил Андрей, пока его не успели остановить, — что это за проклятые зеленые трехлучевые звезды в зеркальных кругах?

Владимир Сергеевич посмотрел на Андрея несколько оторопелым взглядом и неожиданно начал смеяться. Он хохотал так заразительно, что все в комнате невольно заулыбались, хотя и не понимали, в чем дело, да и ситуация к улыбкам не располагала.

— Ну, если уж это вам так интересно, — выдавил Барковский сквозь смех. — Вас когда-нибудь гипнотизировали, молодой человек?

— Нет, — обескураженно сказал Андрей.

— У гипнотизеров бывает такой блестящий шарик... Вы смотрите на него и впадаете в транс.

— Ну и что?

— Так вот, это то же самое.

33

Когда Шелер позвонил Барковскому, тот ответил точно по инструкциям Свиридова. Но Шелер по его тону сразу понял, что произошло... Даже не по тону, а по неуловимым оттенкам интонации, большего ему не требовалось. Все ясно... Нужно бежать из страны.

Он и сам еще не знал, куда попытается уехать. Это проблема номер два, а номер один — деньги. Наличных имелось очень мало. Почти все деньги были задействованы в операциях, которыми управляли Дипломат и Коммерсант при участии Генерала. Шелеру было необходимо срочно встретиться с ними.

В свою очередь, Коммерсант, Дипломат и Генерал не могли не быть в курсе последних событий и в кабинете Дипломата обсуждали создавшееся положение. Они не знали, с какой стороны ждать удара, но просто сидеть на месте в оцепенении было бы глупее всего. Сошлись на том, что разумно будет превратить часть активов в наличные (только часть, чтобы не переполошить муравейник!), часть перевести за границу и тихо, благопристойно покинуть Россию. Они как раз составляли подробный план первоочередных действий, когда прибыл Шелер.

Он вошел в кабинет энергичным шагом, пожал всем троим руки и бодрым тоном заговорил:

— Итак, господа, в целом наши дела идут неплохо. Некоторые неприятности, конечно, исключают наше присутствие здесь — временно, как я надеюсь...

— Что касается текущих дел, Виктор Александрович, то мы подготовили для вас отчет. — Дипломат передал через стол тощую папку. Шелер раскрыл ее, бегло пролистал документы и небрежно бросил папку на стол.

— Хорошо, я займусь этим позже. А пока вот что... Как вы понимаете, я вынужден изъять все мои деньги...

— Ваши деньги?! — удивленно воскликнул Коммерсант.

— Конечно. Те, что принадлежат мне.

— Они принадлежат вам, Виктор Александрович, — согласился Коммерсант. — Но как доверительный управляющий я не могу допустить безответственного разбазаривания финансовых ресурсов, могущего нанести ущерб общим интересам...

— Что-о?! — задохнулся от злости Шелер. — Что вы мелете?!

— Боюсь, что мы не в состоянии вам помочь, Виктор Александрович.

— Но мне нужно уехать, скрыться! Вы хоть понимаете, что будет с вами, если меня возьмут?!

— Все мы плыли в одной лодке, — с усмешкой заметил Дипломат, — но она тонет... Так что не настало ли время каждому позаботиться о себе?

— Даю вам срок одуматься, — медленно проговорил Шелер. — Срок до шести часов вечера. В шесть я приеду, и если деньги не будут готовы, вместо меня с вами поговорят мои люди.

— Нет, — спокойно сказал Генерал.

— Что «нет»?!

— Не поговорят. Нет у вас в Москве никаких людей, а вызывать кого-то уже поздно.

Шелер, побледнев, выхватил пистолет.

— Стреляйте, стреляйте! — засмеялся Генерал. — Интересно, чем это вам поможет...

Шелер опустил пистолет и положил его в карман. Такого унижения ему еще никогда в жизни не приходилось испытывать. Он молча повернулся и вышел на улицу под прицелом взглядов Дипломата, Генерала и Коммерсанта. Долго сидел за рулем, не запуская мотор. Эти трое вышвырнули его, как паршивую кошку, а он ничего не может с ними сделать!

Если бы Шелер был мстителен и безрассуден, он подстерег бы их поодиночке и перестрелял. Но так он лишь ухудшил бы свое и без того незавидное положение. Нужно уезжать с тем, что есть... На первое время этого хватит, а там будет видно.

34

В очках с простыми стеклами, с приклеенной фальшивой (неотличимой от настоящей) бородкой, Виктор Александрович Шелер шагал по залу аэропорта. В его кармане лежал паспорт на имя Олега Соколова и билет до Франкфурта. Шелер был спокоен. Он пережил крах великолепной аферы, как и подобает человеку, привыкшему к зигзагам судьбы. Что ни говори, а в Германии намного лучше, чем в тюрьме. Его основной инструмент — мозг практика и финансиста — при нем, так почему бы не начать все сначала?

Объявили посадку в самолет. Шелер без вопросов прошел контроль и направился к выходу.

Два молодых человека, беседовавших у стойки, переглянулись и кивнули друг другу. Один из них окликнул Шелера:

— Господин Соколов!

Шелер застыл на месте и медленно обернулся:

— Да?

— Пожалуйста, вернитесь на минуточку.

Стараясь сохранить хладнокровие, Шелер подошел к стойке.

— Будьте добры, ваш паспорт.

Он протянул документ. Молодой человек сделал вид, что пристально вглядывается в фотографию, затем перевел взгляд на него и вежливо произнес:

— Пройдите в ту комнату, пожалуйста.

— А в чем дело? Что-нибудь не в порядке?

— Вам все объяснят.

Шелер пожал плечами и отправился в указанном направлении. За ним вплотную шли два молодых человека.

В небольшой комнате Шелера встретили еще двое. Тот, что выглядел старше и солиднее, подошел к нему, снял с него очки, отклеил фальшивую бородку и улыбнулся:

— Добрый день, Шелер Виктор Александрович!

Щека «хабаровского дона» дернулась. Вот и все, дорога в Германию закрыта.

— Моя фамилия Соколов, — сказал он просто так, по инерции.

— Вопросов к вам будет немало, — пристально посмотрел на него Свиридов, — но на один ответьте прямо сейчас, хорошо? Назовите имена Коммерсанта, Дипломата и Генерала.

Шелер не колебался ни секунды. Имена он назвал сразу, причем, не без удовольствия.

Эпилог

ЗА СТЕКЛЯННОЙ СТЕНОЙ

В узеньком коридорчике за стеной, отделяющей его от палат, было полутемно и тихо. Кедрин смотрел в стекло с односторонней прозрачностью и видел, как доктор Декман что-то долго говорит Кролику. Кролик улыбался, и это было победой доктора — больной уже научился улыбаться.

Перед тем как прийти сюда, Кедрин около получаса беседовал с Яном Карловичем. Его интересовало, сможет ли Кролик вернуться из мрака, возможно ли в принципе исцеление.

— Видите ли, Сергей Николаевич, — говорил доктор, — случай исключительно сложный. Я ведь не могу вскрыть его черепную коробку и снова сшить все, что разрезано, и разрезать все, что сшито. Наука до такого еще не додумалась. Но я надеюсь, что физические повреждения не слишком велики. Главным образом, он стал жертвой психотехнической обработки. Я посвящаю ему много времени, и уже есть первые успехи. Он стал более уравновешенным, адекватнее реагирует на окружающее, может отвечать на простые вопросы. И что меня особенно радует — появились начальные признаки положительных эмоций. Страх отступает, Сергей Николаевич. Хотите посмотреть на нашего пациента?

— Я для этого и приехал.

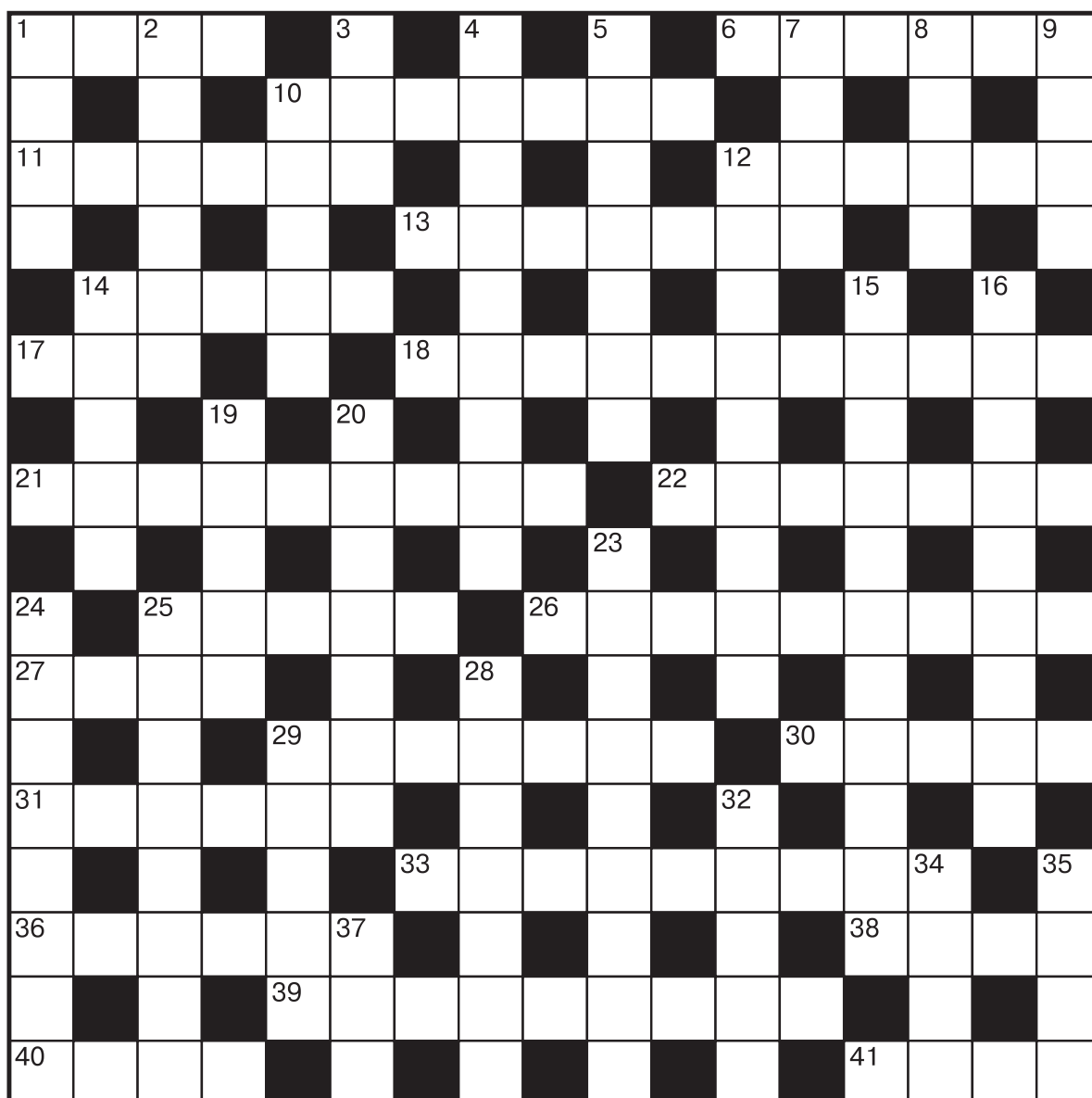
— Но в палату я вас не пущу, еще рано. Вы будете находиться за стеклом...

И теперь Сергей видел, как беззвучно шевелятся губы доктора, складываясь в слова ободрения и надежды. Там, за стеклом, была другая жизнь, со своими законами, своими несчастьями и радостями. Миссия Кедрина завершилась, и больше от него ничего не зависело. Он вдруг почувствовал себя лишним и одиноким.

Отведя взгляд от стекла, Кедрин дошел до конца коридора и отворил наружную дверь. Стемнело, в лицо пахнуло свежестью мокрых после дождя листьев. Откуда-то тянуло едва различимым горьким дымком, словно где-то далеко жгли костер.

Он посмотрел вверх, увидел над деревьями золотые квадраты вечерних московских окон, и у него внезапно защемило сердце. Ему показалось, что недавнее прошлое — только дурной сон... А там, за деревьями, за оградой клиники — спокойный и счастливый мир. Мир, в котором люди любят друг друга, в котором так тепло и уютно за освещенными окнами квартир. Мир, в котором нет ненависти и боли, и в котором никто не боится темноты. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Суп рубинового цвета. **6.** Подсказчик для актеров. **10.** Сильная оторопь. **11.** Стержень капитализма. **12.** Какой день рождения отмечает чуть меньше четверти населения земли? **13.** Какую из звезд эстрады Кевин Костнер спасает в фильме «Телохранитель»? **14.** «Говяжий штат» с карты США. **17.** Кого на краже ловят? **18.** Когда-

то он приходился на Спиридонов день. **21.** Кто преобразует цвет в шедевры? **22.** Вселенная, существование которой не подтверждено и не опровергнуто. **25.** Танец, чьи фрагменты попали во французский котильон. **26.** Американцы испытывают бронезилеты, используя скульптурный ..., близкий по плотности к человеческому телу. **27.** Плата стари-

ку Харону. **29.** Он бывает двух видов: от одного улыбка на лице появляется, от второго — исчезает. **30.** Без какой «путеводной звезды» для Льва Толстого «нет твердого направления» в жизни? **31.** Пушкинский друг, ставший его секундантом в роковой дуэли. **33.** Кто из гениальных джазменов до конца своих дней не мог точно назвать дату своего рождения — метрика гениального музыканта отыскалась лишь в середине восьмидесятых? **36.** Какого из наших театральных режиссеров Бернард Шоу и Стефан Цвейг считали гениальным? **38.** Итальянский ученый, придумавший делать из растений гербарий. **39.** «За ... приходится платить ужасающую цену». **40.** «Футбольный гранд» Испании. **41.** Чем изобилует огород у лентяя?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пушной строитель плотин. **2.** XXL на бирке. **3.** Путал. **4.** «Деревенская мэрия». **5.** «А хоть куда — а хоть в десант, такое звание — ...» **7.** Отец циклопов. **8.** Парень с дудочкой на кар-

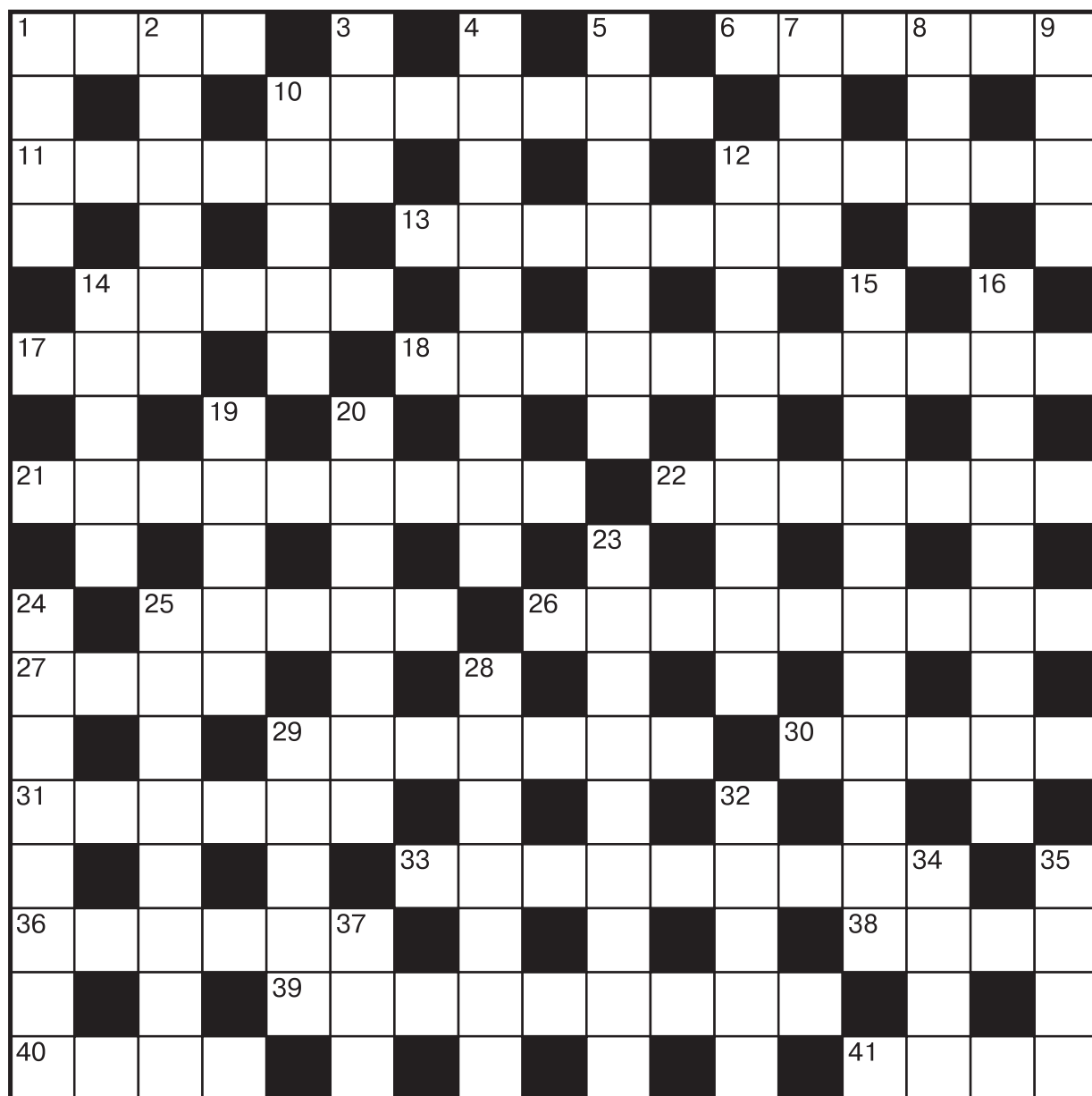
тине Михаила Нестерова. **9.** Специализация акушера. **10.** Скакун с функцией полета. **12.** Сторонник «ценностей нового поколения». **14.** Первый среди актиноидов. **15.** Строительство собственного мускулистого тела на крутых тренажерах и до изнеможения. **16.** Уильям Твид из исторической драмы «Банды Нью-Йорка». **19.** Какому искусству с детства мечтала посвятить себя Мерил Стрип? **20.** Прибалтийская столица, чей герб украшает портрет святого Христофора. **23.** Какого известного артиста однажды чуть не застрелил Яков Блюмкин, увидев, как тот протирает бархатной портьерой свои запылившиеся ботинки? **24.** Творец тортов. **25.** «Милитаризированный бомонд». **28.** За какую команду приходил поболеть на стадион генсек Леонид Брежнев? **29.** «Кружок по интересам» из жизни аристократии XVII–XIX веков. **32.** Что должен показать заяц, спасаясь от охотничьих собак? **34.** Основа штукатурки. **35.** У какого музыкального классика Рихард Вагнер частенько приворовывал мелодии для своих опер? **37.** «... в обществе».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Садко. **9.** Огурцов. **10.** Татум. **11.** Башня. **12.** Версаче. **13.** Витте. **14.** Бавария. **16.** Канцлер. **19.** Уран. **21.** Батист. **23.** Азарт. **24.** Зоосад. **25.** Бильбо. **26.** Дзюдо. **27.** Диван. **29.** Шейк. **31.** Шпажник. **33.** Ранжир. **34.** Касса. **35.** Фагот. **37.** Вустер. **39.** Дефолт. **40.** Воркута. **41.** Альт. **42.** Мьянма.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Игрек. **2.** Броснан. **3.** Волчица. **5.** «Аватар». **6.** Канкан. **7.** Дания. **8.** Кусто. **13.** Витамин. **14.** Бензозаправка. **15.** Луиза. **16.** Калорийность. **17.** Сильверстоун. **18.** Строчка. **20.** Продажность. **22.** Балакирев. **28.** Шик. **30.** Травма. **32.** Камень. **36.** Этна. **38.** Рой.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Мировая фирма электроники, начинавшая с «вечно острых карандашей». **6.** Какой художник познакомил Сергея Есенина с Айседорой Дункан? **10.** Один из «ахматовских сирот». **11.** «Магический камень» от отравлений мышьяком. **12.** Минерал, который вдоль кристаллов царапается иголкой, а поперек — нет. **13.** Кого

Вильгельм Завоеватель скинул с английского престола? **14.** Белое вино с Азорских островов. **17.** «Изначальные Воды» в мифах древних египтян. **18.** Экстремальная буксировка воздушным змеем. **21.** Японское жареное блюдо из тофу. **22.** Эмблема законности в дореволюционной России. **25.** Лампа, ставшая талисманом студии Pixar. **26.** Тосканский

овощной суп. **27.** Шатер для церемоний у монголов. **29.** Опера Гаэтано Доницетти, упомянутая в рассказе «Страшная минута» Александра Куприна. **30.** С каким поэтом у Андрея Вознесенского произошел разрыв из-за парижского интервью? **31.** Смородиновое желе. **33.** Кто воздвиг храм Артемиды Эфесской? **36.** «Низший слой всемирного эфира» для Елены Блаватской. **38.** Богиня, чьего мужа испепелил Шива. **39.** Кто из великих дирижеров на пари мог вспомнить все кляксы в своих партитурах? **40.** Моряки, возвращавшиеся из Индии в XVII веке, рассказывали о растении, делающим мед без пчел. Что оно такое? **41.** Спирт с перцем у моряков.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Чувашская волянка. **2.** Самый большой стадион Армении. **3.** Великий датский ученый, получивший Нобелевскую премию в год рождения собственного сына. А, спустя пятьдесят три года, тот тоже получил ее! **4.** Злой дух любовной страсти из славянских мифов. **5.** Какой тренер впервые вклю-

чил Диего Марадону в состав национальной сборной? **7.** Где проходили Дорические игры? **8.** В честь какого города назвали самый популярный в Австрии торт? **9.** Легендарная Катарина, «ставшая невольной виновницей» того, что фигуристок на льду обязывают надевать юбки! **10.** Танцевальное исполнение из фламенко. **12.** Отец экзистенциализма. **14.** Топливо для конницы. **15.** Натуральный шелк для изготовления мембран. **16.** Бертольд Шварц в миру. **19.** Порошок манго в индийской кухне. **20.** Один из «вечных странников» в психоанализе Эриха Фромма. **23.** Медитация прозрения. **24.** Балетный прыжок. **25.** «Мудрец простосердечный» для Александра Пушкина. **28.** Наш старший лейтенант, единственная женщина, совершившая воздушный таран. **29.** Галстук с фабричным узлом. **32.** В честь какой комедии названа знаковая пивная в Ярославле? **34.** Оттенок синего цвета. **35.** Рукава жакета эпохи бургундской моды. **37.** Великий американский аферист Чарльз Понци утверждал, что «каждую минуту рождается новый ...»

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Имола. **9.** Лопухин. **10.** Гердт. **11.** «Греко». **12.** Бриарей. **13.** Кучин. **14.** Сыромах. **16.** Венский. **19.** Ален. **21.** Багдет. **23.** Фишер. **24.** Альфин. **25.** Кемпер. **26.** Сидка. **27.** Натто. **29.** Тиаз. **31.** Морозов. **33.** Паскар. **34.** Риина. **35.** Тодди. **37.** Гнедич. **39.** Бертло. **40.** «Радиант». **41.** Насу. **42.** «Ассоль».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Мохра. **2.** Мутаген. **3.** Фидеист. **5.** Мирный. **6.** Люксон. **7.** Петух. **8.** Эдвин. **13.** Каразея. **14.** Сифилидология. **15.** Чаван. **16.** Вельтайслерс. **17.** Адопцианство. **18.** Стурдза. **20.** Вейкбординг. **22.** Ливтрасир. **28.** Тор. **30.** Эпигон. **32.** Витекс. **36.** Поль. **38.** Чад.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2018 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Когда в нашей жизни что-то случается неприятное, мы обычно ссылаемся на невезение, рок или судьбу и никогда не задумываемся над тем, что та же «судьба» порой посылает нам в помощь определенные знаки, которые надо только разглядеть и понять.

Нам интересно, а были ли у вас такие ситуации, когда некий «знак свыше» помог вам найти правильное решение или что-то изменить в вашей жизни в лучшую сторону. Вот мы и решили в 2018 году объявить среди наших подписчиков

новый конкурс «Знаки судьбы».

Ждем ваших интересных историй!

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:

tomasmena@mail.ru до 20 ноября 2018 года.

Не забудьте указать свой возраст и профессию.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2019-го. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

